

Перевод А. А. Креснина

ЭРИК АМБЛЕР

ЭПИТАФИЯ

ДЛЯ

ШИМОНА

И среди шума Кубла Хан услышал откуда-то издалека голоса предков, предвещавшие войну.

С. Т. КОЛЬРИДЖ

Глава первая

АРЕСТ

Во вторник, четырнадцатого августа, я приехал в Сен-Гатьен, неподалеку от Ниццы. В четверг, шестнадцатого числа, в одиннадцать часов сорок пять минут утра, я был арестован полицейским агентом и инспектором полиции, доставившими меня в комиссариат.

Оказалось совсем легко написать эти две фразы. Сидя за столом и глядя на лист бумаги перед собой, я спрашиваю себя, какое впечатление произведут мои слова. Не так давно один вид их заставил бы меня выбежать на улицу, чтобы смешаться с толпой, вдыхать пыль, поднимающуюся от мостовой, и знать, что я не один. Тем не менее сегодня я могу написать их без всякого волнения. Время быстро залечивает раны, или, быть может, все, происходящее с нами, столь отрывочно и нецелно, а то, что сегодня кажется отрезком прямой, завтра не что иное, как часть идеально правильной окружности? Герр Шимлер ответил бы утвердительно на этот вопрос; но Шимлер вернулся в Германию, и вряд ли я когда-нибудь еще увижу его. Правду говоря, не очень верится в то, что встречу с кем-нибудь из других. Несколько недель назад я получил письмо от одного из них. Мне передал его новый хозяин гостиницы «Резерв». Письмо содержало воспоминание о «приятных минутах», проведенных в моем обществе, и заканчивалось просьбой одолжить сто франков. Я не ответил, и это послание до сих пор лежит в моем бумажнике. Если даже у меня и были какие-то приятные минуты в обществе автора письма, то я абсолютно не помню о них. С другой стороны, моих денег слишком мало, чтобы давать их взаймы. Кстати, это одна из причин, побудивших меня писать этот рассказ. Другая... о ней вы будете судить сами.

На участке в несколько километров между Тулоном и Ля Съота железная дорога проходит совсем рядом с берегом. Пока поезд пронесется между бесчисленными туннелями, из которых состоит этот отрезок пути, можно успеть различить клочки голубого моря, красные скалы и белые домики, приютившиеся между сосновыми рощами. Впечатление такое же, как когда вы смотрите цветные диапозитивы, которые показывает

нетерпеливый демонстратор. Глазам не хватает времени, чтобы остановиться на деталях. Даже если вы знаете, где находится Сен-Гатьен, и готовитесь к выходу, городка, за исключением блестящей красной крыши и желтых оштукатуренных стен Hotel de la Reserve, совсем не видно.

Один парижский друг рассказал мне о Сен-Гатьене и тамошнем пансионе. Если верить ему, кухня в «Резерве», комнаты удобны, местность приятна, и к тому же городок еще не был «открыт» курортниками. За сорок франков в день в «Резерве» можно отлично прожить.

Сорок франков для меня довольно дорого, но уже через два дня я перестал упрекать себя за расточительность. Правду говоря, мне захотелось провести здесь все три недели отпуска вместо того, чтобы рассматривать городок как простую остановку на обратном пути в Париж. Вот каков Hotel de la Reserve.

Поселок Сен-Гатьен расположен очень живописно в тени холма, на вершине которого находится отель. Как и в большинстве рыбацких поселков Средиземноморья, стены домов выкрашены белой, голубой или розовой краской. Покрытые лесом утесы, склоны которых спускаются к воде на противоположной стороне бухты, защищают крошечный порт от ярости мистраля, дующего по временам со страшной силой с северо-востока. В поселке семьсот сорок три жителя, по большей части рыбаки. Здесь есть два кафе, три бистро, семь магазинов и чуть дальше за поворотом берега — полицейский участок.

Однако с конца террасы, где я находился в то утро, ни поселка, ни комиссариата не было видно. Гостиница стоит на самой верхушке холма, а терраса протянулась вдоль южной стороны здания, где ровная площадка обрывается почти вертикально, образуя овраг глубиной в пятнадцать метров, так что ветви сосен, растущих в нем, достигают столбиков балюстрады. Если пройти немного дальше в сторону мыса, можно заметить что местность начинает подниматься. Видны грани красных скал среди зарослей кустарника, а изогнутые ветром тамариски выделяются на ярко-голубом фоне моря. По временам над скалами, разбросанными у подножья, поднимаются облака белой пены. Приятный и мирный пейзаж.

Стало жарче, и цикады завели свою монотонную песню в саду возле гостиницы. Чуть повернув голову, можно увидеть между столбиками балюстрады небольшой пляж «Резерва». Врытые в песок, на нем стояли два огромных цветастых гриба. Из-под одного из них виднелись две пары ног, мужская

и женская. Судя по виду, они принадлежали молодым и очень загорелым людям. Слабый гул голосов говорил о том, что на теневой стороне пляжа были и другие гости, невидимые мною. Садовник с головой, защищенной от солнца огромной соломенной шляпой, выводил синей краской полосу вдоль борта небольшой лодки, лежавшей вверх дном на козлах. Моторная лодка огибала мыс в дальней стороне бухты, направляясь к пляжу. Когда она подошла поближе, я различил высокую худощавую фигуру Кехе, хозяина «Резерва», склонившегося над рулем. На его спутнике были порыжевшие парусиновые брюки, и я решил, что это один из местных рыбаков. В море они вышли, видимо, на рассвете, так что на этот раз у нас будет на завтрак свежая рыба. Совсем далеко пассажирский пароход шел по своему курсу из Марселя в Вильфранш.

Я подумал, что на завтрашний вечер надо будет приготовить чемодан и в субботу утром сесть на автобус, идущий в Тулон, чтобы успеть на парижский поезд. В самое жаркое время поезд пройдет где-то возле Арля, и я буду сидеть, прилипнув к жесткому сидению вагона третьего класса, где все покрыто слоем пыли и копоти. Когда поезд приблизится к Дижону, я уже не почувствую ничего, кроме усталости и жажды. Надо будет не забыть захватить бутылку воды и подлить в нее немного вина. Прибытие в Париж чуть-чуть подымет мне дух, но ненадолго. Пока я доберусь пешком от Лионского вокзала до станции метро, чемодан начнет казаться невыносимо тяжелым. Линия Нейи-Конкорд. Пересадка. Линия Исси-Монпарнас. Линия Орлеанские ворота-Алезия. Высадка. Монруж. Авеню Шатильон. Гостиница «Бордо». А утром в понедельник я наскоро позавтракаю у стойки кафе «Ориент» и снова отправлюсь в метро до площади Звезды, а потом пешком по авеню Марсо. Мсье Матис уже будет на месте.

— Доброе утро, мсье Вадаши! Вы отлично выглядите. На этот раз займетесь начальным курсом английского, повышенным немецкого и начальным итальянского. Я сам возьму повышенный английский. У нас добавилось двенадцать новых слушателей. Три коммерсанта и девять *restaurateurs* (он никогда не называет их официантами). Все хотят изучать английский. На венгерский охотников что-то нет. — Новый учебный год.

А пока я наслаждался видом сосен и моря, красноватых скал и песка. Я вытянулся поудобнее, и какая-то ящерица метнулась по выложенному плитками полу террасы, чтобы устроиться на солнышке подальше от тени, отбрасываемой

моим креслом. Было видно, как пульс бьется на ее горле. Хвост изогнулся полукругом, касательным к линии, разделяющей плитки. Похоже, что ящерицы обладают особым чувством геометрии.

Эта зверюшка напомнила мне о фотографиях.

У меня в этом мире есть всего два ценных предмета. Один из них — фотокамера, а второй — письмо, написанное Деаком * фон Бойсту 10 февраля 1867 года. Если бы кто-то предложил мне деньги в обмен на это письмо, я принял бы их с удовольствием; но аппарат свой я так люблю, что только голод мог бы заставить меня расстаться с ним. Не то, чтобы я очень хороший фотограф. Правда, однажды мой снимок был показан на выставке «фотография года» в Париже, но, как отлично известно всем фотографам, каждый любитель, имея хорошую камеру, кое-какие навыки и потратив множество катушек пленки, рано или поздно добьется успеха. Тут, как и в тех состязаниях на ловкость, которые мне приходилось видеть на английских ярмарках, все по большей части зависит от случая.

Я сделал в «Резерве» несколько снимков и накануне отнес пленку местному фармацевту, чтобы тот ее проявил. Обычно мне и в голову не приходит отдавать кому-то проявлять свои пленки. Половина удовольствия любителя-фотографа состоит в том, чтобы все делать самому; в данном случае, однако, снимки были экспериментальными, и, чтобы увидеть результат до отъезда из Сен-Гатьена, пришлось отдать пленку на милость фармацевта. Он как будто хорошо знал свое дело и заботливо записал все мои наставления. Негатив должен быть проявлен и высушен к одиннадцати часам.

Я взглянул на часы. Была половина двенадцатого. Если я сейчас пойду в аптеку, времени хватит с избытком, чтобы вернуться, выкупаться и выпить аперитив перед обедом.

Я встал, прошел через террасу и сад, потом спустился по каменной лестнице, ведущей к шоссе. Над раскаленным асфальтом поднималось марево. Я был без шляпы и, приронувшись к волосам, почувствовал, что они прямо пышут огнем. Покрыв голову платком, я зашагал дальше, к аптеке, находившейся на главной улице, недалеко от порта.

Внутри здания царил прохлада, пахло одеколоном и карболкой. Звон дверного колокольчика, возвещавшего о приходе посетителя, едва успел умолкнуть, как фармацевт уже

---

* Венгерский государственный деятель XIX века.

появился с другой стороны стойки. Он смотрел прямо мне в глаза, но, кажется, не узнавал.

— *Monsieur désire?*..

— Вчера я отдал вам катушку пленки, чтобы вы ее проявили.

Он медленно покачал головой.

— Еще не готова.

— Вы обещали, что все будет сделано к одиннадцати.

— Еще не готова,— спокойно повторил он.

Несколько мгновений мы оба молчали. Я заметил нечто необычное в поведении аптекаря. Его глаза, увеличенные толстыми стеклами очков, по-прежнему не отрывались от меня, но их выражение было очень странным. Сразу же стало понятно, в чем дело: этот человек боялся.

Помню, что, сообразив это, я вздрогнул. Он боялся меня... Я, проведший всю жизнь в страхе перед другими, в конце концов каким-то образом внушил страх себе подобному! Захотелось расхохотаться, и одновременно мной овладело раздражение: еще бы, я ведь решил, что понял, в чем дело. Фармацевт наверняка положил мою цветную пленку в обычный проявитель и загубил ее.

— Негатив в хорошем состоянии?

Фармацевт закивал головой.

— В отличном, мсье. Не успел только высохнуть. Если вы будете добры дать мне свой адрес, сын принесет вам снимок, как только все будет готово.

— Не стоит, я найду еще раз.

— Ну что вы, нам это не доставит никаких хлопот.

Был замечен оттенок странного любопытства в его голосе. Если можно так выразиться, я мысленно пожал плечами. Что ж, раз этот тип погубил негатив и так боится сообщить дурную новость, не мое дело. В душе я уже смирился с провалом своего эксперимента.

— Хорошо,— сказал я и продиктовал ему свое имя и адрес.

Он очень громко повторил их, записывая в какую-то книгу.

— Мсье Вадаши, отель «Резерв»,— он немного понизил голос и провел языком по губам, прежде чем продолжить.— Как только негатив будет готов, я пришлю вам его.

Я сказал «спасибо» и направился к выходу. Передо мной стоял неизвестно откуда появившийся мужчина в соломенной шляпе и плохо сидевшем на нем черном костюме. Аптека была тесной, и, видя, что он не собирается уступить мне дорогу, я, пробормотав какие-то слова извинения, попы-

тался пройти рядом с ним. В этот момент он положил руку мне на плечо.

— Мсье Вадаши?

— Да.

— Попрошу вас пройти со мной в комиссариат.

— Зачем?

— Есть вопросы насчет вашего паспорта. Простая формальность, мсье,— ответил он дружелюбно.

— Может, мне лучше тогда зайти в гостиницу за паспортом?

Не отвечая, он глянул через мое плечо и сделал почти незаметный знак. Чья-то рука схватила меня за другое плечо. Я оглянулся. Фармацевт куда-то исчез.

Руки без особой любезности толкали меня вперед.

— Не понимаю...— сказал я.

— Поймете,— коротко ответил мне тот, который был в штатском.— Allez file!

Его дружелюбие словно испарилось.

Глава вторая

ДОПРОС

Путь до комиссариата мы проделали молча. Продемонстрировав один раз свою власть, agent дальше шел уже в нескольких шагах позади меня и того, что был в штатском. Я обрадовался этому: мне вовсе не улыбалось идти по поселку в сопровождении полицейского, словно вульгарному воришке. Уже и так некоторые бросали на нас любопытные взгляды, и я слышал, как двое прохожих обменивались шутливыми замечаниями насчет «скрипки».

Жаргон у французов груб и чрезвычайно запутан: трудно представить себе что-то менее напоминающее скрипку, чем Commissariat de Police — единственное в Сен-Гатьене безобразное здание в форме куба из грязного бетона с похожими на глаза окошками. Находится он над бухтой, в нескольких сотнях метров от поселка, и его внушительные размеры объясняются тем, что в нем размещаются полицейские власти всего округа, геометрическим центром которого является Сен-Гатьен. Того, что Сен-Гатьен — один из самых маленьких, труднодоступных и чужих законы городков в округе, власти, надо полагать, в расчет не принимали. Жители поселка очень гордятся своим комиссариатом.

Меня провели в комнату, где не было ничего, кроме стола и нескольких деревянных скамеек. Полицейский в штатском

ушел, а под присмотром которого я остался, сел рядом со мною на скамейку.

— Это надолго затянется?

— Разговаривать запрещено, — ответил полицейский.

Я посмотрел в окно. По ту сторону бухты виднелись яркие грибки на пляже «Резерва». Я подумал, что выкупаться уже не успею, выпью разве что аперитив в каком-нибудь кафе на обратном пути. Меня охватила усталость.

— Attention! — выкрикнул внезапно мой конвоир.

Дверь отворилась, и какой-то мужчина средних лет, в расстегнутом мундире, без кепки и с заткнутым за ухо карандашом, дал нам знак выходить. Agent застегнул воротник, пригладил мундир, поправил кепи на голове и, с совершенно излишней грубостью схватив за плечо, повел меня по коридору куда-то в противоположную сторону здания. Осторожно постукав, он открыл дверь и подтолкнул меня внутрь.

Я почувствовал под ногами истертый ковер. Передо мной за столом, заваленным бумагами, примостился похожий на коммерсанта человечек в очках. Это был сам Commissaire. Сбоку стола, глубоко утопая в кресле, сидел чудовищно тучный мужчина в альпаковом костюме. Если не считать нескольких коротких бесцветных волосков, росших в складках жира вокруг шеи, он был совершенно лыс. Кожа на его лице обвисала жирными складками, опускавшимися до уголков рта и придававшими всему лицу довольно суровое выражение. Глаза с тяжелыми веками были удивительно маленькими. По лицу его стекал пот, и мужчина непрерывно вытирал платком шею под воротом рубашки. На меня он не глядел.

— Жозеф Вадаши?

Вопрос задал комиссар.

— Да.

Комиссар подал знак продолжавшему стоять позади меня полицейскому, и тот вышел, осторожно притворив за собою дверь.

— Ваше удостоверение личности?

Я вынул его из бумажника и протянул комиссару. Он придвинул к себе чистый лист бумаги и начал делать заметки.

— Возраст?

— Тридцать два года.

— Насколько я вижу, вы преподаватель иностранных языков.

— Да.

— Где работаете?

— Школа иностранных языков Бертрана Матиса, авеню Марсо 114-бис, Париж, шестой округ.

Пока комиссар записывал все это, я взглянул на толстяка. Он закрыл глаза и спокойно обмахивал лицо платком.

— Attention! — воскликнул внезапно комиссар. — У вас есть разрешение на работу во Франции?

— Да.

— Покажите.

— Оно в Париже. Сюда я приехал на несколько дней отпуска.

— Вы югославский подданный?

— Нет, венгерский.

Комиссар с видимым удивлением пристально посмотрел на меня. Защемило сердце. Придется снова долго и запутанно выяснять проблему моей национальной принадлежности, или, точнее говоря, отсутствия таковой, а это всегда пробуждало худшие инстинкты в сотрудниках полиции. Комиссар начал быстро перебирать бумаги, которыми был завален стол. Через мгновение он с возгласом удовлетворения сунул мне что-то под нос.

— Тогда чем вы объясните вот это?

Вздрогнув от удивления, я понял, что «это» было моим паспортом, тем самым, который я считал спокойно лежащим в чемодане. Я понял, что полиция обыскала мой номер, и начал чувствовать некоторое беспокойство.

— Я жду ваших объяснений, мсье. Если вы венгр, почему пользуетесь югославским паспортом? Мало того, паспортом, срок годности которого истек добрых десять лет назад... А?

Уголкем глаза я заметил, что толстяк перестал обмахиваться платком. Пришлось начать рассказ, давно уже набивший мне оскомину.

— Я родился в городке Сабадка, в Венгрии, мсье. Согласно Трианонскому договору, Сабадка в 1919 году была включена в территорию Югославии. В 1921 году я уехал учиться в Будапештский университет. В это время мой отец и старший брат были арестованы югославской полицией по обвинению в политическом преступлении и расстреляны. Мать умерла во время войны, а других родственников и друзей у меня не было. Мне посоветовали не возвращаться на родину. В Венгрии дела шли все хуже, и в 1922 году я переехал в Англию и оставался там, преподавая немецкий язык в школе возле Лондона до 1931 года, когда разрешение на работу было у меня отобрано. Я оказался одним из многих иностранцев, к которым в то время была применена подобная мера. Когда срок годности паспорта истек, я просил о его продлении в югославском посольстве в Лондоне, но мне отказали под предло-

гом, что я не могу считать себя гражданином этой страны. После того как у меня отобрали разрешение на работу в Англии, мне пришлось искать ее в других странах. Я направился в Париж. Полиция разрешила остаться там и выдала документы с оговоркой, что, в случае выезда из Франции, вернуться туда мне уже не будет разрешено. Я подал ходатайство о получении французского гражданства. Через год, — закончил я с улыбкой, которую постарался сделать как можно более симпатичной, — надеюсь быть призванным на военную службу.

Я посмотрел на них обоих. Толстяк закурил сигарету. Комиссар презрительно щелкнул по моему просроченному паспорту и бросил взгляд на коллегу. Я как раз смотрел на комиссара, когда толстяк заговорил. Я вздрогнул, потому что голос у этого толстого великана оказался тенором, совершенно не соответствовавшим внешности толстяка.

— За какое политическое преступление были расстреляны ваши отец и брат?

Он говорил медленно и осторожно, словно боясь надорвать свой голос. Повернувшись, чтобы ответить ему, я увидел, как он выпустил клуб дыма из зажатой в зубах сигареты.

— За социалистическую пропаганду, — объяснил я.

— А! — воскликнул комиссар, словно теперь он все понял. — В таком случае это объясняет... — начал он довольно неприятным тоном.

Толстяк, однако, поднял руку, давая ему знак замолчать. Рука была маленькой и пухлой, как у ребенка.

— Каким языкам вы обучаете, мсье Вадаши? — спросил он мягко.

— Немецкому, английскому, итальянскому и, при случае, венгерскому. Не понимаю, однако, какое отношение все эти вопросы имеют к моему паспорту.

Толстяк игнорировал мое замечание.

— Вы бывали в Италии?

— Да, в детстве. Моя семья обычно проводила там каникулы.

— Вы же были там при теперешнем режиме?

— По вполне понятным причинам — нет.

— Во Франции у вас есть знакомые итальянцы?

— Есть один — там, где я работаю. Преподаватель, как и я.

— Как его зовут?

— Филиппино Росси.

Я заметил, что комиссар записал фамилию.

— Больше никого?

— Никого.

Я был совершенно сбит с толку. Куда они метят? Какое отношение имеют итальянцы к моему паспорту? В тот момент это было непонятно, и должно было пройти немало времени, прежде чем я получил ответы на возникшие вопросы.

— Вы занимаетесь фотографией, мсье Вадаши? — на этот раз вопрос задал снова комиссар.

— Как любитель.

— Сколько у вас фотоаппаратов?

Бред какой-то.

— Один. Может быть, вы будете добры сказать мне... — начал я.

Комиссар наклонился вперед и ударил кулаком по столу.

— Здесь вы должны отвечать на наши вопросы! — крикнул он, потом после небольшой паузы добавил: — Ладно, вы говорите, что у вас один-единственный аппарат?

— Да.

— Какой марки?

— Цейсс Контактс.

Он открыл ящик стола.

— Этот?

Я узнал свою любимую камеру.

— Да, — ответил я со злостью, — и мне хотелось бы знать, какое право имели вы рыться в моих вещах. Будьте добры ответить.

Я протянул руку, чтобы взять камеру.

Комиссар снова сунул ее в ящик.

— Attention. пожалуйста. Другого фотоаппарата у вас нет?

— Я уже сказал вам: нет!

На губах комиссара появилась довольная улыбка. Он вновь открыл ящик.

— В таком случае, как вы объясните, мсье Вадаши, тот факт, что местный фармацевт получил от вас для проявления эту киноплёнку?

Я удивленно посмотрел на него. Он держал в руках развернутый негатив той пленки, которую я оставил аптекарю. С того места, где я сидел, мне казалось, что я различаю на просвет мои экспериментальные снимки: две дюжины снимков на одну и ту же тему — о ящерицах. Я заметил, что комиссар снова ухмыльнулся, и засмеялся сам так ехидно, как только умею.

— Я вижу, что вы не фотограф, мсье, — сказал я с оттенком превосходства. — Это не киноплёнка.

— Вот как? — протянул он скептически.

— Именно так. Согласен, что они похожи, но пленка для киноаппарата на миллиметр уже. То, что вы держите в руках, это обычная катушка на тридцать шесть снимков размером двадцать четыре на тридцать шесть миллиметров для камеры Контактс.

— Значит, эти фотографии были сделаны тем аппаратом, который мы нашли в вашей комнате?

— Разумеется.

Последовала многозначительная пауза. Они обменялись взглядами.

— Когда вы прибыли в Сен-Гатьен? — спросил меня наконец толстяк.

— Во вторник.

— Откуда?

— Из Ниццы. Поездом, который отходит в девять двадцать.

— В котором часу вы приехали в «Резерв»?

— Перед самым ужином, где-то около семи.

— Однако поезд из Ниццы приходит в Тулон в половине четвертого. В четыре часа есть автобус на Сен-Гатьен, так что вы должны были приехать около пяти. Почему вы задержались?

— Это же смешно! — воскликнул я.

Он быстро поднял взгляд, и я увидел, что в его глазах появилось угрожающее выражение.

— Отвечайте на мой вопрос. Почему вы задержались?

— Ну, хорошо. Я оставил чемодан на вокзале и пошел погулять по набережной. Я не бывал в Тулоне, и мне хотелось посмотреть город, а я знал, что в шесть часов есть другой автобус.

Толстяк с задумчивым видом вытер шею платком.

— Сколько вы зарабатываете, мсье Вадаши?

— Шестьсот франков в месяц.

— Не так уж много, правда?

— К сожалению, да.

— Контактс — дорогая камера?

— Но зато очень хорошая.

— Вне всяких сомнений, и все-таки я хочу знать, сколько вы заплатили за нее.

— Четыре тысячи пятьсот франков.

Толстяк негромко присвистнул.

— Ну-ну! Довольно дорого, а? Почти полугодовое жалование, верно?

— Да, фотография — это мое хобби.

— И дорогое хобби, насколько я вижу. Вы, кажется, способны творить чудеса со своими шестьюстами франками, мсье Вадаши. Отпуск в Ницце и нашем «Резерве»! Больше, чем можем себе позволить мы, бедные полицейские. Что скажете, комиссар?

В голосе его не было ни малейшего оттенка юмора. Комиссар сардонически засмеялся. Я почувствовал, что краснею.

— Я долго собирал деньги на эту камеру, — сказал я со злостью. — А что касается отпуска, так он первый за пять лет, и ради него тоже пришлось экономить.

— Еще бы! — проговорил комиссар с презрительной миной.

Меня возмутило его поведение.

— Достаточно, мсье, — взорвался я. — Теперь моя очередь попросить у вас объяснений. Чего вы от меня хотите? Я готов отвечать на вопросы, касающиеся моего паспорта. Вы вправе задавать их, но у вас нет никакого права забирать мои личные вещи. Так же, как нет права допрашивать в вызывающей форме, чтобы узнать о моих личных делах. Что касается этих негативов, которым вы придаете какое-то таинственное значение, могу лишь сказать, что мне неизвестны законы, запрещающие фотографировать ящериц. Итак, господа, я не совершил никакого преступления; и я голоден, а сейчас обеденная пора. Будьте добры немедленно вернуть мой фотоаппарат, мои негативы и мой паспорт. Если вы этого не сделаете, я вынужден буду обратиться за советом к адвокату.

В заключение я стукнул кулаком по столу комиссара. Ручка покатила и упала на пол. Мгновенье стояла полная тишина. Я посмотрел на них: оба не шевельнулись.

— Ладно, — сказал я и направился к двери.

— Одну минутку, мсье, — проговорил толстяк.

Я остановился.

— Ну?

— Сделайте милость и не заставляйте и себя, и нас зря терять время. Охранник все равно не выпустит вас, а мы хотели бы задать еще несколько вопросов.

— Вы можете силой задержать меня здесь, — с яростью ответил я, — но отвечать на свои вопросы вы меня не заставите.

— Разумеется, — кивнул толстяк, — таков закон. Однако мы рекомендовали бы вам согласиться... ради вашего же блага.

Я ничего не ответил.

Толстяк взял негатив, лежащий на столе, и, глядя на свет, начал протягивать пленку между пальцами.

— Больше двух дюжин снимков,— заметил он,— и почти на всех ящерицы. Довольно любопытно. Вам так не кажется, Вадаши?

— Ничуть,— отрезал я.— Если бы вы что-то понимали в фотографии или были немного понаблюдательнее, вы бы заметили, что на снимках различное освещение и тени группируются по-разному. Тот факт, что заснятый на каждом из кадров объект — ящерица, не играет роли. Различие состоит в свете и композиции. В любом случае, даже если бы мне вздумалось сделать сотню снимков ящериц, греющихся на солнце, не понимаю, какое вам до этого дело.

— Очень изобретательное объяснение, Вадаши. Очень изобретательное. А теперь скажу вам то, что я думаю. Я полагаю, Вас абсолютно не интересовало, что вы снимаете на этих двадцати шести кадрах, и вы стремились просто поскорее закончить пленку и проявить остальные десять.

— Остальные десять? Что вы имеете в виду?

— А может, не стоит притворяться, Вадаши?

— Уверяю вас, я не понимаю, о чем вы говорите.

Толстяк тяжело поднялся из кресла и подошел ко мне.

— Не понимаете? Что вы скажете о первых десяти снимках, Вадаши? Может объясните, с какой целью вы их сделали? Уверен, что нам это будет очень интересно.— Он ткнул меня в грудь указательным пальцем.— Свет, Вадаши, или группировка теней так заинтересовали вас в новых укреплениях морской базы в Тулоне?

Я ошарашенно смотрел на него.

— Вы шутите? — пробормотал я.— Снимки на этой пленке, кроме ящериц, это лишь те, что я снял на карнавале в Ницце накануне отъезда.

— Вы признаете, что снимки на этой пленке сделаны вами? — спросил он задумчиво.

— Я же сказал, что да.

— Хорошо. Будьте добры просмотреть их.

Я взял негатив и начал кадр за кадром просматривать его против света. Ящерицы, ящерицы, ящерицы. Некоторые кадры получились очень неплохо. Ящерицы. Еще ящерицы. Внезапно я замер. Что это, черт возьми? Я быстро поднял глаза. Оба полицейских внимательно наблюдали за мной.

— Продолжайте, Вадаши,— иронически посоветовал комиссар.— Не трудитесь изображать изумление.

Не веря глазам своим, я еще раз посмотрел на пленку. На кадре был отрезок берега, частично закрытый чем-то, скорее всего какой-то рамкой, находившейся недалеко от объектива.

На берегу виднелась серая, немного вытянутая полоса. На другом кадре, снятом на этот раз с меньшего расстояния и под другим углом, та же серая полоса. На одной из ее сторон находилось что-то, вроде люков. Еще кадры. Два, снятых с того же места, и еще один — откуда-то сверху. Потом три кадра, почти полностью затемненных какой-то массой, расположенной перед аппаратом. Края этой массы были расплывчатыми, и по своей фактуре она производила впечатление куска материи. Дальше следовал снимок какого-то бетонного сооружения, расположенного очень близко к аппарату и не в фокусе. Последний снимок был передержан, но слишком темным получился только один угол. Сделан он был с края чего-то, напоминавшего огромную бетонную галерею. На мгновение я заинтересовался любопытными световыми эффектами, возникшими на фотографии. Потом вдруг стало понятно: на кадре перед моими глазами были громадные начищенные до блеска стволы береговых орудий.

Глава третья

БЕГЕН

Формально об аресте мне сообщил какой-то чиновник прокуратуры, усталый человечек, который по просьбе толстого детектива подверг меня короткому допросу, прежде чем передать на попечение комиссара. Я узнал, что обвиняюсь в шпионаже, проникновении в запрещенную военную зону, а также в том, что делал и имел в своем владении фотоснимки, представляющие угрозу для безопасности Французской республики. После того как мне зачитали обвинение и решили, что я его понял, у меня отобрали пояс (по-видимому, чтобы я не повесился) и содержимое моих карманов, а потом отвели — штаны я поддерживал обеими руками — в камеру, расположенную где-то в задней части здания. Там меня оставили поразмыслить над происшедшим. Сказав «ошеломлен», я бы не выразил и половины того, что чувствовал. Меня настолько вывели из себя, что любые резкости, готовые сорваться с моих губ, я отбрасывал, как недостаточно выразительные, и в результате просто молчал. Полицейские, несомненно, по-своему истолковывали это молчание. Теперь, однако, оставшись один, я начал размышлять спокойнее. То, что со мной случилось, было смешным! Скандальным! Невозможным! Тем не менее это случилось. Меня заперли в камере и обвинили в шпионаже. Приговор, если до этого дойдет дело, будет гласить: четыре года заключения в одной из французских тюрем.

а потом высылка из страны. Я пережил бы заключение, пусть даже и во французской тюрьме... но высылка! Мне стало до дурноты страшно. Если Франция вышлет меня, мне некуда будет податься. В Югославии меня сразу же арестуют, в Венгрию, Германию или Италию въезд тоже закрыт. Даже если бы осужденному шпиону без паспорта и позволили въехать в Англию, разрешения на работу там не выдадут. Для Соединенных Штатов я буду просто нежелательным иностранцем. Латиноамериканские республики потребовали бы в качестве гарантии моего хорошего поведения явно недоступные для меня огромные деньги. Советская Россия вряд ли заинтересуется бывшим шпионом больше, чем Англия. Даже китайцы потребовали бы паспорт. Мне некуда податься. И кому до этого дело? Никого не интересует, что случится с каким-то жалким преподавателем иностранных языков без национальности. Никакой консул не вмешается в мою судьбу, ни один парламент, конгресс или палата депутатов не займется ею. Официально я не существую: я призрак. Единственный выход, который мне остается, — это покончить со своим существованием так, чтобы и следа не осталось. Пожалуй, наиболее подходящим средством был бы огонь. Сжечь и развеять пепел по ветру.

Внезапно я успокоился. Истерика напрасна: пока что я не осужденный шпион и не сижу в тюрьме. Из Франции меня тоже еще не выслали. Нужно напрячь свой мозг и найти разумное объяснение — должно же оно существовать — тому, как очутились эти снимки на моей пленке. Необходимо вернуться к моменту, когда я еще был в Ницце, и мысленно проделать весь свой путь снова.

Я помнил, что в понедельник вставил в аппарат новую пленку и делал снимки карнавала. Потом вернулся в гостиницу и положил аппарат в чемодан. Там он был, когда я запер чемодан, собираясь на поезд. До этого момента все как будто в порядке. Аппарат лежал на месте, когда я во вторник вечером открыл чемодан в «Резерве». Пока я прогуливался по Тулону, чемодан находился в камере хранения на вокзале. Мог кто-нибудь воспользоваться моим «Контактсом» за эти два часа? Нет. Невозможно. Чемодан был заперт, а вскрыть его, украсть камеру, сделать эти снимки и снова вернуть ее на место за такое время никому бы не удалось. Да и чего ради кто-то стал бы возвращать аппарат? Нет, это невероятно.

Потом мне пришла в голову другая мысль, та, которая должна была бы появиться прежде всего. Что я за дурак! Согласился, что снятые мною кадры были первыми десятью

на пленке. Так кажется, потому что на последнем с ящерицами был номер тридцать шесть. Ладно, пленку прокрутить назад нельзя, да и ни один кадр на негативе не был засвечен дважды. Следовательно, поскольку я уже начал пленку на карнавале в Ницце, ее должны были заменить другой, чистой пленкой, прежде чем снять фотографии в Тулоне.

Охваченный возбуждением, я одним прыжком соскочил с нар и почувствовал, что штаны спадают с меня. Подхватив их и засунув руки в карманы, я начал расхаживать по камере. Ясно! Теперь вспомнил. Решив начать свои фотоэксперименты с ящерицами, я немного удивился, заметив, что счетчик кадров показывает одиннадцать. Мне казалось, что в Ницце я сделал всего восемь снимков. Однако сбиться со счета очень легко, особенно, когда не придаешь этому никакого значения. Так, нет сомнения, что мне подменили пленку. Но когда? После того, как я прибыл в «Резерв» и на следующее утро, сразу же после завтрака, начал снимать ящериц, это было уже невозможно. И я пришел к следующему выводу: между семью вечера во вторник и половиной девятого утра (время завтрака) в среду кто-то похитил аппарат из моего номера, вставил в него новую пленку, отправился в Тулон, проник в строго охраняемую военную зону, сделал снимки, возвратился в «Резерв» и вернул аппарат на место.

Нельзя сказать, чтобы это выглядело сколько-нибудь правдоподобно. Даже отвлекаясь от всего прочего, невозможно было ответить на простой вопрос об освещении. В восемь вечера было уже совсем темно, и, поскольку я приехал только в семь, вторник следовало исключить. Даже если предположить, что неизвестный фотограф отправился в путь ночью и на рассвете принялся за работу, он вынужден был бы действовать в головокружительном темпе, чтобы успеть вернуть камеру, пока я спал, повернувшись лицом к стенке. Да и в любом случае чего ради он возвращал бы мне аппарат с пленкой внутри? Создавалось впечатление, что кто-то специально хотел впутать меня в эту историю. Каким образом в дело вмешалась полиция? Получила анонимку от того, кто снимал? Ясно, что какую-то роль во всем этом мог играть и фармацевт. Может быть, полиция обнаружила эти снимки у него, и тот поклялся, что они мои. Это, однако, не объясняло того факта, что они были на одной пленке с моими кадрами. Никаких признаков того, что пленку смонтировали из двух кусков, я не заметил. Проблема запутывалась все больше и больше.

Я уже раза три пробежал от одной стенки камеры до другой, когда в коридоре послышались звуки шагов, отворилась

дверь камеры и вошел толстяк в альпаковом костюме. Дверь за его спиной снова закрылась.

Несколько мгновений он стоял, вытирая шею платком, потом кивнул мне и сел на нары.

— Садитесь, Вадаши.

Спрашивая себя, какой новый удар он мне готовит, я уселся на единственный предмет, который еще был в камере, — парашу из эмалированного железа с деревянной крышкой. Пронзительные глазки толстяка глядели на меня с задумчивым выражением.

— Хотите тарелку супа и хлеба?

Этого я не ожидал.

— Нет, спасибо. Что-то нет аппетита.

— Может, сигарету?

Он протянул мне помятую пачку «Голуаз». Его дружеское показалось подозрительным, но сигарету я взял.

— Спасибо.

Он дал мне прикурить от своей сигареты, потом аккуратно вытер пот с верхней губы и за ушами.

— Почему вы признали, что делали эти снимки? — спросил он наконец.

— Это новый официальный допрос?

Толстяк смахнул влажным платком несколько крошек пепла, упавших на пиджак.

— Нет. Официально вас допросит следователь, а я сотрудник «Сюрте Женераль», из военно-морского отдела. Со мной вы можете говорить откровенно.

Я не очень понял, почему он считает, что шпион станет говорить откровенно с сотрудником военно-морского отдела, но спорить не стал, так как и без того собирался объясниться настолько откровенно, насколько мне это позволят.

— Ладно. Я признал, что это мои снимки, потому что так оно и есть. Я имею в виду всю пленку, за исключением первых десяти кадров.

— Ага. А как же вы объясняете первые десять?

— Думаю, что мне подменили катушку.

Он поднял брови, и я начал подробно перечислять, что делал после того, как выехал из Ниццы, добавив свои выводы насчет происхождения криминальных фотографий. Толстяк дослушал до конца, но видно было, что мой рассказ не произвел на него особого впечатления.

— Ясно, что никаких доказательств всего этого у вас нет, — заметил он, когда я закончил.

— Я и не пытался что-то доказывать, а лишь хотел найти разумное объяснение этой фантастической истории.

— Комиссар считает, что уже нашел его, и трудно обвинить его в предвзятости, потому что на первый взгляд ваш случай совершенно ясен. Фотографии были на пленке, которую вы сами опознали как свою собственную. Более того, личность вы подозрительная. Все очень просто!

Я посмотрел ему в глаза.

— Однако вас это объяснение не устраивает. Не так ли?

— Я этого не говорил.

— Не говорили, но вряд ли вы стали бы разговаривать со мной так, как сейчас, если бы чувствовали себя удовлетворенным.

Его губы скривились в легкую улыбку.

— Вы переоцениваете свое значение. Меня интересуют не шпионы, а те, кто их нанимает.

— Тогда, — ответил я раздраженно, — вы зря теряете время. Этих снимков я не делал, а единственный, кто меня нанимает, — это мсье Матис, который платит мне за преподавание иностранных языков.

Похоже, что он не слушал. Наступило молчание.

— Мы с комиссаром, — сказал он наконец, — сошлись на том, что вы либо очень хитрый шпион, либо очень глупый, либо ни в чем не виноваты. Он склоняется ко второму выводу, в то время как я с самого начала расположен верить в вашу невиновность. Слишком глупо вы себя ведете. Ни один шпион не был бы таким идиотом.

— Спасибо.

— Я вовсе не хотел вас обидеть, Вадаши. И ничуть не нуждаюсь в вашей благодарности. Как бы то ни было, сейчас я для вас ничего не могу сделать. Постарайтесь выслушать меня внимательно. Вы были арестованы комиссаром полиции. Возможно, вы неповинны, но меня ни в малейшей степени не тронет, если вас отправят в тюрьму.

— Не сомневаюсь.

— С другой стороны, — продолжал он задумчиво, — необходимо найти того, кто сделал эти снимки.

Наступила новая пауза. Я понял, что толстяк ожидает какой-нибудь реакции с моей стороны, но ждал, что он скажет еще. Через несколько секунд он заговорил снова:

— Если мы найдем настоящего преступника, возможно, удастся сделать что-нибудь для вас, Вадаши.

— Сделать что-нибудь для меня?

Он громко откашлялся.

— Должен сказать, что ни одно консульство не вмешается в ваше дело и ответственность за то, чтобы с вами обращались

как следует, несем мы. Если будете с нами сотрудничать, вам нечего будет бояться.

Я начал понимать смысл его туманных намеков и вцепился пальцами себе в колени, чтобы сдержаться и не броситься на него.

— Я сказал вам все, что знаю, мсье...

Клубок в горле не дал мне договорить до конца, но толстяк, очевидно, решил, что я жду, пока он назовет свое имя.

— Беген,— сказал он,— Мишель Беген.

Он умолк и посмотрел себе на живот. В камере было невыносимо жарко, и на его рубашке виднелись мокрые полосы от пота.

— Тем не менее,— добавил он,— я считаю, что вы могли бы нам помочь.

Он встал с нар, подошел к двери и постучал в нее кулаком. Послышался звук поворачиваемого ключа и появился агент в форме, охранявший дверь снаружи. Толстяк пробормотал ему что-то, чего я не расслышал, и дверь закрылась снова. Беген вернулся на место и закурил новую сигарету. Через минуту дверь вновь приоткрылась и полицейский передал Бегену какой-то предмет. Закрыв дверь, тот повернулся ко мне. В руках у него был фотоаппарат.

— Узнаете?

— Разумеется.

— Возьмите его и рассмотрите повнимательнее. Я хочу знать, не увидите ли вы в нем чего-нибудь любопытного.

Я так и сделал. Проверил затвор, дальномер и визир, вынул объектив и, сняв заднюю крышку, до мельчайших подробностей осмотрел все. Потом снова положил его в футляр.

— Ничего любопытного я не нашел. Все в точности так, как и было.

Беген сунул руку в карман и, вытащив оттуда сложенный листок бумаги, подал мне его.

— Вот что мы нашли в вашем бумажнике, Вадаши. Взгляните.

Я развернул листок и поднял глаза на толстяка.

— Вы удивлены? — спросил я осторожно.— Это всего-навсего страховой полис на камеру. Я уже говорил вам, что это дорогой аппарат. Я заплатил еще сколько-то франков, чтобы застраховать его от потери...или,— добавил я многозначительно,— кражи.

Он с нетерпеливым вздохом забрал у меня листок.

— Ваше счастье, что французское правосудие беспокоится о крестинах не меньше, чем о преступниках,— сказал

он.— Это страховой полис, выданный Жозефу Вадаши на случай потери фотоаппарата Цейсс Икон Контактс номер С/64523/2. Будьте добры взглянуть на фабричный номер аппарата, который вы держите в руках.

Я сделал это, и сердце мое подпрыгнуло. Номер был другим.

— Значит, — возбужденно воскликнул я, — это не мой фотоаппарат! Но тогда почему на этой пленке оказались мои снимки?

Вспоминая сейчас этот момент, я вынужден признать, что отчаяние толстяка было более чем оправданным. Я проявил исключительную тупость. В его голосе появились более резкие нотки, когда он ответил мне:

— Потому, дорогой мой кретин, что обменены были не пленки, а фотоаппараты. Такие аппараты производятся серийно и могут быть у кого угодно. Вы воспользовались им, чтобы снимать своих дурацких ящериц, а снимки Тулона уже были на первых десяти кадрах. Вы даже заметили, что число снятых кадров было другим, чем в вашем аппарате. Потом вы вынули пленку и отнесли ее фармацевту. Тот увидел первые десять кадров, понял, как это понял бы и любой болван, что это, и передал пленку властям. Теперь вам ясно, кретин?

Все было совершенно ясно.

— Стало быть, когда вы так великодушно заявляли о своей вере в мою невиновность, вы делали это потому, что были уверены в ней, — заметил я. — В таком случае я хотел бы знать, какое право вы имеете держать меня под арестом.

Толстяк вытер лысину платком и посмотрел на меня из-под опущенных век.

— Вы неправы: поверить, что вы невиновны, меня заставило ваше поведение на допросе. Слишком уж оно было глупым. Они предъявили вам обвинение еще до того, как мы нашли этот полис. Впрочем, я уже говорил, что ваш арест меня не касается. Я тут ничего не могу сделать. Комиссар был недоволен, потому что ему пришлось менять выводы предварительного следствия, но во имя справедливости он согласился аннулировать три из предъявленных вам обвинений. Остается одно.

— Какое?

— У вас находились фотографии, представляющие угрозу для безопасности Республики, а это тяжкое преступление. Обвинение остается в силе, разве что... — добавил он многозначительно, — разве что удастся аннулировать его так же, как остальное. Разумеется, я заступлюсь за вас перед комис-

саром, но очень боюсь, что, если не смогу привести ему каких-то веских доводов, следствие пойдет своим ходом... а вы ведь знаете: самое меньшее, что вас может ожидать, — это высылка из страны.

У меня мороз прошел по коже.

— Вы хотите сказать, — спросил я спокойно, — что, если я не соглашусь на сотрудничество, как у вас это называется, такому абсурдному обвинению будет дан ход?

— Беген не ответил. Он закурил четвертую сигарету. Потом, выпустив колечко дыма, задумчиво уставился на стену, словно это была картина, а он коллекционер, размышляющий, стоит ли ее купить.

— Фотографии могли поменять по одной из трех причин, — сказал он, не меняя своей позы. — Кто-то намеревался повредить вам. Кто-то мог хотеть спешно избавиться от опасных фотографий. И, наконец, это могла быть чистая случайность. Думаю, что первую гипотезу можно отбросить: слишком она невероятна. Судите сами: никто не мог гарантировать ни того, что вы отдадите проявлять пленку, ни того, что фармацевт сообщит о своей находке в полицию. Неприемлема и вторая гипотеза. Фотографии представляют большую ценность, а возможность вернуть их была бы ничтожной. Кроме того, внутри аппарата они находились в полной безопасности. Нет, я думаю, что это была случайность. Одинаковые аппараты и в одинаковых футлярах. Вы сами доказали мне это, не заметив никакой разницы. Но вот где и когда совершили подмену? Не в Ницце, потому что, как вы сказали, аппарат находился в гостинице, в запертом чемодане. И не в дороге — там он тоже все время был заперт. Следовательно, в «Резерве». Если это было случайностью то обмен мог произойти только в одном из общественных мест. Когда? Вы говорили, что взяли аппарат с собою, идя завтракать. Где подают завтрак?

— На террасе.

— Вы брали аппарат с собою за стол?

— Нет, оставил его на стуле в холле, чтобы захватить, когда буду идти в сад.

— В котором часу вы пошли завтракать?

— Около половины девятого.

— А в сад?

— Примерно через час.

— И тогда же сделали свои снимки?

— Да.

— Когда вы вернулись?

— Около двенадцати.

— А что делали потом?

— Пошел прямо к себе в номер и вынул пленку из аппарата.

— Следовательно, за исключением одного часа между половиной девятого и половиной десятого, вы, прежде чем начать фотографировать своих ящериц, нигде не оставляли аппарат?

— Нигде.

— А в течение этого часа он лежал на стуле возле двери, выходящей в сад?

— Да.

— Подумайте хорошенько. Когда вы за ним вернулись, он лежал точно так же, как когда вы его оставили?

Я на мгновение задумался.

— Нет, — ответил я наконец, — я повесил его на спинку стула, а, когда вернулся, он лежал на сидении другого стула. Я подумал еще, что кто-то из служащих гостиницы увидел его и решил, что на сидении у аппарата меньше шансов быть нечаянно сброшенным на пол.

— Вы не подошли взглянуть: а вдруг он все еще висит там, где вы его оставили?

— Нет, конечно. Я увидел его на сидении и взял. Что бы я еще искал?

— Вы могли бы все же заметить, что еще один аппарат висит на спинке другого стула.

— Вполне мог и не заметить. Ремешок у него такой длинный, что футляр висел ниже уровня сидения.

— Ясно. Значит, дело обстояло так: вы повесили свою камеру на спинку стула, а, вернувшись, увидели такую же на сидении другого стула. Думая, что это ваша и есть, вы взяли ее, оставив свою висеть на месте. Тогда возможно, что владелец второго аппарата, не найдя его, поискал вокруг и взял ваш.

— Похоже на то.

— Все гости были за завтраком?

— Не знаю. В «Резерве» всего восемнадцать номеров, да и то не все они заняты. Но я-то приехал только накануне вечером, так что не берусь ответить. Во всяком случае, все, кто, спускаясь завтракать, пересекала холл, проходили рядом с этими стульями.

— Следовательно, дорогой мой Вадаши, мы можем с достаточной уверенностью утверждать, что один из живущих сейчас в «Резерве» владелец аппарата и сделал эти снимки. Но кто же? Думаю, что официантов и горничных можно

исключить: все они жители Сен-Гатьена или соседних деревень. Ясно, что мы проверим и их, но не думаю, чтобы это что-то дало. Помимо десяти гостей, есть еще хозяин гостиницы Кехе и его жена. Итак, Вадаши, у преступника есть фотоаппарат Цейсс Контактс, точно такой же, как этот. Сами понимаете, мы не можем обыскать вещи и арестовать всех гостей. Не говоря о том, что многие из них иностранцы и их посольства подняли бы шум; вполне возможно, что мы так и не найдем камеру. В этом случае преступник будет предупрежден и мы не сможем ничего предпринять. Проверку, — добавил он многозначительно, — должен провести тот, чье присутствие не вызывает подозрений, человек, который мог бы осторожно выяснить, у кого имеется фотоаппарат Контактс.

— Вы имеете в виду меня?

— Да. Вы могли бы начать с самого простого: выяснить, у кого есть фотоаппараты. Те, у кого фотоаппарат есть, но не Контактс, будут менее подозрительны, чем те, кто вообще его не имеет. Видите ли, Вадаши, человек, которому достался ваш аппарат, должен уже понять, что произошло. Логично предположить, что новый хозяин спрячет его, опасаясь быть опознанным в качестве владельца камеры, в которой мы нашли снимки Тулона. Существует также возможность, — добавил он рассеянно, — что этот человек попытается вернуть свою собственность. Вы должны быть готовы к этому.

— Вы ведь говорите не всерьез, правда?

Беген холодно посмотрел на меня.

— Поверьте, друг мой, если бы у меня была другая возможность, я бы только обрадовался. Очень сообразительным вы мне не кажетесь.

— Но ведь я арестован, — возразил я с горечью. — Вряд ли вы сумеете уговорить комиссара отпустить меня на свободу, верно?

— Вы и останетесь арестованным, но будете условно освобождены. О вашем аресте знает только Кехе. Мы навестили ваш номер; ему это не понравилось, но мы объяснили, что нам нужен ваш паспорт и что вы разрешили взять его. Вы скажете ему, что произошло недоразумение и что вас задержали по ошибке. Каждое утро вы будете связываться со мной по телефону. Звоните из почтового отделения у поселка. Если вам надо будет поговорить со мной в другое время, сообщите комиссару.

— Но в субботу утром я должен уехать в Париж. В понедельник мне уже надо быть на работе.

— Вы останетесь здесь до тех пор, пока вам не разрешат уехать. Более того, вы не должны общаться ни с кем вне «Резерва», кроме полиции.

Я вскочил с сидения, охваченный отвратительным чувством бессилия.

— Это шантаж! — крикнул я в отчаянии. — Я же потеряю работу.

Беген поднялся мне навстречу. Из-за своей тучности он казался человеком среднего роста, но мне пришлось задрать голову, чтобы смотреть ему в глаза.

— Слушайте, Вадаши, — сказал он, и его тонкий голосок прозвучал гораздо более угрожающе, чем выкрики комиссара, — вы останетесь в «Резерве», пока мы не разрешим вам уехать. Если попытаетесь уехать раньше, вас арестуют и я лично позабочусь о том, чтобы вы были отправлены прямо в Дубровник и переданы в руки югославской полиции. Постарайтесь понять: чем раньше мы найдем этого фотографа, тем скорее вы сможете отсюда уехать. Только не пробуйте хитрить с нами и не пытайтесь кому-нибудь писать письма. Вы будете делать то, что вам прикажут, или будете высланы. Вообще считайте, что вам повезло, если избегнете высылки. Вы меня поняли, не так ли?

Я его понял... и еще как.

Через час я шел по дороге, ведущей от комиссариата к поселку. Контакт висел у меня на плече... Сунув руку в карман, я мог нащупать листочек бумаги, на котором был напечатан список жильцов «Резерва».

Было что-то около половины шестого, длинные тени покрыли уже лодки, пришвартованные к берегу. Проходя мимо аптеки, я даже не взглянул на нее. В узкой улочке играли ребятишки. Задумавшись, я налетел на какую-то из девчушек. Она упала и ушибла коленку. Фотоаппарат соскользнул у меня с плеча, и, прежде чем я успел подхватить его и помочь девочке подняться, она уже расплакалась. Я пошел дальше, преследуемый полдюжиной мальчишек, выкрикивавших ругательства. Потом они хором запели:

Привет, Тонтон, привет, Тентен,
Катись подальше, старый хрен!
Привет, Тонтон, привет, Тентен,
Катись подальше, старый хрен!

Когда я, наконец, добрался до «Резерва», Кеке был в своей конторке. Увидев меня, он вышел. На нем были синие брюки, сандалии и халат; судя по влажным еще волосам, он только что выкупался. Его высокая, подтянутая, широкоплечая

фигура и неторопливые жесты как-то не очень подходили хозяину гостиницы.

— А, мсье! — сказал он с легкой улыбкой. — Вы уже вернулись? Надеюсь, ничего серьезного. Утром здесь была полиция. Сказали, что вы разрешили им забрать ваш паспорт.

Я изобразил на лице предельное отвращение.

— Да нет, ничего серьезного. Простая ошибка, выяснение которой заняло у них прямо-таки фантастическое время. Я заявил официальный протест. Они, правда, угостили меня чем-то на второй завтрак и извинились, но что поделаешь, французская полиция все-таки просто смешна.

Он серьезно поглядел на меня, высказал свое огорчение и возмущение и выразил восхищение моим спокойствием. Я заметил, что рассказанное не слишком его убедило, чему я и не удивился, так как чувствовал себя слишком измученным, чтобы естественно сыграть роль возмущенного гражданина.

— Кстати, мсье, — сказал он, словно невзначай, когда мы уже подходили к лестнице, — вы уезжаете в субботу, не так ли?

Стало быть, он хочет от меня избавиться! Я притворился задумавшимся над вопросом.

— Думаю, что да, — ответил я, — но не исключено, что решу задержаться еще на пару дней... И добавил с холодной усмешкой: — Само собой, если полиция не будет иметь ничего против.

Мгновение он нерешительно молчал, а потом произнес без малейшего энтузиазма:

— Вот и чудесно.

Может быть, все это было лишь игрой воображения, но мне показалось, что, когда я начал подниматься по лестнице, глаза Кехе были прикованы к моему фотоаппарату.

Глава четвертая

РАЗВЕДКА МЕСТНОСТИ

Сейчас трудно представить, что творилось со мною в следующие два часа. Однако отлично помню, что, когда я вернулся в номер, для меня самым важным в мире был вопрос, есть ли в воскресенье вечером поезд из Тулона в Париж. Припоминаю, что я бросился к чемодану и начал лихорадочно искать в нем железнодорожный справочник.

Быть может, вам покажется странным, что перед лицом полной катастрофы я занимался такой банальной вещью, как

изучение расписания поездов на Париж. Люди, однако, зачастую ведут себя поразительно странно в минуты большой опасности. Пассажиры тонущего судна нередко бросаются в каюты, чтобы спасти какие-то никому не нужные вещи, в момент, когда отчаливает последняя лодка. А сколько людей в свой последний час огорчается из-за ничтожных дел, которые они не успели завершить, уходя в мир иной.

Меня в тот момент больше всего тревожила перспектива опоздать в понедельник на работу. Мсье Матис очень строг во всем, что касается пунктуальности. Опоздавший — будь-то студент или преподаватель — должен был выслушать строжайший выговор, делавшийся директором в самых резких выражениях, очень громко и, по возможности, в присутствии посторонних. Хуже того, между преступлением и наказанием проходило обычно несколько часов, в течение которых напряжение становилось и вовсе невыносимым.

Я рассудил, что если удастся выехать из Тулона в воскресенье вечером, то, пожалуй, успею на занятия. Помню чувство облегчения, которое я испытал, обнаружив, что существует поезд, приходящий в столицу в шесть утра. В голове у меня все было словно окутано туманом. Беген сказал, что я не смогу уехать в субботу. Ужасно! Мсье Матис будет вне себя. Смогу я прибыть в Париж вовремя, если выеду в воскресенье? Слава богу, да! Тогда все в порядке.

Думаю, что, если бы в тот момент кто-нибудь намекнул, что я могу не уехать и в воскресенье, я бы недоверчиво засмеялся. Смех, однако, перешел бы в истерику, потому что и сейчас уже, пока я сидел на полу рядом со своим чемоданом, страх терзал мое сердце, заставляя его бешено колотиться и мешая дышать. Я проглотил слюну: ужасно хотелось пить; и, вскочив на ноги, я подошел к умывальнику и глотнул воды из стаканчика для полоскания рта. Потом вернулся на середину комнаты и, нажимая ногой, попытался закрыть крышку чемодана. В кармане зашуршал листок, который мне дал Беген. Я присел на кровать.

По всей вероятности, я просидел, уставившись на составленный Бегеном список, не меньше часа. Не знаю, сколько раз перечитывал его. Фамилии превратились для меня в какие-то лишние смысла иероглифы. Я закрывал глаза, открывал их и читал снова. Я не знал этих людей. В гостинице, где места было хоть отбавляй, я провел всего лишь один день. За столом обменивался с ними обычными приветствиями — и только. У меня плохая память на лица, так что я мог встречаться с ними на улице, не узнавая. Тем не менее, у одного из этих людей был мой фотоаппарат. Один из тех, кто

здоровался со мною, был шпионом. Он получил деньги за то, чтобы проникнуть в военную зону и сфотографировать береговые укрепления так, чтобы потом чьи-то военные корабли меткими выстрелами смогли уничтожить бетонные казематы, пушки и людей, стоящих за ними. У меня было чуть больше сорока восьми часов, чтобы найти этого человека.

Это совсем уж глупо, но я подумал, что фамилии в списке выглядят совершенно безобидно.

Мсье Робер Дюкло	француз	Нант
Мсье Андре Ру	француз	Париж
Мадмуазель Одетт		
Мартен	француженка	Париж
Мистер Уоррен Скелтон	американец	Вашингтон
Мисс Мери Скелтон	американка	Вашингтон
Герр Вальтер Фогель	швейцарец	Констанц
Фрау Хильда Фогель	швейцарка	Констанц
Майор Герберт Клендон-Хартли	англичанин	Бакстон
Миссис Мери Клендон-Хартли	англичанка	Бакстон
Герр Эмиль Шимлер	немец	Берлин
Альберт Кехе (хозяин)	швейцарец	Шафгаузен
Сюзанна Кехе (его жена)	швейцарка	Шафгаузен

В любом небольшом отеле на юге Франции вы могли бы составить аналогичный список гостей. В нем был бы непременно англичанин с женою; не столь непременно, но тоже нередкие американцы; швейцарцы и обычные французы. Немец выглядел здесь странно, хотя и не слишком. И, конечно, не было ничего особенного в том, что супруги — швейцарцы решили посвятить себя ведению отеля.

Что мне делать? С чего начать? Тут я вспомнил наставления Бегена насчет фотоаппаратов. Мне следовало выяснить, кто имеет их, и сообщить ему. Я начал озабоченно обдумывать свои будущие действия.

Наиболее простым и эффективным было бы заводить разговор с каждым из гостей и стараться перевести его на тему фотографии. «Кстати, — мог бы сказать я, — не вас ли я видел вчера делающими снимки»? — «Нет, — звучал бы ответ, — у меня нет фотоаппарата». Или: «Да, хотя не думаю, чтоб что-то получилось. Фотограф из меня неважный». — «Взависит от аппарата, — ловко бы вставил я». «Пожалуй, ответил бы тот. — У меня он из самых дешевых».

Нет, такая система не годится. Во-первых, мне никогда не удастся повести разговор так, как я хотел бы. Когда кто-то обращается ко мне, я обычно только слушаю. Кроме того, есть и другое препятствие. Не исключено, что шпион уже обнаружил исчезновение своей пленки, понял, что каким-то чудом к нему попала чья-то чужая камера, и, почуяв неладное, держится настороже. Любой, кто затронет опасную тему, возбудит его подозрения. Необходимы менее прямые методы.

Стремясь поскорее приняться за дело, я взглянул на часы. Без четверти семь. Из окна видно было, что на пляже есть еще люди. На той полоске песка, которую я мог разглядеть, виднелись чьи-то ноги и небольшой зонтик. Я причесался и вышел.

Некоторые обладают способностью заводить знакомства без всяких усилий. У них есть та таинственная гибкость ума, которая позволяет быстро приспособлять ход своих мыслей к ходу мыслей собеседника. В одно мгновение интересы другого становятся и их собственными. Они улыбаются, им отвечают тем же. Следует пара вопросов и ответов, и через минуту они уже приятели, дружески обсуждающие какую-нибудь ерунду.

У меня отсутствует эта милая способность. Я не начинаю разговора, если ко мне не обращаются. Даже и тогда нервное напряжение вместе с желанием проявить дружелюбие делают меня холодным и церемонным либо чересчур многословным. В результате собеседники считают меня раздражительным и надутым либо подозревают, что я пытаюсь втянуть их в какую-то уголовную историю.

Тем не менее, спускаясь по лестнице, ведущей к пляжу, я решил хотя бы на этот единственный раз преодолеть стеснительность. Я должен быть уверенным в себе, сердечным, остроумным и находчивым собеседником, чтобы выполнить свою задачу.

Тень мыса уже покрыла пляж, и легкий бриз начал шевелить верхушки деревьев, однако все еще было очень жарко. Я видел головы двух мужчин и двух женщин, сидевших в шезлонгах, и, спустившись на последнюю ступеньку, услышал, что все четверо пытаются вести разговор на французском языке.

Пройдя через полоску песка, я уселся рядом с козлами, на которых лежала лодка, в нескольких метрах от этой группы, и начал глядеть на море.

Быстрый взгляд, который я бросил, усаживаясь, показал, что в двух шезлонгах поближе ко мне сидели молодой человек

лет двадцати трех и девушка лет двадцати. На обоих были шорты, и, по всей видимости, именно их загоревшие ноги я увидел с террасы. По их акценту я решил, что это американцы — Уоррен и Мери Скелтоны.

Вторая пара сильно отличалась от них: оба были средних лет и очень толстые. Я вспомнил, что уже встречал их. У мужчины круглое веселое лицо и туловище, издали казавшееся почти шарообразным. Это впечатление еще усиливалось из-за его темных брюк с короткими в обтяжку штанинами. Пояс где-то чуть ли не под мышками поддерживался на его круглом брюшке двумя широкими подтяжками. Пиджака на нем не было — одна теннисная рубашка с открытым воротом, — и он казался живьем сошедшим с какой-нибудь карикатуры в «Симплиссимусе». Его жена — это были супруги-швейцарцы — чуть повыше ростом и одета крайне неряшливо. Она много смеялась и, даже когда лицо ее оставалось спокойным, все равно казалось, что вот-вот последует взрыв смеха. Ее супруг тоже то и дело давал выход своему веселью. В общем, они казались простыми и наивными, словно младенцы.

Насколько я мог судить, Скелтон пытался объяснить Фогелю политическое устройство Соединенных Штатов.

— Существует, — старательно выговорил он, — только две партии, республиканцы и демократы.

— Да, я знаю, — весело провозгласил Фогель, — но какая разница между ними? Республиканцы — это социалисты.

Молодые американцы исторгли из себя полные преувеличенного ужаса восклицания, а швейцарцы захохотали.

Мери Скелтон решила объяснить положение яснее, но ее познания во французском языке оказались ненамного обширнее, чем у брата.

— Нет, мсье, они правые... и те, и другие. Но республиканцы правее, чем демократы. В этом разница.

— В Штатах нет социалистов?

— Есть, но они называются... радикалы... — девушка зашнулась и с растерянным видом повернулась к брату. — Слушай! Как называются радикалы по-французски?

— Скажи radicals. Может, попадешь в точку.

— Они называются радикалами, — неуверенно проговорила девушка.

— О да, понимаю, — заявил герр Фогель.

Он быстро перевел смысл разговора на немецкий. Фрау Фогель звонко рассмеялась.

— Я слышал, — продолжал ее муж на своем ломаном французском языке, — что gangsters (он произнес это слово

с ударением на последнем слоге) играют решающую роль во время выборов. Может быть, в качестве промежуточной партии?

На его лице проявилось выражение человека, отбросившего фривольные шуточки в сторону ради серьезных вещей.

Девушка фыркнула, а ее брат глубоко вздохнул и начал очень старательно объяснять Фогелю, что девяносто девять и девять десятых процентов жителей Соединенных Штатов в жизни не видывали гангстеров и что покойный Джон Диллинджер не имел права голоса и вообще не был типичным представителем своей страны. Очень скоро, однако, юный американец исчерпал свои познания в чужом языке и начал запинаться.

— Мери, — простонал он жалобно, — как, черт побери, сказать «подкуп» по-французски?

Судьба улыбнулась мне. Быть может, сказалась привычка к преподаванию, позволяющая, словно голод или страх, преодолеть социальные барьеры. Что я знаю наверняка, так это то, что уголком глаза я увидел, как девушка недоуменно пожала плечами, а в следующее мгновение слова сами сорвались у меня с губ.

— Здесь надо употребить слово *chantage*.

Все подняли на меня глаза.

— Большое спасибо, — сказала девушка.

В глазах ее брата блеснуло оживление.

— Слушайте, вы говорите и по-французски, и по-английски?

— Да.

— Тогда, — сказал он с оттенком легкой горечи в голосе, — может быть, вы окажете мне услугу и объясните этому болвану, что в нашей стране слово «гангстер» не пишется с большой буквы и что эти бандиты не имеют своих представителей в конгрессе... явных, во всяком случае? И, раз начав, можете добавить, что американцы не живут в вечном страхе перед вторжением японцев, что питаемся мы не только консервами и отнюдь не все живем в Эмпайр Стейт Билдинг.

— Еще бы!

Девушка улыбнулась мне.

— Не принимайте всерьез того, что говорит мой брат.

— Почему это? Господи, ведь этот старикан какой-то ненормальный! Должен же кто-то объяснить ему, как все обстоит на самом деле.

Фогели прислушивались к нашему разговору с неуверенными улыбками. С максимально возможным тактом я перевел

сказанное на немецкий язык. Оба громко расхохотались. Между взрывами смеха герр Фогель заметил, что не подшутить над американцами — немислимое дело. Партия гангстеров! Эмпайр Стейт! Они снова весело рассмеялись. Судя по всему, швейцарцы были не такими наивными, как казались.

— Что это с ними? — поинтересовался Скелтон.

Я сообщил ему, в чем дело, и он тоже улыбнулся.

— Никогда бы не подумал, что они способны на такой подвох, — заметил он, наклоняясь, чтобы лучше видеть собеседников. — Начинаешь терять веру в себе подобных. Они кто, немцы?

— Нет, швейцарцы.

— Он в точности похож, — вставила девушка, — на картинку к стихам о Шалтае-Болтае. Откуда он раздобыл эти панталоны?

— Наверно, национальный швейцарский костюм, — ответил ее брат.

Предмет этих замечаний наблюдал за нами со встревоженным выражением лица. Обращаясь ко мне, он спросил:

— Наша маленькая шутка не обидела молодых людей?

— Он выражает надежду, — объяснил я Скелтонам, — что не обидел вас.

Скелтон явно удивился.

— Господи, конечно, нет! Послушайте... — он повернулся к Фогелям и с чувством проговорил:

— Она нас позабавила. Вы очень милы, — а обернувшись ко мне, добавил:

— Пожалуйста, скажите им, что все в порядке, хорошо?

Так я и сделал. Последовала целая серия кивков и улыбок, потом Фогели о чем-то заговорили между собой.

— Прощу прощения, сколько языков вы знаете? — любопытствовал Скелтон.

— Пять.

Он огорченно хмыкнул.

— Может быть, вы объясните нам, — вмешалась его сестра, — каким образом можно выучить иностранный язык. Не обязательно пять, но, если бы вы рассказали нам, как справиться хотя бы с одним, мы с братом были бы очень благодарны.

Я несколько смутился и пробормотал что-то насчет жизни в разных странах и «умения слушать». Потом спросил, давно ли они живут в «Резерве», добавив, что не встречал их за столом.

— Мы здесь уже неделю, — ответил молодой человек. — На следующей неделе на «Конте ди Савойа» приезжают наши родители. Мы поедem встречать их в Марсель. А вы приехали вечером во вторник, правда?

— Да.

— Ну, тогда понятно, что вы нас не видели. Мы обычно завтракаем у себя в комнатах, а вчера взяли у Кехе машину напрокат и уехали на весь день кататься. Знаете, я страшно рад, что могу поговорить по-английски. Кехе знает английский, но ему все время некогда. Остаются только этот майор-англичанин и его жена. Он слишком высокомерен, а из жены его слова не вытянешь.

— Должна вам сказать, — вмешалась его сестра, — что для разговора с Уорреном надо набраться терпения.

Я отдал себе отчет в том, что девушка, хотя и не слишком красивая, довольно привлекательна. Рот у нее великоват, нос не совсем симметричен, а лицо слишком скуласто, но в нем много юмора и интеллигентности — словом, лицо из тех, которые могли бы заинтересовать художника. Загорелая кожа была гладкой и чистой, а плотная масса рыжеватых волос, падавших на спинку шезлонга, красиво отсвечивала. Мне начало казаться, что она почти красавица.

— Беда с французами, — сказал ее брат, — они начинают злиться, если кто-то допускает ошибки, говоря на их языке. Меня почему-то не злит, когда французы коверкают английский.

— Это верно; дело в том, что большинству французов нравится слышать звуки своего языка. Им так же неприятно слышать неправильное произношение, как вам не доставило бы удовольствия пиликанье человека, который учится играть на скрипке.

— О музыке с ним говорить бесполезно, — заметила девушка, — только губную гармошку и признает.

Она встала и поправила шорты, добавив:

— Пожалуй, пора уже возвращаться.

Герр Фогель тоже поднялся, поглядел на свои громадные карманные часы и сообщил по-французски, что уже четверть восьмого. Потом он подтянул еще выше брюки и начал собирать вещи.

Мы все вместе направились к лестнице. Я шел следом за американцем.

— Прошу прощения, — сказал он, — но я не знаю, как вас зовут.

— Жозеф Вадаши.

— Моя фамилия — Скелтон, а это моя сестра Мери.

Я, однако, почти не слушал его. На плече у Фогеля висел фотоаппарат, и я пытался сообразить, что это за марка. В конце концов вспомнил: «Фойгтдандер» старого образца.

В жаркие вечера ужин в «Резерве» подавался на террасе. Над нею натягивался полосатый тент, а освещали ее лампы, стоявшие на каждом столе. Когда все они загорались, терраса приобретала совсем праздничный вид.

Я решил, что в этот вечер буду за столом раньше всех. Во-первых, я был очень голоден, а кроме того, мне хотелось присмотреться к каждому из гостей в отдельности. Тем не менее, когда я пришел, трое из них уже сидели на своих местах. Один находился как раз у меня за спиной, так что я не мог смотреть на него, не повернувшись на стуле.

Лампа на его столе и то, что он наклонился над тарелкой, мешали мне разглядеть что-нибудь, кроме седых коротко подстриженных и зачесанных набок волос на его голове. На нем была белая рубашка с короткими рукавами и холщовые брюки явно французского производства. Я решил, что это Андре Ру или Робер Дюкло.

Усевшись, я переключил свое внимание на двух других гостей.

Они сидели, выпрямившись, друг против друга. У него узкое лицо, каштановые с проседью волосы и коротко подстриженные усы; она же аккуратно причесанная блондинка средних лет с невыразительным лицом, бледной кожей и костлявой фигурой. К ужину они явно переоделись. На даме была белая блузка и черная юбка, а на нем — серые фланелевые брюки, коричневая в полоску рубашка, галстук и пиджак в клетку. Как раз, когда я начал наблюдать за ними, он положил ложку, взял в руки бутылку вина и посмотрел его на свет.

— По-моему, дорогая, — услышал я, — новый официант пьет наше вино. Надо будет после ужина отметить, сколько осталось в бутылке.

У него был звучный голос образованного англичанина из средних слоев. Женщина чуть пожалала плечами: ей, очевидно, эти подозрения не нравились.

— Дорогая моя, — ответил он на ее немой упрек, — меня раздражает отсутствие твердых принципов у этого типа. Следовало бы дать ему урок, и я намекну на это Кехе.

Я увидел, что женщина снова пожалала плечами и притронулась салфеткой к губам. Они продолжали ужинать молча. Очевидно, это были майор и миссис Клендон-Хартли.

Начали появляться остальные гости.

Фогели сели у перил террасы, недалеко от англичан. Еще одна пара направилась к столику у стены.

Они были, вне всякого сомнения, французы. Мужчине, очень смуглому, с припухшими глазами и небритым подбородком, можно было дать лет тридцать пять. Его спутница, рыжая и очень худощавая, пожалуй, чуть постарше. На ней была шелковая пляжная пижама и серьги с поддельными жемчужинами величиной с доброе голубиное яйцо. Эти двое казались крайне увлеченными друг другом. Отодвигая для нее стул, он погладил ее руку, она ответила легким пожатием руки и быстро огляделась вокруг, проверяя, увидел ли кто-нибудь ее жест. Я заметил, что Фогели втихомолку посмеиваются, наблюдая за происходящим. Герр Фогель подмигнул мне.

Рыжая дама, несомненно, была Одеттой Мартен, а ее спутник — Дюкло или Ру.

Следующими появились Мери Скелтон и ее брат. Они дружески приветствовали меня и уселись за столик справа и немного позади моего. Оставался еще один гость, оказавшийся пожилым мужчиной с седой бородой и моноклем на широкой черной ленте.

Когда официант подал мне суп, я задержал его на минутку.

— Да, мсье?

— Кто этот господин с седой бородой?

— Мсье Дюкло.

— А тот, с рыжей дамой?

Официант чуть заметно улыбнулся.

— Это мсье Ру, а она мадмуазель Мартен.

Слово «мадмуазель» он произнес с легким нажимом.

— Ага, а кто же тогда герр Шимлер?

Официант приподнял брови.

— Герр Шимлер, мсье? Гостя с такой фамилией в «Резерве» нет.

— Вы уверены в этом?

— Совершенно уверен, мсье, — ответил он чуть обиженно.

Я посмотрел через плечо.

— А кто же тогда господин за последним столом?

— Это мсье Пауль Хайнбергер, швейцарский писатель и друг мсье Кехе. Подать вам рыбу, мсье?

Я кивнул, и официант ушел.

Несколько мгновений я сидел, словно застывший. Потом медленно, дрожащей рукой нашел в кармане список, полученный от Бегена, прикрыл салфеткой и еще раз внимательно прочел.

Впрочем, я и так знал его на память. Фамилии Хайнбергер в нем не было.

ЭМИЛЬ

Боюсь, что я потерял голову. Пока ел рыбу, воображение мое совсем разгулялось. Я заранее наслаждался сценой своего разговора с Бегеном, после того как я сообщу ему о своем открытии. Мне доставляло удовольствие представлять себе каждое мгновение этого разговора, каждое слово, которым мы обменяемся.

Я буду вести себя спокойно и чуть покровительственно.

«Что ж, мсье Беген,— скажу или даже лучше: — Что ж, Беген! Когда вы мне давали этот список, предполагалось, что он содержит имена всех жильцов «Резерва», за исключением слуг. Первым же, кого я там встретил, был Пауль Хайнбергер, совсем не упомянутый. Что вы о нем знаете? Почему его фамилии нет в списке? На эти вопросы следует немедленно найти ответ. И, друг мой, я советую вам проверить его багаж. Меня очень удивит, если вы не найдете в нем фотокамеру Цейсс Икон Контактс и катушку пленки со снимками карнавала в Ницце».

Официант убрал мою тарелку.

«И еще кое-что, Беген. Проверьте, чем занимается Кехе. Официант утверждает, что Хайнбергер — друг нашего хозяина, а это значит, что и тот замешан в историю с фотографиями. Меня это не удивляет. Я еще раньше заметил у него подозрительный интерес к моей камере. Стоило бы допросить его. Вам кажется, что вы о нем все знаете, верно? Я бы, пожалуй, присмотрелся к нему повнимательней. Опасно спешить с выводами, друг мой».

Официант подал мне изрядную порцию *Coq au Vin á la Reserve*.

«Дорогой мой Беген, право же, вам повезло встретиться со мной».

Нет, такая фраза была бы слишком экстравагантной и хвастливой. Тут нужна другая, более тонкая и язвительная.

«Таким образом, уважаемый Беген, желательнее было бы расследовать деятельность человека, называющего себя Хайнбергером».

Нет, и это не годится. Пожалуй, лучше всего будет просто насмешливая улыбка. Я начал испытывать разные варианты насмешливых улыбок и как раз начал четвертую попытку, когда официант уставился на меня. Раскрыв от удивления рот, он быстро подошел к моему столику.

- Вам не понравился петух в вине, мсье?
- Нет, нет, все в порядке. Очень вкусно.
- Прошу прощения, мсье. Мне показалось...
- Все в порядке.

Побагровев от стыда, я занялся едой.

Этот маленький инцидент вернул меня к действительности. В конце концов, так ли уж важно мое открытие? Этот Пауль Хайнбергер мог только что приехать, и тогда его паспортные данные просто еще не успели сообщить из отеля в полицию. Однако где же тогда Эмиль Шимлер? Официант ясно сказал, что в отеле нет человека с таким именем. Может быть, ошибся он, а может быть, полиция. Как бы то ни было, мне остается только сообщить утром обо всем Бегену. Необходимо ждать, а время уходит. До девяти позвонить я не смогу. Значит, будет потеряно еще двенадцать часов. Двенадцать из шестидесяти, оставшихся мне. Просто безумие думать, что я смогу уехать в воскресенье. Ах, если бы можно было написать мсье Матису и объяснить, в чем дело, или хотя бы солгать, что я заболел! Но это было невозможно. Что же мне тогда делать? Человек, которому попала в руки моя фотокамера, не был дураком. Шпионы не бывают дураками. Много ли у меня шансов что-то выяснить? Шестьдесят часов! С равным успехом могло бы быть шестьдесят секунд.

Официант убрал тарелку, бросив при этом неодобрительный взгляд на мои руки. Я опустил глаза и увидел, что, автоматически играя десертной ложечкой, согнул ее вдвое. Быстро выпрямив ложку, я встал и спустился с террасы. Есть мне уже не хотелось.

Обогнув здание, я вышел в сад. На одной из террас пониже, у самого пляжа, была маленькая ниша. Обычно там никого не было. Туда я и направился.

Солнце уже село, стало темно. Над холмами по другую сторону бухты загорелись звезды. Бриз дул сейчас сильнее, принося с собою слабый запах водорослей. Опершись руками о парапет, я подставил лицо ветру. Где-то в саду за моей спиной заквакала лягушка. Волны почти беззвучно набегали на пляж.

Вдали блеснула и сразу же погасла вспышка света. Может быть, это обменивались сигналами корабли. Возможно, одним из них был пассажирский пароход, быстро шедший по спокойному морю на восток, а другим — полупустой сухогруз, направлявшийся с еле прикрытым водой винтом в Марсель. На пассажирском сейчас, наверное, танцевали или глядели на отражение луны в воде, прислушиваясь к ударам волн

о борт. Внутри корабля полуголые матросы-индусы истекали потом у котлов и машин. Если бы можно было...

Фары автомобиля осветили дорогу, огибавшую бухту, отразились на мгновение в воде и исчезли между деревьями, когда машина умчалась дальше к Тулону. Если бы я мог...

Послышались шаги по покрытой гравием дорожке, и кто-то начал спускаться по лестнице, ведущей к террасе. Потом шаги свернули направо, приближаясь ко мне. На миг все стихло. Затем я услышал шорох раздвигаемого плюща и увидел плечи и голову, слабо вырисовывавшиеся на темно-синем фоне неба. Это был майор.

Я заметил, что он бросил на меня нерешительный взгляд, а потом оперся на парапет и стал смотреть в море.

Первым моим порывом было уйти. У меня не было ни малейшего желания вести разговор с майором Гербертом Клендон-Хартли из Бакстона. Затем я вспомнил отзыв молодого Скелтона об этом англичанине. Он крайне высокомерен и, стало быть, вряд ли заговорит со мною. Однако я ошибся.

Думаю, что мы простояли молча, прежде чем он заговорил, минут десять. Я, собственно, успел почти забыть о его существовании, когда он внезапно откашлялся и заметил, что ночь великолепа.

Я согласился с ним, и опять наступило долгое молчание.

— Довольно прохладно для августа, — сказал он наконец.

— Пожалуй, — ответил я. Интересно, действительно погода кажется ему прохладной или он сказал это просто, чтобы что-то сказать? Если он и впрямь так думает, следовало бы из вежливости упомянуть что-нибудь о бризе. Зря я, что ли, жил в Англии!

— Вы здесь еще долго пробудете? — спросил он.

— Пару дней.

— Тогда мы, наверное, еще увидимся.

— Буду очень рад.

Майор вовсе не показался мне высокомерным.

— Я, знаете, не думал, что вы англичанин, а вот перед ужином услышал ваш разговор с этим молодым американцем. Не сердитесь, но вы вовсе не похожи на британца.

— Ну, сердиться у меня нет никаких оснований. Я венгр.

— Правда? По вашему выговору этого никогда не скажешь.

— Я десять лет прожил в Англии.

— О, понимаю! Это объясняет ваше отличное произношение. Воевали?

— Нет, я тогда был слишком молод.

— Ясно, ясно! Нам, старикам, трудно поверить, что война сейчас стала уже древней историей. А я был на передовой с четырнадцатого и по восемнадцатый. Принял бригаду перед самым мартовским наступлением, а через неделю уже выбыл из строя: отправили в госпиталь. С вашими мне драться не приходилось, хотя слышал, что австрийцы — отличные солдаты.

Последнее замечание, но-видимому, не требовало ответа, и снова воцарилось молчание. Он прервал его довольно странным вопросом.

— Что вы думаете о нашем хозяине?

— О ком? О Кехе?

— Да, о Кехе.

— Ну, не знаю. Он как будто хорошо разбирается в своем деле, но...

— Вот именно! Есть но! Небрежный, халатный, разрешает этим чертовым официантам делать все, что они хотят. Вы знаете, что они воруют вино? Я сам поймал их. Кехе следовало бы обратить на это внимание.

— Стол здесь очень хороший.

— Гм! Да, стол здесь хорош, но, чтобы чувствовать себя уютно, необходимо нечто большее, чем хорошая еда. Если бы этот отель был моим, я бы несколько больше заботился о приличиях. Вы хорошо знакомы с Кехе?

— Нет.

— Я вам расскажу сейчас о нем одну странную вещь. Недавно мы с супругой поехали в Тулон сделать кое-какие покупки. Покончив с делами, зашли в кафе выпить аперитив. Так вот, едва мы успели сделать заказ, как мимо нас прошел Кехе, да так быстро, как я никогда еще не видел. Он нас не заметил, и я уж было хотел окликнуть его и пригласить выпить вместе с нами, но он перешел улицу и свернул в переулок, который хорошо просматривался от нашего стола. Сделав несколько шагов, он быстро огляделся вокруг и вошел в какую-то дверь. Мы выпили наши аперитивы, и я не отрывал взгляда от той двери, но Кехе так и не показался. И что же вы скажете? Когда мы пришли на автобусную остановку, он был уже там и сидел в автобусе на Сен-Гатьен.

— Странно, — пробормотал я.

— Именно так мы и подумали. Уверяю вас, нас это немало изумило.

— Естественно.

— Погодите: самого интересного вы еще не знаете. Вы знакомы с его женой?

— Нет.

— Настоящая амазонка. Француженка, постарше его и, кажется, с кое-какими деньгами. Во всяком случае, нашего Альберта она держит в ежовых рукавицах. Он, само собою, не прочь спуститься на пляж и поплавать вместе с гостями, а она занимается заказами и слугами и хотела бы держать его под присмотром. Так вот, как только он на каких-нибудь десять минут задерживается на пляже, жена появляется на самой верхней террасе и кричит, чтобы он шел домой. И это перед всеми гостями! Разумеется, они привлекают внимание, и не было бы удивительно, если бы Кехе возмутился, но ничего подобного. Он только улыбается... Вы же знаете эту его сонную улыбку: скажет что-нибудь по-французски, должно быть, довольно ехидное, судя по смеху всех этих лягушатников, которые толпятся вокруг него, и делает то, что она ему велит. Ладно, мы сели в автобус и поздоровались с ним. Разумеется, не могли не упомянуть и о том, что, кажется, видели его в центре. Уверяю, я очень внимательно следил за ним, но — хотите верьте, хотите нет — этот тип и глазом не моргнул!

Я выразил соответствующее удивление.

— Именно так. И глазом не моргнул. Я, конечно, думал, что он будет отрицаться, скажет, что мы ошиблись. Должен вам сказать, что моя супруга и я сразу же решили, что он зашел в один из тех домов с двумя выходами, в которых моряки торгуют всякой контрабандой. В общем, мы попали в крайне неприятное положение.

— Что же произошло?

— Понимаете, он не стал ничего отрицать. С самым невинным видом сообщил нам, что не слишком-то любит свою жену и в том доме живет какая-то смуглянка, которая нравится ему гораздо больше. Ясно, что мы были шокированы. Когда он начал все с той же улыбочкой рассказывать о своих увлечениях, я решил, что самое время попросить его умолкнуть. Моя супруга — до некоторой степени пуританка, и мне пришлось ясно указать Кехе, что мы предпочитаем не слышать подробностей. — Майор поднял взгляд к звездам. — Женщины чувствительны к некоторым вещам, — добавил он.

— Несомненно, — это было все, что я мог ответить.

— Странные существа женщины, — пробормотал он, потом коротко, нервно рассмеялся и добавил шутливо:

— Раз уж вы венгр, то, наверное, знаете их лучше, чем старый солдат, вроде меня. Кстати, меня зовут Клендон-Хартли.

— А меня — Вадаши.

— Что ж, мистер Вадаши, мне уже пора возвращаться. Ночной воздух не идет мне на пользу. Днем я обычно играю в бильярд с этим старым французом Дюкло. Насколько могу судить, у него в Нанте фабрика каких-то сластей. Впрочем, я не очень хорошо понимаю по-французски, так что, может быть, он только управляющий. Симпатичный старик, только всегда приписывает себе лишние очки, когда думает, что никто не заметит. Это несколько нервирует.

— Разумеется.

— Ну, пойду уже спать. Бильярдный стол сегодня вечером все равно заняли эти молодые американцы. Милая девушка и очень симпатичный парень, но слишком много разговаривают. Теперешним молодым людям не повредило бы побыть немного под началом у моего старого полковника. Подчиненные могли при нем говорить, только если он к ним обращался. Что ж, спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Он удалился. На верхней ступеньке лестницы у него начался приступ кашля. Пока он шагал по дорожке, я слышал, как он кашляет и задыхается. Мне вспомнилось, что такой кашель был у человека, отравленного газами под Верденом.

Долгое время стояла полная тишина. Я выкурил несколько сигарет. Кехе. Ладно, не подлежит сомнению, что Бегену будет все-таки что расследовать.

Взошла луна, и теперь я уже различал группы кустов, росших внизу. Правее виднелся кусочек пляжа. Внезапно тени шевельнулись, и я услышал женский смех. Звук его был негромким и приятным, нежным и веселым. Парочка оказалась на освещенном пространстве. Я увидел, как мужчина наклонился и обнял женщину, потом взял ее голову в руки и начал целовать в глаза и губы. Это были небритый француз и его рыжеволосая подруга.

Несколько мгновений я наблюдал за ними. Они о чем-то беседовали, потом сели на песок, и он закурил. Я перешел террасу и начал подниматься по лестнице.

Тропинка была извилистой и крутой. Я медленно шел вперед, поднимая руку к лицу, чтобы отодвигать ветки кустов, росших по бокам дорожки. Между концом тропинки и входом в здание находилась небольшая площадка. На мне были поношенные сандалии, делавшие шаги почти бесшумными. Уже подходя к дому, я остановился и замер на месте. В холле было темно, свет пробивался только из-за стеклянной перегородки, отделявшей конторку Кехе. Дверь была приоткрыта, и изнутри до меня доносились голоса хозяина и еще какого-то мужчины. Говорили они по-немецки.

— Завтра я попробую еще раз, — сказал Кехе, — но очень боюсь, что это будет бесполезно.

Пауза. Потом заговорил другой. Голос у него был низкий, и говорил он почти шепотом, так что я едва мог различить слова.

— Попробуй еще раз, — медленно произнес он. — Я должен знать, что произошло. Должен знать, что мне делать.

Новая пауза. Когда Кехе прервал молчание, в его голосе прозвучал мягкий оттенок, которого я никогда раньше не замечал.

— Ничего тут не поделаешь, Эмиль. Надо только ждать.

Эмиль! Я с трудом сдержал возбуждение. Тем временем Эмиль отозвался снова:

— Я и так уже слишком долго ждал.

Опять пауза. Эти минуты молчания казались насыщенными волнением.

— Хорошо, Эмиль. Я попытаюсь еще раз. Спокойной ночи. И постарайся получше выспаться.

Собеседник не ответил. Его шаги прозвучали в холле, и я, с бешено колотящимся сердцем, спрятался в тени стены. Мужчина вышел и на мгновение остановился на пороге. Я узнал его по одежде, хотя и не видел раньше его лица. Это был тот человек, которого официант назвал Хайнбергером.

Он быстро пошел по дорожке в сторону террасы; тем не менее, когда луч света скользнул по его лицу, я успел разглядеть тонкие, плотно сжатые губы, тяжелый подбородок, впалые щеки и широкий лоб. Все эти детали не слишком, однако, привлекли мое внимание, потому что я увидел еще кое-что, чего не встречал после того, как уехал из Венгрии: глаза человека, ожидающего, когда же смерть избавит его от мучений.

У себя в комнате я опустил шторы, приоткрыл жалюзи и со вздохом облегчения лег, чувствуя, что падаю от усталости.

Долго я лежал с закрытыми глазами, ожидая прихода сна, но на душе было слишком тревожно. Голова горела, подушка казалась горячей и липкой. Я вертелся с боку на бок, открывал и снова закрывал глаза. Пауль Хайнбергер был Эмилем Шимлером. Эмиль Шимлер был Паулем Хайнбергером. Кехе должен продолжать какие-то попытки. Шимлер хочет знать, что произошло. Шимлер и Кехе. Оба шпионы. Я дошел-таки до правды. Надо сообщить об этом Бегену. Когда? Завтра рано утром. Чересчур долго ждать. Рано утром. В шесть часов. Нет, почту еще не откроют, а Беген будет спать. Беген в пижаме. Толстый, противный трутень. Надо немедленно связаться

с ним. Абсурд! Господи, как я устал! Уснуть бы! Хайнбергер — это Шимлер. Шпионы.

Я вскочил с кровати, набросил халат и уселся на подоконник.

Хайнбергер — это Шимлер. Его надо без замедления арестовать. За что? За то, что он назвался чужим именем? Полиции известно его настоящее имя Эмиль Шимлер; немец, из Берлина. Официант сказал мне, что его зовут Хайнбергер. Но разве преступление сказать кому-то, что тебя зовут Хайнбергер, если твое настоящее имя — Шимлер? Мог бы я, Вадаши, сказать, что меня зовут Карл Маркс или Джордж Хиггинс, если бы это пришло мне в голову? Какая, впрочем, разница? Шимлер и Кехе — шпионы. Моя камера у них, и сейчас они не могут понять, куда девались их снимки.

Тем не менее, я не мог отделаться от мысли, что выражение, которое я подсмотрел на лице Шимлера, не имело ничего общего с фотокамерами и снимками. Кроме того, в этом человеке, в его голосе и лице было что-то такое... Хотя, с другой стороны, нельзя же думать, что шпион будет похож на шпиона... как бы они там ни выглядели. Те, кто этим занимается, не рекламируют своего ремесла. Во всей Европе, во всем мире разведывательные центры анализируют результаты работы своих агентов: толщину броневых листов, начальную скорость орудийных снарядов, детали механизмов управления огнем и дальномеров, эффективность взрывателей, положение укреплений и складов боеприпасов, планы фабрик и карты для будущих бомбардировок. Мир готовится к войне. У фабрикантов оружия и шпионов дела идут как нельзя лучше. Может, стоило бы создать шпионский трест, что-то вроде центрального управления по распределению всей этой жизненно важной информации. Я представил себе Кехе, быстро шагающего по переулку, чтобы войти в дом и выйти через другую дверь. Так ли уж охотно согласился бы он признать существование любовницы, если бы она действительно у него была? Только болван, вроде этого майора-англичанина, мог в это поверить. Меня не проведешь. Штаб-квартира в Тулоне. Кехе и Шимлер. Шимлер и Кехе. Шпионы.

Меня проняла дрожь. Стало прохладно. Я вернулся в постель.

Лишь только глаза снова закрылись, моим умом начал овладевать новый страх, страх еще перед одной возможностью, с каждой минутой казавшейся мне все более угрожающей. А что, если кто-то из гостей отеля уедет?

Такое легко может случиться. Завтра герр Фогель, или Дюкло, или Ру со своей рыжей красоткой — кто угодно из

них — может сказать: «Я решил сегодня же уехать». У любого уже могли быть собраны вещи, чтобы уехать прямо с утра. Как избежать этого? Что, если я ошибаюсь, подозревая Кехе и Шимлера? Что, если Ру и его подруга — иностранные агенты с поддельными французскими паспортами? А может быть, шпионы — американцы, швейцарцы или англичане? Они же ускользнут у меня из рук. Думать, что предпринять, будет тогда уже поздно. Как же мне поступить? Надо попросить у Бегена пистолет. Да, именно так — попросить у Бегена пистолет. Чтобы никаких глупостей.

— Оставайтесь на месте или получите пулю в живот. Десять патронов в магазине. По одному на каждого из вас. — Нет, патронов только восемь. Это зависит от типа пистолета. Надо бы два.

Я откинул одеяло и присел. Если так будет продолжаться, к утру совсем рехнусь. Подойдя к умывальнику, вытер лицо холодной водой. «Должно быть, все это было в полусне», — подумал я, хотя отлично знал, что не заснул ни на минуту.

Я раздвинул шторы и загляделся на освещенные луной деревья. Следует обдумать все спокойно, холодно и спокойно. Как это мне говорил, Беген?

По-моему, я довольно долго стоял у окна. Когда же наконец лег, небо над бухтой начало уже светлеть. Я страшно замерз, но теперь в голове царило спокойствие. У меня был план, казавшийся моему усталому мозгу безупречным.

Когда я уже закрывал глаза, мне вдруг пришло в голову, что в словах англичанина-майора было что-то любопытное. Мелкая деталь, впрочем. Мне это было уже безразлично: я спал.

Глава шестая

Проснулся я с головной болью.

Я забыл снова задвинуть шторы, и утреннее солнце всюду светило в окно. Снова будет жаркий день, а мне ведь надо столько сделать. Прежде всего позвонить Бегену, а потом провести в жизнь мой план. Я не без удовольствия убедился, что он и сейчас кажется таким же безупречным, как в предрасветных сумерках. На душе стало немного легче.

Завтракать я спустился на террасу и, запивая кофе мои croissants, мысленно поздравлял себя. Я, преподаватель иностранных языков, человек нервный и отнюдь не любитель насилия, сумел за несколько часов составить хитрый план, как захватить опасного шпиона. И подумать только, что я боялся не успеть к понедельнику в Париж! Что за шутки играют

с нами нервы! После второй чашки кофе начала проходить и головная боль.

Когда я направился к выходу, Фогели уже сидели за своим столом. Я остановился и поздоровался с ними.

Я сразу же отдал себе отчет в том, что эти люди выглядят очень серьезными, а улыбки, которыми они ответили на мое приветствие, были чуть натянуты. Фогель заметил, должно быть, мой удивленный взгляд.

— Мы сегодня не совсем в своей тарелке,— сказал он.

— О, я почувствовал это.

— Получили дурные известия из Швейцарии,— он показал на листок, лежавший на столе.— Умер один наш добрый друг. Надеюсь, вы простите нам сумрачный вид.

— Ну, конечно. Очень сочувствую вам.

Им явно хотелось поскорее отделаться от меня, и я пошел дальше. А потом совсем забыл о них: за мной велась слежка.

Почтовое отделение было в одном доме с бакалейным магазином, на самом краю поселка. Шагая к нему, я заметил, что какой-то мужчина все время идет в нескольких шагах позади меня. Я остановился у дверей первого попавшегося на пути кафе и обернулся. Человек тоже остановился. Это был тот самый сыщик, который арестовал меня накануне. Он кивнул мне, как старому знакомому.

Я сел, он подошел и занял место за одним из соседних столиков. Я знаком пригласил его подсесть ко мне — он так и сделал. Вид у него был вполне дружелюбный.

— Доброе утро,— холодно поздоровался я с ним.— Вам что, приказали следить за мной?

Он кивнул.

— К сожалению, да. Утомительное дело,— он показал на свой черный костюм.— Тяжело в нем.

— Зачем же вы его надели?

Его широкое хитроватое лицо французского крестьянина приняло внезапно торжественное выражение.

— Ношу траур по матери. Она умерла всего четыре месяца назад. Камни в печени.

К нам подошел официант.

— Что желаете?

Подумав мгновение, полицейский попросил limonade gazeuse. Я велел официанту принести его и встал со стула.

— Слушайте,— сказал я,— я иду на почту позвонить мсье Бегену. Меня не будет в поле вашего зрения меньше пяти минут. Посидите здесь и выпейте свой лимонад. Я зайду за вами, когда буду возвращаться.

Он покачал головой.

— Мне приказано следовать за вами.

— Знаю, но очень уж это неприятно. Весь поселок видит. Мне это не нравится.

На его лице появилось упрямое выражение.

— Мне приказано следовать за вами, и подкупить себя я не дам.

— Я и не собираюсь вас подкупать. Просто хочу, чтобы и вам и мне было удобнее.

Он снова покачал головой.

— Я свой долг знаю.

— Ну, как хотите.

Я вышел из кафе и направился дальше по улице. Выходя, я слышал, как он спорит с официантом насчет платы за лимонад.

Телефон, установленный на почте, был общественным во всех смыслах этого слова. Отгораживали его с одной стороны свисавшие с потолка связки чеснока, а с другой — куча пустых почтовых сумок. Кабины не было, и, когда я, прикрыв рукой трубку, пробормотал: «Комиссариат», — мне нечудилось, что весь Сен-Гатьен бросил свои дела и прислушивается.

Полицейский участок, — ответил, наконец, хриплый голос.

— Мсье Беген?

— Его нет.

— Господин комиссар?

— Кто его спрашивает?

— Мсье Вадаши.

— Подождите.

Подождав несколько мгновений, я услышал голос комиссара:

— Слушаю! Вадаши?

— Да.

— У вас что-то новое?

— Да.

— Позвоните по телефону Тулон 83-55 и попросите мсье Бегена.

— Хорошо.

Я повесил трубку. Очевидно, комиссару поручено было лишь следить, чтобы я не удрал из Сен-Гатьена. Я попросил Тулон 83-55. Мои слова вызвали довольно неожиданный эффект. Голос телефонистки, до сих пор сонный и безразличный, сразу же стал живым и деловитым. Через пять се-

кунд я уже получил соединение. Еще через две — услышал раздраженный голос Бегена.

— Кто вам дал этот номер?

— Комиссар.

— Вы уже собрали сведения о фотоаппаратах?

— Пока еще нет.

— Тогда чего вы мне морочите голову?

— Я кое-что обнаружил.

— Ну?

— Немца Эмиля Шимлера зовут Пауль Хайнбергер. Я подслушал разговор между ним и Кеке, показавшийся мне очень подозрительным. Нет сомнений, что Шимлер — шпион, а Кеке — его сообщник. Кроме того, последний часто посещает один дом в Тулоне. Говорят, что там живет его любовница, но это может быть ложью.

Произнося эти слова, я почувствовал, что всю мою уверенность словно ветром унесло. Что за чушь я несу! Я готов был поклясться, что в трубке послышался сдавленный смешок, но последовавшее дальше показало, что я, видимо, ошибся.

— Слушайте, Вадаши, — прозвучал раздраженный голос Бегена, — вам были даны определенные инструкции. Вам велели проверить, у кого из гостей есть фотоаппараты. Не ваше дело думать или играть в детектив. Что делать, вы знаете: приказ был более чем ясен. Почему вы его не выполнили? Хотите снова вернуться в камеру? Я больше не желаю слушать никаких глупостей. Немедленно возвращайтесь в «Резерв», расспрашивайте гостей и сообщите мне ту информацию, которая от вас требуется. Ни во что больше не вмешивайтесь. Ясно?

Он положил трубку, прежде чем я успел ответить.

Служащий с любопытством глядел на меня. Должно быть, желая произвести на Бегена впечатление важностью моего открытия, я слишком повысил голос. Я со злостью посмотрел на него и вышел.

Снаружи ждал меня сыщик, ошалевший от жары и усталости. Когда я в бешенстве зашагал назад по улице, он пошел рядом со мной, втолковывая, что я должен ему 85 сантимов плюс чаевые, которые он заплатил за лимонад. Он непрерывно повторял, что лимонад заказал я и поэтому обязан заплатить за него. Сам бы он никогда не заказал limonade gaseuse, если бы я этого не сделал. Государство не оплачивает ему таких расходов. Всего я должен ему франк и двадцать пять сантимов. Восемьдесят пять сантимов за лимонад и восемь су чаевых. Он человек бедный, долг свой знает и подкупить себя не даст.

Я едва слушал его. Значит, мне надо расспросить гостей и выяснить, у кого из них есть фотокамеры! Это же сумасшествие. Шпион, вне всяких сомнений, испугается и сбежит. Беген — идиот, а я нахожусь в его руках. Вся моя судьба зависит от него. Ни во что не вмешиваться! Но, что там ни говори, вопрос поимки шпиона непосредственно касается меня. Если этот тип сбежит, я пропал. Я и раньше слышал, что деятели из контрразведки отличаются тупостью, а теперь имел прямые подтверждения этого. Если я положусь на Бегена из Военно-морского отдела, шансов вернуться к понедельнику в Париж будет, мягко выражаясь, немного. Нет, дать им думать за меня слишком рискованно. Мне нужно разоблачить Шимлера и Кехе. Я выполню свой план так, как собирался это сделать с самого начала. Надо полагать, у Бегена будет достаточно глупый вид, когда я представлю ему все доказательства. Что касается проверки фотокамер, я никого не буду расспрашивать прямо. Сведения соберу, так и быть, вреда это, пожалуй, не принесет, но действовать стану осторожно.

— Восемьдесят пять сантимов и еще *pourboire* в восемь су...

Мы подошли уже к воротам «Резерва». Я дал сыщику монету в два франка и вошел внутрь. Сделав несколько шагов, оглянулся, чтобы посмотреть на него. Прислонившись к воротам, со сдвинутой на макушку шляпой, он любовно разглядывал монету.

При входе в здание я встретился с как раз выходящими Скелтонами. Они были одеты в шорты и тащили с собой журналы, купальные халаты, темные очки и крем от загара.

— Хелло! — сказал молодой человек.

Девушка приветствовала меня улыбкой.

Я тоже поздоровался.

— Вы пойдете на пляж?

— Сейчас переоденусь и догоню вас.

— Не забудьте прихватить и свой английский язык, — весело крикнул мне Уоррен, и я услышал, как сестра сказала ему:

— Да оставь ты человека в покое.

Через несколько минут я уже вышел и направился к лестнице, ведущей на пляж. В этот момент мне в первый раз улыбнулось счастье.

Я уже доходил до первой террасы, когда услышал оживленные голоса. Почти в тот же момент появился мсье Дюкло, поспешно направлявшийся к зданию. Через мгновение за ним, перепрыгивая через ступеньки, последовал Уоррен

Скелтон. Пробегая мимо меня, он что-то крикнул. Я уловил слово «камера».

Быстро направившись к террасе, я понял причину их возбуждения.

В бухте стояла огромная белая яхта с распущенными парусами. Матросы в белых костюмах и матерчатых шляпах бегали по безукоризненно чистой палубе. В тот момент, когда я увидел судно, оно стало по ветру, паруса вздулись и матросы зарифили бизань. Потом опустили марсель и фок, и столбы воды вокруг носа яхты превратились в две широкие, пологие волны. Заскрипела якорная цепь.

Группа шурящихся от солнца людей столпилась на краю террасы. Там были Кехе, Мери Скелтон, Фогели, англичане, французская парочка, Шимлер и невысокая толстая женщина, в которой я узнал мадам Кехе. У некоторых из них были в руках фотоаппараты. Мне осталось поспешно присоединиться к этой группе.

Кехе наводил на резкость свою кинокамеру. Фогель быстро вставлял в свой аппарат новую пластинку. Миссис Клендон-Хартли рассматривала яхту в бинокль, висевший на длинном ремешке на шее ее мужа. Мадемуазель Мартен орудовала своей маленькой камерой в точном соответствии с инструкциями, которые давал ей ее возлюбленный. Шимлер стоял немного в стороне от остальных, наблюдая, как Кехе возится с кинокамерой. Выглядел он больным и усталым.

— Красавица, правда? — заметила, обращаясь ко мне, Мери Скелтон.

— Да. А я-то, не зная, из-за чего вся суматоха, решил было, что ваш брат гонится по тропинке за этим старым французом.

— Он побежал за фотоаппаратом.

В эту минуту ее брат появился с дорогим «Кодаком».

— Ну, друзья, сейчас я сделаю снимок, которым потом не стыдно будет похвастаться.

Он дважды снял яхту.

Вслед за американцем появился и мсье Дюкло с огромной зеркалкой какой-то допотопной марки. Пыхтя, он открыл ее и взобрался на парапет.

— Как вы думаете, засунет он бороду в аппарат или нет? — пробормотал Скелтон.

Прозвучал сухой щелчок, когда Дюкло открыл затвор своей камеры, затем последовало мгновение тишины, а потом послышался легкий треск, когда он вновь закрыл его. Старикан спустился с парапета с очень довольным видом.

— Держу пари, что он забыл вставить пластинку.

— Вот и проиграл,— ответила Скелтону его сестра.— Он как раз вынимает ее.

В этот миг мсье Дюкло поднял взгляд и заметил, что мы смотрим на него. Он улыбнулся, и в его глазах появилось озорное выражение. Сменив пластинку, он повернул свою камеру в нашем направлении. Я увидел, что Скелтон сделал шаг вперед так, чтобы стать перед своей сестрой. Почти тотчас же она сбежала по лестнице вниз, к пляжу. Дюкло разочарованно посмотрел на нас.

— Скажите ему, чтобы он не тратил зря пластинок,— прошептал мне на ухо Скелтон.

— А в чем дело?

— Скажите, скажите.

Однако мсье Дюкло уже потерял интерес к нам, а, когда я обернулся, Скелтон исчез вслед за своей сестрой.

Майор и миссис Клендон-Хартли стояли на последней ступени лестницы, опершись о парапет. Майор приветствовал меня кивком.

— Красивое судно, верно, Вадаши? Судя по очертаниям, английской постройки. В девятьсот седьмом я провел отпуск на яхте возле Норфолька. Великолепный вид спорта, но, чтобы заниматься им, нужны деньги. Вы бывали в Норфольке?

— Нет.

— Чудесное место. Кстати, разрешите представить вас моей супруге. Мистер Вадаши, дорогая.

Она взглянула на меня с безразличным видом, и тем не менее мне показалось, что меня изучают. Я почувствовал себя человеком, у которого что-то не в порядке с костюмом. Чуть улыбнувшись уголком рта, она кивнула мне. Я поклонился в ответ, уверенный почему-то, что попытка заговорить с нею была бы воспринята как наглость.

— Вечером можно сыграть в бильярд,— оживленно сказал ее муж.

— С удовольствием.

— Вот и отлично. Мы еще увидимся до этого.

Миссис Клендон-Хартли снова холодно кивнула, давая понять, что разговор окончен.

Скелтоны лежали в тени зонтика на песке, в самом конце пляжа. Они подвинулись, и я сел рядом с ними.

— Не обижайтесь, что мы так сбежали,— сказал Скелтон.— Мери терпеть не может, когда ее фотографируют, с детства не выносит. Верно ведь, Мери?

— Святая правда. Какой-то газетный фотограф обманул мою няню, и она так и осталась безутешной. «Не верь муж-

чине с фотоаппаратом, — всегда говорила мне она, — пусть это даже будет паралитик с седой бородой». Терпеть не могу, когда меня снимают. Посмотрите, мистер Вадаши, вы видели что-нибудь подобное?

Я последовал в направлении ее взгляда. Фогель установил свою камеру на большом металлическом штативе. Перед объективом, вовсю хохоча, стояла фрау Фогель. Нажав на кнопку автоспуска, ее муж побежал, чтобы успеть встать в позу под руку с супругой. Послышался щелчок затвора, и Фогели снова громко расхохотались. Очевидно, о своем дорогом почившем друге они уже успели забыть.

Кехе и французская парочка наблюдали за швейцарцами, явно забавляясь от всей души. Хозяин отеля посмотрел на нас, чтобы убедиться, что и мы обратили внимание на гротескную пару. Затем он подошел к нам.

— Слушайте, Кехе, — сказал Скелтон, — вы что, законтраковали их развлекать гостей?

Кехе улыбнулся.

— Охотно попросил бы их остаться в качестве постоянного аттракциона.

— Ясно. *Les Deux Switzers*. Приходите посмеяться и развлечься. Прямо из лучшего театра Нью-Йорка. Переодеваются на ходу.

Вид у Кехе стал несколько смущенным.

— Не обращайтесь на него внимания, — вмешалась девушка. — Он шутит. Кстати, я ошибаюсь или между этими двумя французами, с которыми вы только что разговаривали, действительно что-то есть?

Кехе усмехнулся и собирался уже ответить, когда с ближайшей террасы донесся пронзительный крик.

— Аль...берт!

Я выглянул из-под зонта. Мадам Кехе, сложив руки рупором, стояла у парапета.

— Аль...берт!

Кехе не поднял глаз.

— Голос муэдзина, — заметил он шутливо, — зовущего верных к молитве.

Кивнув нам, хозяин зашагал к лестнице.

— Знаете, — задумчиво заметил Скелтон, — на месте нашего Альберта я бы залепил этой даме хорошую пощечину.

— Грубиян! — пробормотала его сестра и повернулась ко мне. — Пойдемте к морю, мистер Вадаши.

И она и ее брат были великолепными пловцами. Пока я неторопливым брассом проплыл метров пятьдесят, они уже

огибали яхту, стоящую на якоре посреди бухты. Я немедленно направился к пляжу.

Швейцарцы тоже были в воде. Во всяком случае, в воде стоял герр Фогель. Фрау Фогель возлежала на надувном матрасе и весело смеялась, в то время как ее муж бегал вокруг нее, отчаянно шлепая по воде и распевая во весь голос какую-то гортанную тирольскую песню.

Я вернулся под зонт, вытерся полотенцем, потом лег, закурил и начал размышлять.

Недоразумение с фотоаппаратами понемного прояснялось. Я мысленно подвел итог моих наблюдений.

Герр Фогель	Старый «Фойгтландер»
Фрау Фогель	
Мсье Дюкло	Зеркалка древнего образца
М-р Скелтон	Кодак «Ретина»
Мисс Скелтон	
Мсье Ру	
Мадмуазель Мартен	Французская камера
Мсье Кехе	
Мадам Кехе	Кинокамера (Пате)
Герр Шимлер	Не имеет
Майор Клендон-Хартли	
Миссис Клендон-Хартли	Не имеют

Я взял на заметку последние три имени.

Судя по всему, англичане были не из тех людей, которые увлекаются фотографией. Скорее всего миссис Клендон-Хартли даже считает это дурным тоном. Что касается Шимлера, мне уже начало казаться почти излишним собирать еще какие-то новые улики против этого немца. Ладно, Беген требует от меня информацию — он ее получит. Кехе? Поживем — увидим. Я выбрался из-под зонта на горячий песок. Солнце палило немилосердно, так что мне пришлось обернуть полотенце вокруг головы. Когда снова пришли мокрые и заныхавшиеся Скелтоны, я дремал.

Молодой американец легонько ткнул меня в ребра.

— Пора бы чего-нибудь выпить.

За обедом я размышлял о том, что характерной чертой всех удачных планов является простота. Задуманный мною план был прост донельзя.

Мой фотоаппарат находится у кого-то из двенадцати живущих здесь людей, а у меня был аппарат, принадлежащий этому человеку. Беген уверял, что, обнаружив отсутствие своих негативов, этот тип постарается вернуть их любой ценой. С его точки зрения, пленка скорее всего еще находится

в аппарате. Следовательно, получив возможность снова поменять камеры, хозяин пленки не замедлит ею воспользоваться.

Мой план состоял в том, чтобы положить «Контактс» на каком-нибудь видном месте в такое время, когда все гости могут его увидеть, а самому спрятаться так, чтобы, оставаясь незамеченным, наблюдать за камерой и ожидать результатов. Если ничего не произойдет, я буду знать, что обмен камерами еще не замечен. В этом случае я ничего не теряю. Если же, напротив, что-то случится, я выясню, кто шпион.

Довольно долго я искал наиболее удобное место для моей западни и в конце концов пришел к выводу, что лучше всего будет стул в том самом холле, где обмен состоялся в первый раз. Самое логичное — использовать это место, и к тому же за ним легко наблюдать. В салоне рядом с холлом на вбитом в стену крючке висело чуть наклоненное вперед небольшое зеркало в позолоченной раме. Немного передвинув одно из кресел, я смогу, сидя спиной к двери, видеть холл в зеркале. А меня из холла заметишь, разве что подойдя к самому порогу и обратив внимание на мое отражение. Ну, а это вряд ли придет в голову даже самому осторожному из людей.

Я быстро покончил с обедом, вышел на террасу и, забежав в салон, поставил кресло в нужное положение. Потом я вернулся к себе за фотоаппаратом и через минуту уже сидел в салоне, полный тревожного ожидания.

Гости начали выходить на террасу.

Первыми показались Фогели. Затем наступила довольно долгая пауза. Стряхивая крошки с бороды, прошел Дюкло. За ним последовали Ру и мадмуазель Мартен, майор и миссис Клендон-Хартли, американцы, наконец, Шимлер. Я продолжал ждать. Чтобы произвести обмен, кто-то должен был вернуться к себе и взять мой аппарат.

Прошло десять минут. Часы на каминной полке пробили два. Я не отрывал взгляда от зеркала, стараясь даже не моргать от опасения, что в ту крохотную долю секунды, пока мои глаза будут закрыты, что-то произойдет. От этих усилий у меня начали слезиться глаза. Пять минут третьего. В какой-то момент мне показалось, что по салону скользнула тень, словно кто-то прошел снаружи мимо окна. Солнце, однако, стояло по другую сторону дома, так что трудно было утверждать это с уверенностью. Как бы то ни было, я ожидал чего-нибудь более существенного, чем тень. Десять минут третьего.

Начала сказываться усталость. Пожалуй, не следует придавать слишком большое значение своим теориям. Мои рассуждения основаны на многих очень туманных возможностях. Глаза стали просто гореть и непроизвольно убегать от зеркала.

Внезапно я услышал слабый шорох, доносившийся откуда-то из-за моей спины. Я впился глазами в зеркало, но там ничего не было.

Тогда, рывком вскочив с кресла, я бросился к двери, но сделал это недостаточно быстро. Протянув к ней руку как раз, когда она поворачивалась на своих петлях, ухватиться уже не успел. Дверь с силой захлопнулась, и ключ повернулся в замке.

Я еще раз дернул за ручку, потом в отчаянии огляделся вокруг. Окно! Я подбежал к нему, пару секунд провозился с задвижкой, и, наконец, оно распахнулось. Потом прямо по клумбам я бросился к входной двери.

В холле было безлюдно и тихо. Стул, на котором я оставил свою камеру, был пуст.

Ловушка сработала, но попался в нее я сам, ухитрившись потерять единственное доказательство своей невинности.

Глава седьмая

РУССКИЙ БИЛЬЯРД

В этот вечер я долго сидел в своей комнате, уговаривая себя, что самое лучшее теперь бежать из «Резерва» и в Марселе попытаться наняться официантом или матросом на какой-нибудь пароход, уходящий на Восток.

Я обдумал все, что мне надо будет сделать. Воспользовавшись моторкой Кехе, я высажусь где-нибудь в пустынном месте к западу от Сен-Гатьена. Потом я закреплю руль лодки, включу мотор и отправлю ее в открытое море, а сам пойду пешком в сторону Огага. Там можно будет сесть на марсельский поезд.

В этом месте у меня начинались сомнения. Каждому не раз приходилось читать рассказы о подростках, сбежавших из дому и ушедших в плавание, о людях, нанимавшихся матросами, чтобы заплатить своей работой за проезд. На первый взгляд, для этого не нужно никаких особых способностей. Полуголые матросы, бегающие по реям, ушли в прошлое. Все, что требуется, это подновлять краску, стирать ржавчину с металлических частей и отвечать «aye, aye, sir», когда к тебе обращается офицер. Жизнь, конечно, нелегкая, и люди

там грубые. Кормят овсяной похлебкой и сухарями, источенными червями. Споры обычно решаются кулаками, зато у кого-то из матросов всегда бывает аккордеон, и все поют под него, когда кончается вахта. Потом, через много лет, можно написать книгу о своих приключениях.

Да, но так ли все пойдет у меня? Пожалуй, нет. Возможно, это простое невезение, но я убедился, что все мои предприятия никогда не завершались в соответствии с классическими образцами.

Быть может, окажется, что нужно иметь золотые руки, чтобы снимать ржавчину с этих самых металлических частей, и все только расхохочутся, услышав, что сухопутная крыса считает себя способной на это. Свободных мест не будет, а если и будут, то на каком-нибудь каботажном судне, направляющемся в Тулон. Или окажется, что необходимо специальное разрешение, выданное властями как минимум за три месяца до выхода в море. Возможно, не понравится мой вид или полное отсутствие опыта. Действительность часто ставит препятствия на нашем пути.

Я закурил и начал заново обдумывать свое положение.

Ясно было одно: нельзя говорить Бегену о пропаже второго фотоаппарата. Меня арестуют немедленно. Комиссару нужно найти преступника, а без этого единственного доказательства у меня нет ни малейших шансов убедить следователя в своей невиновности. Что я за идиот! Необходимо было пойти на риск и самому разгадать загадку. Чтобы убедить Бегена, нужно доказать, что мой аппарат у Шимлера. Теперь оставалось одно: обыскать комнату немца.

Сама мысль об этом привела меня в ужас. А что, если я попадусь с поличным? Не доставало только обвинения в воровстве. Обыск, однако, произвести необходимо. Более того, в его исходе я почти уверен. Может быть, прямо сейчас? С бьющимся сердцем я посмотрел на часы. Почти три. Надо выйти и проверить, где сейчас Шимлер. Действовать следует спокойно и осторожно. Эта мысль немного ободрила меня. Спокойно и осторожно. Не терять голову. Туфли на мягкой подошве? Обязательно. Револьвер? Чушь! У меня его нет, а хоть бы и был... Фонарик? Идиот, сейчас же еще день! И тут я вспомнил, что не знаю даже номера комнаты.

Я почувствовал необычайное облегчение и чуть не рассмеялся. Поглядев в зеркало, изобразил на своем лице глубокое разочарование. Вот так лучше, это именно то, что я должен испытывать, коль на моем пути возникло препятствие. Беда

в том, что на самом деле ничего подобного не было, — скорее наоборот, появилось облегчение. Я презирал себя. Утешаться тем, что номера комнаты Шимлера я все равно не знал, как бы ни отнесся к происшедшему, не имело смысла. Будь я потолковее, номер установил бы заранее. Но, если я так защищаю свои интересы: чувствую облегчение, когда передо мной возникают препятствия, то да поможет мне Бог!

В таком состоянии я спустился на террасу, ожидая, что там никого не будет, но ошибся. Устроившись в плетеном кресле на дальнем конце террасы, покуривая трубку и с книгой в руках, сидел герр Шимлер.

Сейчас самое время произвести обыск, если бы я знал, где находится его комната. Я уже было повернулся, чтобы возвратиться в дом, но не сдвинулся с места. Придется упустить удобный случай. Впрочем, я ничего не потеряю, если попытаюсь заговорить с ним и выяснить, с человеком какого покроя предстоит мне бороться. В конце концов, один из основных элементов стратегии — изучение умственного склада противника.

Однако думать об изучении умственного склада герра Шимлера было куда легче, чем это сделать. Я переставил плетеный стул в тень неподалеку от него, сел и откашлялся.

Трубка в зубах Шимлера пошевелилась, и он перевернул страницу. На меня он даже не взглянул.

Я слышал, что, если пристально, сосредоточив всю свою волю, смотреть человеку в затылок, он непременно обернется. Минут десять я напрягал свою волю, не отрывая взгляда от головы Шимлера (даже сейчас я четко помню все пропорции его затылка), но результата не было ни малейшего. Мне удалось прочесть заглавие книги. Это были «Первоисточки трагедии» Ницше, одна из тех немецких книг, которые я еще раньше заметил на полках в салоне. Отказавшись от попыток соперничать с Ницше, я устремил взгляд на море.

Солнце пекло ужасно. Горизонт затянула слабая дымка, и видно было, как дрожит воздух над раскаленной каменной балюстрадой. Из сада доносился монотонный хор цикад.

Несколько мгновений я наблюдал за громадной стрекозой, кружившейся над цветком вьюнка, потом она улетела. Не тот день, чтобы думать о шпионах. Я знал, что надо позвонить Бегену и передать ему список фотоаппаратов, но это могло подождать. Может быть, пойду на почту попозже, когда станет прохладнее. Я представил себе сыщика в тяжелом черном костюме, потеющего в тени пыльных пальм у ворот.

Наверняка он сейчас мечтает о стакане лимонада. Зависть овладела мною. Взамен на душевное спокойствие я готов был носить в жаркие летние дни черный костюм, потеть, выслеживать, ждать и мечтать о стаканчике лимонада. Великолепная жизнь! А вот моя была ничем не лучше, чем у преступника. Я находился под слежкой.

Интересно, что обо мне думает Мери Скелтон. Скорее всего, ничего. Или, если вообще вспоминает обо мне, считает приятным и довольно привлекательным молодым человеком с оказавшимися весьма кстати способностями к языкам. Я вспомнил, как она, полагая, что я не слышу, попросила брата не приставать ко мне. Ее шутливые слова были добрыми. Неплохо, если бы девушка заинтересовалась мною. Она отлично знает своего брата — это очевидно. Не менее очевидно и то, что он очень любит сестру. Это заметно по всему его поведению...

Шимлер захлопнул книгу и выбил трубку о ручку кресла.

— Сейчас или никогда, — сказал я себе и решительно приступил к делу.

— Ницше, — заявил я, — не очень подходящий компаньон в такой жаркий день.

Немец медленно повернул голову и посмотрел на меня.

Его впалые щеки были такими же бледными, как прошлой ночью, но в голубых глазах не было уже отчаяния. Сейчас в них отражалось более заурядное чувство — недоверчивость. Я заметил, как напряглись мускулы его лица.

Он вынул трубку изо рта и начал набивать ее. Когда же заговорил, слова его были неторопливы и тон небрежен.

— По всей вероятности, вы правы, но я не искал себе компании.

В любой другой момент его тон заставил бы меня надолго замолчать, но сейчас я упрямо продолжал:

— Разве Ницше читают и сейчас?

Довольно глупый вопрос.

— А почему нет? — ответил он.

Я продолжал нести чушь:

— О, не знаю! Я думал, что он вышел уже из моды.

Немец опять вынул трубку изо рта и взглянул на меня через плечо.

— Вы соображаете, что говорите?

Я уже устал от этой словесной эквилибристики.

— Честно говоря, нет. Просто хотелось заговорить с вами.

Мгновение он со злостью глядел на меня, а потом на его губах появилась заразительная улыбка. Я улыбнулся и ответ.

— Много лет назад, — сказал я, — один мой соученик целыми часами объяснял мне, почему Ницше — великий человек. Мне же так и не удалось дочитать «Заратустру» до конца.

Шимлер сунул трубку в рот, потянулся и посмотрел в небо.

— Ваш друг ошибался. Ницше мог стать великим человеком. — Он ткнул пальцем в книгу, лежавшую у него на коленях. — Это его первая книга, и в ней есть зародыш величия. Представьте себе, что он обвиняет Сократа в декадентстве. Мораль — симптом декаданта! Какая великолепная концепция! Но, как вы думаете, что он написал об этой книге двадцать лет спустя? — Я промолчал. — Он сказал, что теперь она кажется ему шокирующе гегельянской. И он, действительно был в этом уверен. Тождество — всего лишь определение простой и мертвой сущности; противоречие — корень всякого развития жизни. Лишь в той мере, в какой данный объект содержит в самом себе противоречие, он может развиваться и быть активным. — Шимлер пожал плечами. — Однако то, что Ницше воспринял у Гегеля в молодости, он перестал ценить в старости. Старый Ницше — это просто безумец.

Мне было трудно следовать за ходом его мыслей. Чуть растерянно я заметил:

— Ни разу не видел, чтобы вы купались.

Он бросил на меня сердитый взгляд.

— Вы что, сознательно пытаетесь вывести меня из себя?

— Да нет же. Просто хотел переменить тему разговора.

— Нельзя сказать, чтобы это у вас получилось очень ловко. — Шимлер отвел взгляд и потом добавил:

— Я не купаюсь, но, если хотите, могу сыграть с вами партию в русский бильярд. Или это, в свою очередь, слишком глупо для вас?

Говорил он без особого энтузиазма, с видом человека, вынужденного смириться с неизбежностью.

Мы направились внутрь отеля.

Бильярдный стол находился в углу главного салона. Начали игру молча. Через десять минут он легко выиграл у меня. Делая последний удар, улыбнулся:

— Боюсь, что не доставил вам особого удовольствия. В этой игре вы не очень-то сильны. Хотите еще одну партию?

Я ответил тоже улыбкой. Вел себя он не слишком дружелюбно, почти грубо, но было в нем что-то исключительно привлекательное. Мне захотелось подружиться с ним. Я почти забыл, что Шимлер — мой подозреваемый номер один. Очень скоро мне пришлось об этом вспомнить.

Я сказал, что сыграю с удовольствием. Он поставил счетчик на ноль, натер кий мелом и наклонился, чтобы нанести первый удар. Свет, падавший из окна, освещал его лицо, подчеркивая впалость щек и делая еще более рельефными выступающие скулы и широкий лоб. Великолепная голова для художника! Руки тоже производили приятное впечатление: крупные, но пропорциональные, с твердыми и точными движениями. Пальцы, мягко державшие кий, заставляли его изящно скользить по большому пальцу левой руки. Не отрывая взгляда от красного шара, он спросил:

— У вас были какие-то неприятности с полицией?

Сказано это было небрежно, так, словно он спрашивал, который час. И сразу же послышался треск трех шаров, вошедших один за другим в лузы.

Я попытался быть таким же бесстрастным, как и он.

— Великолепный удар! Да, что-то напутали с моим паспортом.

Он немного передвинулся вдоль стола, чтобы шары оказались в удобном для него положении.

— Вы югослав, не так ли?

На этот раз в лузу вошел только один шар.

— Нет, венгр.

— А, понимаю! Из-за Трианонского договора?

— Да.

Его следующий удар оказался на редкость неудачным. Он вздохнул.

— Этого я и боялся. Общий счет: ноль. Ваш удар. Расскажите мне об Югославии.

Я наклонился над столом. Что ж, в одну и ту же игру могут играть и двое.

— Я не был там уже более десяти лет. А вы немец, верно?

Удар получился.

— Неплохо. Вы начинаете делать успехи.

На мой вопрос он, однако, не ответил. Я снова попытал счастья:

— Сейчас не так уж часто встречаешь немцев, проводящих отпуск за границей.

— Да? Ну, меня это не трогает: я из Базеля.

Это была наглая ложь. От возбуждения я промахнулся, и шар вкатился в лузу, не задев ни одного другого.

— Не повезло вам! Где мел?

Я молча протянул ему мел. Он натер кий, и последовал удар. Счет начал быстро изменяться в его пользу.

— Сколько там? — пробормотал он наконец. — Шестьдесят четыре, правильно?

— Да.

Он вновь наклонился над столом.

— Вы хорошо знаете Германию, герр Вадаши?

— Никогда там не был.

— Следовало бы съездить. Народ там очень гостеприимный. — Красный шар остановился у самого края лузы. — Черт, надо было ударить чуть сильнее! Шестьдесят четыре. — Он выпрямился. — А говорите по-немецки, герр Вадаши, вы великолепно. Можно подумать, что вы много лет прожили в Германии.

— Мы почти постоянно говорили на этом языке в Будапештском университете. Кроме того, я преподаю иностранные языки.

— Ах, вот как? Ваш удар.

Я не мог сосредоточиться на игре, и удары были, как на подбор, неудачными, а один раз я вообще не попал по шару. В мозгу вертелось множество вопросов. Что Шимлер хочет от меня узнать? В его вопросах явно была какая-то цель. Какая? Может, он подозревает, что я намеренно похитил фотографии? Сбитый с толку всеми этими вопросами без ответов, я остановился на мысли, что этот человек вообще не может быть шпионом. В нем было что-то, делавшее абсурдной саму эту возможность. Вид, полный достоинства. К тому же, разве шпионы цитируют Гегеля? Читают Ницше? Правда, в данном случае вполне подошел бы его собственный ответ: «А почему нет?» В конце концов, какое это имеет значение? С равным успехом можно спросить: «А шпионы бывают хорошими мужьями?» Почему нет? Действительно, почему нет?

— Ваш удар, друг мой.

— Прощу прощения, я немного задумался.

— О! Боюсь, что вас не слишком увлекает эта игра. — Он слабо улыбнулся. — Может быть, прекратим?

— Нет, нет! Просто я вспомнил, что забыл сделать одну вещь.

— Надеюсь, ничего важного.

— Нет, конечно.

Только это на самом деле и было важно. Мне следовало позвонить Бегену, воззвать к его милосердию, объяснить потерю моего аппарата и попросить, чтобы он распорядился обыскать комнату Шимлера так же, как сделали это с моею. Поводом могло стать его фальшивое имя, но гораздо лучше было бы получить какой-нибудь твердый довод, что-то устанавливающее его связь с моим делом, гарантирующее, что я не совершаю глупую ошибку. А если пойти на риск? Если спросить его напрямик, есть ли у него фотоаппарат? В конце

концов, вреда от такого вопроса сейчас уже не будет. Тот, кто захлопнул дверь салона и забрал второй аппарат, и так знает, что я замешан в какой-то истории.

Мне удалось забить сразу два шара.

— Сам такого не ожидал, — сказал я.

— И-да, пожалуй.

— У меня одно-единственное хобби, — продолжал я, обходя вокруг стола.

Я промахнулся, и немец занял мое место.

— Серьезно?

— Да. Я увлекаюсь фотографией.

Он старательно прицелился.

— Это, должно быть, очень увлекательно.

Я внимательно следил за ним, задавая решающий вопрос.

— А у вас есть фотоаппарат?

Он медленно поднял голову и посмотрел на меня.

— Герр Вадаши, вы могли бы помолчать, пока я не сделаю этот карамболь? Очень трудный удар — вы это сами увидите. Шар должен попасть вот в эту точку бортика, ударить в белый, снова оттолкнуться от бортика и забить красный в лузу с максимальным числом очков. Белый пойдет в пятый номер.

— Прошу прощения.

— Это я должен извиниться перед вами, что нелепая игра так увлекает меня. Совершенно антисоциальное изобретение. Что-то вроде наркотика. Избавляет человека от необходимости думать. Как только появляются мысли, сразу начинаешь плохо играть. Вы спрашивали, есть ли у меня фотоаппарат? Нет, не помню даже, когда последний раз держал его в руках. Чтобы ответить на такой вопрос, думать не надо, но отвлекаешься — и очарование исчезает. Удар будет уже не тот.

Говорил он торжественно, с видом человека, для которого судьбы мира зависят от направления, в котором покатаются шары. Однако в его выразительных глазах промелькнули насмешливые искорки. Мне показалось, что я понимаю, откуда этот насмешливый взгляд.

— Вижу, что я никогда не овладею этой игрой, как следует, — заметил я.

Он, однако, уже вновь склонился над столом. Последовала пауза, а потом легкий звук удара кия о шар и стук шаров, входящих в лузы.

— Великолепно! — произнес чей-то голос.

Я обернулся. Это был Кехе.

— Великолечно,— пробормотал Шимлер,— но это не серьезная игра. Герр Вадаши играет без особого старания. Его эта игра не увлекает.

Мне показалось, они обменялись многозначительными взглядами. Что хотел Шимлер сказать своим замечанием? Я запротестовал, заявив, что игра доставляет мне большое удовольствие и, надеюсь, мы сыграем еще и завтра.

Шимлер согласился без особого энтузиазма.

— Герр Хайнбергер — большой специалист по русскому бильярду,— заявил шутливо Кехе.

Атмосфера как-то странно изменилась. Было очевидно, что они с нетерпением ждут, когда же я удалюсь. Тянуть не стоило.

— То, что герр Хайнбергер — настоящий эксперт, я уже заметил. Вы меня извините? Надо сходить в поселок.

— Ну, конечно!

Они смотрели мне вслед, и я понял, что не будет произнесено ни слова, пока я могу их услышать.

Проходя через холл, я увидел спускавшихся по лестнице Клендонов-Хартли. Пробормотал какое-то приветствие, но они не ответили. Что-то в их поведении и молчании привлекло мое внимание, и я остановился, глядя им вслед. Когда, уже поднимаясь на площадку, они обернулись, я увидел, что женщина прижала к лицу платок. Неужели миссис Клендон-Хартли плакала? Невозможно! Англичанки ее класса не умеют плакать. Скорее всего что-то попало ей в глаз. Я пошел дальше.

У ворот дежурил уже другой сыщик. Это был невысокий плотный тип в соломенной шляпе. Он сопровождал меня до самой почты.

Я позвонил прямо Бегену.

— Ну что, Вадаши? Выяснили насчет аппаратов?

— Да. Но что касается Шимлера...

— У меня мало времени. Давайте, что там с аппаратами.

Я начал диктовать список — медленно, чтобы он успевал записывать. Он нетерпеливо фыркнул.

— Поскорее, пожалуйста. Я не могу тратить на вас весь день, да и телефонные разговоры стоят недешево.

Разозлившись, я отбарабанил список, как только мог, быстро. В конце концов, за телефон-то плачу я, а не он. Этот парень просто невыносим. Я ожидал, что, когда кончу диктовать, он попросит меня повторить, но ничего подобного.

— Отлично. У тех троих точно нет фотоаппаратов?

— Шимлера, то есть Хайнбергера, я уже расспросил. Уверяет, что нет. Поговорить с англичанами еще не представилось случая, но я знаю, что у них есть бинокль.

— Что есть?

— Бинокль.

— Это не имеет значения. Занимайтесь только фотоаппаратами. Есть еще что-нибудь? — Я заколебался. Вот подходящий момент... — Алло, Вадаши. Вы слушаете?

— Да.

— Не будем терять времени. Хотите еще что-нибудь сообщить?

— Нет.

— Отлично. Позвоните комиссару завтра утром, как обычно.

Он повесил трубку.

В «Резерв» я вернулся с тяжелым сердцем. Идиот, трусливый, жалкий идиот.

Рубашка намочла от пота. Я пошел к себе в комнату, чтобы сменить ее.

Ключ торчал в скважине, как я его и оставил, но дверь не была заперта. Когда я взялся за ручку, щеколда щелкнула и дверь раскрылась сама. Я вошел и вытащил чемодан из-под кровати.

Если бы не одна деталь, я, наверное, не заметил бы ничего странного. Но дело в том, что я обычно закрываю чемодан только на одну защелку, а сейчас закрыты были обе.

Я внимательно осмотрел содержимое чемодана.

В обычных обстоятельствах я бы не обратил внимания на то, что одна рубашка была немного смята. Теперь же я быстро встал и подошел к комоду. Все было на месте, но мое внимание привлекла кучка платков в углу верхнего ящика. Цветная каемка была только у одного из них, и раньше он лежал на самом дне. Сейчас он оказался сверху. Я обследовал всю комнату. Один угол одеяла завернулся под матрац. Горничная так не застелила бы.

Не было ни малейших сомнений: кто-то обыскал мою комнату и все мои вещи.

Глава восьмая

Ощущение, которое испытываешь, узнав, что кто-то обыскивал твои личные вещи, не относится к самым приятным.

Моей первой реакцией было бешенство. Нестерпимо думать о том, что чужие руки открывали мой чемодан и рылись

в моих вещах. Не будь той защелки, я бы и не заметил этого. Вот оно! Вот из-за чего я больше всего злился. Возмущало не столько то, что мои вещи обыскали, сколько попытка скрыть это, расчет на то, что я все равно ничего не замечу, — глупость, проявленная кем-то, когда он захлопнул обе защелки. Что за беспечность! Должен же он был заметить, что застегнута лишь одна защелка. Должен был обратить внимание на то, что сверху лежат гладкие платки. Тупой и глупый мерзавец!

Я подошел к ящику, чтобы уложить платки в прежнем порядке. Потом закрыл чемодан на одну только защелку. Поправил одеяло и, немного успокоившись, сел. Лишь один человек мог, роаясь в моих вещах, ничего не взять: шпион. Вернув свой фотоаппарат и убедившись, что негативов в нем нет, он, вполне естественно, решил попытаться счастья у меня в комнате. вполне естественно? Да, увидев меня сидящим в засаде, он сообразил, что, раз я уже приготовил для него западню, то, следовательно, проявил пленку и узнал ее содержимое. В этот момент я вспомнил, что на дне чемодана у меня лежат две непроявленные пленки, снятые в Ницце. Только сейчас мне пришло в голову проверить, на месте ли они. Я снова вытащил чемодан. Пленок не было. Ясно, что шпион не был склонен хоть в чем-то полагаться на случай. Полезно запомнить это на будущее.

Если бы вернуться вовремя, чтобы поймать его на месте преступления! Я провел довольно приятную минуту, воображая себе эту сцену. Я бы из него котлету сделал, прежде чем отправить на допрос к Бегену. Мысленно, одним рывком подняв за шиворот умоляющего о пощаде мерзавца, я швырнул его в руки ожидающих ажанов.

С некоторым удивлением сообразил, что мой воображаемый шпион совсем не похож на Шимлера, Кехе и вообще на кого бы то ни было из «Резерва». Невзрачная личность с уголовной физиономией, револьвером в заднем кармане брюк и ножом, спрятанным в рукаве; жалкий и неприятный тип, лишенный хоть каких-то качеств, присущих порядочным людям; трусливая каналья, которую презирают даже те, кто ее нанял.

Пришлось с горечью признаться себе, что никогда еще я так наглядно не демонстрировал свою полную беспомощность. Просто великолепно. Вместо того, чтобы пытаться установить, кто из двенадцати возможных преступников обыскал мою комнату, усердно занимаюсь тем, что придумываю несуществующего тринадцатого. Полный крах будет мне справедливым возмездием.

— Ладно, — проговорил я вслух, — посмотрим, сможешь ли ты вбить это в свою тупую башку. Шпион, сделавший те снимки и забравший твою дорожную камеру, человек, увидевший тебя в окно салона и заперший там, как идиота, каков ты и есть, человек, вошедший в твою комнату и искавший в твоих вещах свои снимки, — это реальный, живой человек, один из тех, кто тебя окружает. Он вовсе не выглядит шпионом, болван! Нет у него ни мерзкой физиономии, ни револьвера в заднем кармане брюк. Быть может, у него седая борода, как у старого Дюкло, или глаза навывкате, как у Ру. Возможно, он цитирует Гегеля, как это делает Шимлер, а может, у него сварливая жена, как у Кехе. Он может оказаться сухим и строгим, как миссис Клендон-Хартли, или молодым и привлекательным, как Мери Скелтон. Может смеяться, как фрау Фогель, как мадмуазель Мартен. Он может быть толстым, как герр Фогель, сухощавым, как майор Клендон-Хартли, или загорелым, как Уоррен Скелтон. Он патриот или предатель, честный человек или мошенник, а то, глядишь, и тот и другой понемножку. Молодой или старый, умный или глупый, богатый или бедный. Но, кто бы он ни был, ты, чурбан, ничего не добьешься, если будешь сидеть сложа руки.

Я встал и подошел к окну.

Скелтоны ушли уже с пляжа и сидели за столом на нижней террасе. До меня слабо доносились звуки их голосов. Уоррен засмеялся и принял наполеоновскую позу, а его сестра встряхнула головой. Интересно, о чем разговаривают? Если они все время были на пляже, мне, быть может, удастся проверить с их помощью алиби хотя бы части других гостей: ведь обыскать мою комнату могли только тогда, когда я был с Шимлером или ходил в поселок, чтобы позвонить Бегену. Скорее всего, когда я был в поселке. Вне всякого сомнения, меня могли видеть, когда я уходил из отеля. Дорожка, ведущая к воротам, заметна почти из всех окон и из салона. Кто знает, может быть, пока я размышлял о том, как бы осмотреть комнату Шимлера, он принял решение обыскать мою. Какая ирония! Разница только в том, что немец знал номер моей комнаты. В таком случае это он закрыл мой чемодан на две защелки вместо одной. Возможно, в этот момент он думал о «Первоистоках трагедии». А может быть, в моих вещах рылся Кехе, или герр Фогель, или мсье Дюкло, или...

Однако сегодня уже пятница. Еще день, и мне надо будет уезжать... а я все еще только задаю себе вопросы, мысленно перебираю имена: Кехе, Шимлер, герр Фогель, Дюкло — и гляжу, как неумолимо движутся стрелки часов. Необходимо действовать. Предпринять что-то. Спешить.

Выходя из комнаты, я старательно запер дверь и сунул ключ в карман. Судьба часто играет с нами злые шутки.

Я медленно спустился на террасу. Скелтоны продолжали разговаривать, но встретили меня с неожиданным энтузиазмом.

— Слушайте, мы искали вас,— сказал молодой человек. Подойдя ко мне, он взял меня за руку и окинул испытующим взглядом.— Вы уже знаете?

— О чем?

Он подвел меня к столу и довольно проговорил:

— Еще не знает.

— Еще не знает? — как эхо повторила девушка, встала и взяла меня за другую руку. — Садитесь, мистер Вадаши, и слушайте, а то мы взорвемся, если не сможем выговориться.— Она щелкнула пальцами.— Бум!.. Вот так!

— Сенсация недели,— вмешался ее брат,— а вы еще не знаете о ней!

— Просто не верится.

— Ты начнешь или я?

— Ты. Я расскажу самую сочную часть.

— Слово мисс Мери Скелтон!

— Ладно, начинай уж ты.

Должно быть, мое лицо выражало полную растерянность, потому что Скелтон усадил меня и сунул под нос пачку сигарет.

— Закурите, это успокаивает нервы.

— Но что?..

— Спичку?

Я закурил.

— Понимаете, мистер Вадаши,— уже серьезнее проговорила девушка,— мы не хотим, чтобы вы сочли нас какими-то сумасшедшими, но сегодня мы наблюдали такое зрелище, что...

— Вы начнете прыгать на стуле от смеха,— закончил ее брат.— Мы просто умирали от желания с кем-нибудь поделиться. Благодаря вам мы останемся в живых.

Я смущенно улыбнулся, все еще не в силах что-то понять.

— Кто-то из нас недолго проживет, если ты тотчас не начнешь рассказывать,— с угрожающей миной заметила девушка.

— Что ж, за дело! Мистер Вадаши, вы помните яхту, пришедшую сегодня утром?

— Конечно.

— Хорошо. Так вот, днем мы были на пляже. Там на ходились еще швейцарцы, французская парочка и тот

старичок с седой бородой. Немного позже появились майор с женой.

— Стиль у тебя отвратительный,— заметила девушка.

— погоди! Я могу воссоздать атмосферу для мистера Вадаши. Значит, вот как все было. Мы спустились на пляж вслед за другими. То, какая там жарница, вы и сами знаете. Все мы были осоловевшие из-за этого *poulet a la crème*, который нам подали на обед. Я заметил, что пришли англичане, потому что майор пожаловался, что у него неустойчивый стул или что-то в этом роде.

— Видите ли,— оживленно перебила его сестра,— они сидели немного справа от нас, совсем недалеко, так что мы все видели. Потом, когда...

— Умолкни! Ты портишь мне весь рассказ. Твоя очередь еще придет. Как я уже сказал, мистер Вадаши, мы сидели, размышляя о том, бывает ли на свете еще жарче и не перебрали ли мы за обедом, когда фрау Фогель что-то сказала своему мужу. Вы знаете, как это бывает: слов не понимаешь, но чувствуешь смысл, вложенный в них. Во всяком случае, раскрыв глаза, я увидел, что швейцарцы глядят в сторону моря. Я посмотрел туда же и вижу, что с яхты спустили лодку и матрос подгоняет ее к трапу, у которого стоит мужчина в белом костюме и морской фуражке. Несмотря на свое плотное сложение, он довольно ловко спрыгнул в лодочку, и матрос начал грести к пляжу. Ну, все мы слегка оживились, наверное, потому, что это давало возможность немного забыть о *poulet a la crème*, и начали обмениваться замечаниями.— Он многозначительно поднял палец.— Мы и представить не могли, что нас ожидало.

— Однако,— перебила его сестра,— драма начала вырисовываться, потому что англичане внезапно заговорили между собою. Странно, что говорили они не на родном языке. Фогель потом сказал нам, что то был итальянский, но мы, конечно, этого не знали. Во всяком случае, странно было, что они общаются на иностранном языке, и еще более странно, что говорила в основном миссис Клендон-Хартли. К тому же она все время жестикулировала, показывая на лодку. В конце концов, майор тоже взглянул на море и что-то ответил ей по-итальянски. Трудно было предположить, что он знает этот язык, верно ведь? Видимо, он не был согласен с нею, потому что покачал головой и произнес слово, напоминающее женское имя. Кей или что-то в этом духе. Его жене это не понравилось, и она снова зажестикулировала. Лодка к тому времени остановилась в каком-то десятке метров от пляжа, и мужчина в морской фуражке встал с крюком в руках, чтобы зацепить

его за стальное кольцо, вделанное в скалу. Внезапно миссис Клендон-Хартли ойкнула и побежала к воде, что-то выкрикивая и размахивая руками.

— Тот парень увидел ее в этот момент и чуть не упал в воду от волнения, — сказал Уоррен Скелтон. — Потом закричал: «Мария!» Я по-итальянски не смыслю, так что не могу сказать, о чем они говорили, но перекрикивались вовсю, пока, наконец, он не привязал лодку и не спрыгнул на землю.

— И вот тогда, — заговорила Мери, — он обнял ее и поцеловал раза два или три. Очевидно, они были *очень* хорошо знакомы. Мне бы не слишком понравилось, если бы такой мужчина поцеловал меня хоть один раз. Толстый, а когда снял фуражку, стало видно: волосы подстрижены так, что голова похожа на серое, грязное яйцо. Кроме того, у него был двойной подбородок, а если я чего-то не могу терпеть у мужчин, так это двойных подбородков. Больше всего меня, однако, удивила женщина. До сих пор мы от нее слова не слыхивали, а тут вдруг начала вести себя, словно школьница, и вся прямо-таки расплылась от радости. Судя по всему, встреча с мистером Двойным Подбородком была для нее сюрпризом, и приятным сюрпризом. Он показал на яхту и стукнул себя в грудь, словно говоря: «Смотри, чего я добился», а она показала на отель, видимо, объясняя, что живет там. Тут они снова обнялись и расцеловались. На пляже все с удовольствием развлекались этим спектаклем.

— Все, кроме майора, — поправил Скелтон. — Он, похоже, не был в восторге. Правду говоря, как раз наоборот. Когда начался второй раунд поцелуев, он медленно поднялся и пошел к ним. Шагал молча, но по походке видно было: что-то должно произойти. Швейцарцы говорили со старым французом, но тут и они замолчали. Если бы не прибор, слышно было бы, как муха села на песок. Однако ничего не случилось... тогда. Двойной Подбородок поднял глаза, увидел майора и улыбнулся ему. Видно было, что они знакомы, но друзьями я бы их не назвал. Они обменялись рукопожатиями, Двойной Подбородок продолжал улыбаться, но майорша сжала губы, словно замок на них повесила. Потом они начали о чем-то тихо говорить. Думаю, что большинство присутствовавших потеряло к этому зрелищу интерес, но я продолжал наблюдать. Видите ли, я из тех, кто любит изучать человеческую природу, и всегда говорю, что для того, чтобы понять современное человечество, надо изучать людей.

— Ради Бога, — перебила его сестра, — рассказывай же дальше! Я лишь добавлю, мистер Вадаши, что все трое

выглядели людьми, сказавшими гораздо меньше, чем им хотелось бы.

— Вот именно так, — довольно подхватил Скелтон. — Но погодите, сейчас мы дойдем до кульминации. Сознаюсь, что я уж было потерял всякий интерес к этой сцене, когда внезапно мужчины заговорили на повышенных тонах. Ну, вы сами знаете: на расстоянии итальянский язык звучит точь-в-точь, как автомобиль с забитой выхлопной трубой. Так вот, один из них внезапно нажал на акселератор. Двойной Подбородок орал, размахивая руками перед лицом майора. Тот страшно побледнел. Наконец, итальянец умолк и повернулся, словно бы закончив разговор, но тут ему, видно, пришла в голову какая-то шуточка, потому что он снова повернулся лицом к майору, что-то сказал и, откинув назад голову, громко расхохотался. В то же мгновение я увидел, что майор сжал кулак и отвел руку назад. Кто-то вскрикнул — француженка, по моему, — и тут англичанин влепил великолепный удар в солнечное сплетение Двойного Подбородка. Это надо было видеть — красота, да и только. Итальянец застыл с разинутым ртом, зашипел в точности, как ванна, из которой вытекают остатки воды, споткнулся и уселся на песок, как раз когда на него накатилась волна. Миссис Клендон-Хартли закричала, повернулась к мужу и начала выговаривать ему по-итальянски. А у него вдруг начался приступ неудержимого кашля. Ясно, что тут уж все мы к ним побежали. Матрос, сидевший в лодке, выскочил на берег и вместе с французом помоложе начал поднимать Двойного Подбородка, а я со швейцарцем поспешил к майору. Женщины, конечно, кинулись к миссис Клендон-Хартли. Старичок с бородой только прыгал вокруг нас и сокрушался. Толку было немного: майор все кашлял и повторял сквозь зубы: «Свинья!», а его супруга разрыдалась и начала на ломаном английском языке кричать, что ее муж буйнопомешанный. Мне лично он таким не показался. Двойной Подбородок, немного придя в себя, помахал кулаком, что-то прокричал по-итальянски и, в мокрых брюках, удалился в лодку. Наконец, кашель у майора прошел, они с женой снова преисполнились достоинства и высокомерия и вернулись в отель. Ну, скажите, разве вы не жалеете, что пропустили такой спектакль?

— Вы бы нам хоть смогли объяснить, в чем дело, — не без сожаления сказала девушка.

Меня, однако, сейчас не очень интересовало, о чем говорили участники драмы. Я обеспокоенно наклонился вперед.

— В котором часу все это произошло?

На лицах Скелтонов появилось чуть обиженное выражение. Видно было, что они рассчитывали на больший интерес к рассказу.

— Ну, не знаю,— нетерпеливо ответил юноша.— Примерно около половины четвертого. А что?

— И целый день все были на пляже?

Молодой человек слегка раздраженно пожал плечами.

— Право, не могу сказать. Многие приходили и уходили.

— Шерлок Холмс напал на след,— торжественно проговорила Мери.— Ну, мистер Вадаши, выкладывайте, к какому выводу вы пришли.

— О, ни к какому,— ответил я.— Просто, уходя в поселок, я встретил на лестнице майора и миссис Клендон-Хартли. Она прижимала платок к глазам: должно быть, плакала.

— Ну, это еще ничего! Я боялась, что вы уже нашли всему объяснение. Это было бы ужасно, потому что я тоже придумала его, и великолепное.

— Мы придумали великолепное объяснение,— поправил ее брат.

— Ладно. Мы. Понимаете, мистер Вадаши, мы пришли к выводу, что много лет назад миссис Клендон-Хартли была простой крестьяночкой с юга Италии и вместе с родителями жила в одной из этих деревушек с белыми домиками в стиле барокко, но без канализации. Она была невестой жившего по соседству Двойного Подбородка, который тогда был еще молодым и стройным. И вдруг в деревне, покручивая усы, появляется храбрый майор. Что, как вы думаете, происходит? Майор со своими городскими манерами и сшитым по заказу костюмом сводит с ума юную крестьяночку. Короче говоря, он забирает ее с собою в город и женится на ней.

— Эй! — воскликнул Скелтон.— В первоначальном варианте этого не было.

— Да, но он ведь женился-таки на ней. Наверное, она не была такой уж простушкой.

— Ладно, пусть будет и так.

— Прошли годы.— Девушка улыбнулась с торжествующим видом.— Эта часть мне особенно нравится. Прошли годы. Все это время юный Двойной Подбородок, огорченный и растерявшийся иллюзии,— это объясняет, почему он стал таким уродом,— работал в поте лица и преуспел. Начав с самых низов и настойчиво прокладывая себе дорогу, он стал одним из богатейших мошенников Италии.

— По-моему,— вмешался ее соавтор,— конец получился не совсем удачным. В этом случае кулаками должен был бы

начать действовать Двойной Подбородок, штаны намочить — майор.

Девушка призадумалась.

— Возможно, — согласилась она, наконец, и поглядела на меня. — Вы мистер Вадаши, наверное, считаете, что наша болтовня выглядит не слишком прилично. Вы правы, но это было так неприятно, что волей-неволей хочется превратить все в шутку.

Я не знал, что ответить, и пробормотал только:

Яхта, кажется, уже ушла.

— Да, примерно час назад, — меланхолично ответил Скелтон.

В этот момент на лестнице показались Фогели. Вид у них был как нельзя более серьезный. Они остановились у нашего стола.

— Молодые люди уже рассказали вам о том, что произошло? — спросил меня Фогель по-немецки.

— Да, в основном.

— Неприятный инцидент, — проговорил он серьезно. — Моя супруга дала фрау Клендон-Хартли успокаивающее, но боюсь, что это не очень поможет. Бедный майор! Его жена сказала, что после ранения у него не все в порядке с рассудком. Видимо, он не отвечает за свои поступки. Насколько можно судить, этот человек с яхты собирался купить у Кехе вина и попросить немного льда. Он оказался старым знакомым фрау Клендон-Хартли — вот и все, но бедняга майор это неправильно понял.

Швейцарцы направились дальше к отелю.

— Что он говорил? — с любопытством спросил Скелтон.

— Сказал, что майор, по словам миссис Клендон-Хартли, был во время войны тяжело ранен и у него не все ладно с головой.

Мгновение они молча глядели на меня, а потом девушка нахмурилась.

— Не знаю, — сказала она, — но мне что-то не верится.

Ее брат нетерпеливо вздохнул.

— Ладно, забудем об этом. Что вы будете пить, мистер Вадаши? Дюбонне? Отлично. Нас здесь трое. Бросим монетку, чтобы решить, кому идти за бутылкой и стаканами.

Проиграл я.

Отправившись за выпивкой, я увидел, что мсье Дюкло оживленно беседует с Кехе. Размахивая руками, он имитировал ужасный апнеркот в челюсть. Ясно, что история, переходя из уст в уста, не теряла в красочности.

НАПАДЕНИЕ

К ужину англичане не вышли.

Против собственной воли я чувствовал себя заинтригованным. Стало быть, миссис Клендон-Хартли — итальянка! Это многое объясняло, в том числе и ее внушающую почтение молчаливость. Просто она стеснялась говорить на языке, которым неважно владела. Объясняло это и ее необычный для англичанки внешний вид. А сам Клендон-Хартли — жертва войны, не отвечающая за свои поступки. Я вспомнил, с каким сомнением отнеслась к этому Мери Скелтон. Впрочем, если рассказ молодых людей о событиях на пляже верен, я тоже склонен усомниться. Похоже, что там было нечто большее, чем простая вспышка неврастеника. Собственно, все это не мое дело. У меня есть, над чем ломать голову, и без этого. Плохо, что теперь мне нечего рассчитывать на помощь Скелтонов в подтверждении чьего бы то ни было алиби. «Многие приходили и уходили». Все, видимо, произошло, когда я был в поселке. Теперь уже ничего не удастся проверить.

Мы кончали ужинать, когда Кеке появился на террасе и объявил, что в саду установили стол для пинг-понга и он ждет желающих поиграть. Желаящие, разумеется, нашлись, и, кончив ужинать, я отправился туда, откуда доносились голоса.

Электрическая лампочка, подвешенная к ветке над столом, бросала яркий свет на лица играющих. Соревновались Скелтон и Ру, а мадмуазель Мартен и Мери Скелтон наблюдали за ними, усевшись на куче камней.

Ру действовал, немного пригнувшись, предельно сосредоточенный, следя своими выкаченными глазами за мячиком так, словно это была готовая взорваться бомба, и отчаянно прыгая из стороны в сторону. По контрасту движения Скелтона казались медленными и недостаточно эффективными. Тем не менее я заметил, что американец выигрывал одно очко за другим. Мадмуазель Мартен даже и не пыталась скрыть свое недовольство и в отчаянии вскрикивала каждый раз, когда Скелтон прибавлял очко. Зато каждый успех Ру встречался с соответствующим восторгом. Мери Скелтон поглядывала на нее с любопытством и не без насмешки.

Партия закончилась. Мадмуазель Мартен бросила на Скелтона злющий взгляд и вытерла платком лоб своего возлюбленного. Я услышал, как она уверяла его, что это поражение никак не повлияет на ее чувства.

— Сыграете? — спросил у меня Скелтон.

Я не успел даже ответить, Ру уже оказался за столом и, размахивая ракеткой, с улыбкой заявил, что хочет взять реванш.

— Что он говорит? — поинтересовался американец.

— Хочет взять реванш.

— А, вот оно что, — Скелтон подмигнул мне. — Лучше, пожалуй, предоставить ему эту возможность.

Они снова начали играть, а я присел рядом с Мери Скелтон.

— Почему я ни слова не могу понять из того, что говорит этот француз? — спросила она. — По-моему, у него какой-то необычный акцент.

— Возможно, он родом откуда-нибудь из провинции. Бывает, что и парижане не в состоянии понять какой-либо диалект.

— Ну, хоть это утешение. Знаете, когда он так прыгает, мне просто страшно, что у него глаза совсем выкатятся наружу.

Не помню, что я ответил, так как решил удовлетворить свое любопытство, разобравшись, что же за акцент у Ру. Где-то я недавно слышал такой же. Более того, он мне отлично знаком. Вопль восторга мадмуазель Мартен снова привлек мое внимание к игре.

— Уоррен, если хочет, умеет проигрывать очень убедительно, — заметила американка. — Когда, случается, он дает мне выиграть партию, всегда кажется, что я великолепно играла.

Скелтон был достаточно деликатен, чтобы дать обыграть себя с небольшим преимуществом, хоть ему и пришлось вмешаться, чтобы утихомирить жаркий спор, разгоревшийся между Ру и Дюкло, появившимся в середине партии и настаивавшем на том, чтобы ему поручили вести счет. Мадмуазель Мартен была в восторге и расцеловала Ру.

— Знаете, — прошептал мне Скелтон, — этот бородач просто жулик. Я видел, как он мошенничает, когда играет в бильярд, но никогда не думал, что он будет проделывать то же самое и с чужими очками. Я сам вел счет и знаю, что проиграл пять очков, а не два. Еще немного, и он заставил бы меня выиграть партию. Должно быть, у него что-то вроде клептомании наоборот.

— А где же майор и его супруга? — спросил в этот момент виновник моих размышлений. — Почему они не играют в пинг-понг? Майор должен быть исключительно трудным противником.

— Старый болван! — бросила по-английски Мери Скелтон.

Мсье Дюкло, ничего не поняв, улыбнулся ей в ответ.

— Ради бога, замолчи! — сказал ей брат. — Могут понять.

Сообразив, что они говорят, видимо, по-английски, мадмуазель Мартен промолвила, обращаясь к Ру: «О'кей» и «Хау ду ю ду», — расхохоталась и была вознаграждена поцелуем. Дюкло подсел ко мне и начал комментировать сегодняшние события на пляже.

— Никогда бы не подумал, что в этом выдержанном военном столько страсти и столько любви к своей супруге-итальянке. Таковы уж англичане: внешне всегда холодны и корректны, будто они только делами и интересуются. Но внутри, кто знает, какое пламя горит у них внутри? — он нахмурился. — Я немало прожил, но никогда не мог понять ни англичан, ни американцев. Непостижимые существа. — Он погладил свою бороду. — Удар был исключительно точен. Прямо в челюсть. Итальянец свалился, как бревно.

— Мне говорили, что удар был в солнечное сплетение. Он внимательно посмотрел на меня.

— И в челюсть, мсье. И в челюсть тоже. Два великолепных удара!

В этот момент вмешался прислушивавшийся к нашему разговору Ру.

— Никаких ударов вообще не было, — заявил он решительно. — Майор применил джиу-джитсу. Я внимательно наблюдал за ними и хорошо знаю прием, который он использовал.

Дюкло поправил очки и хмуро посмотрел на Ру.

— Это был удар в челюсть, мсье, — проговорил он строго;

Ру поднял руки к небу и скривился. Глаза его совсем выкатились из орбит.

— Вы же ничего не видите, — сказал он довольно грубо и обернулся к мадмуазель Мартен. — Ты все рассмотрела, ma petite, верно? Зрение отличное, очки тебе не нужны — не то, что этому господину. Это был прием джиу-джитсу, не так ли?

— Oui chéri, — ответила она и послала ему воздушный поцелуй.

— Вот видите! — воскликнул Ру.

— Удар в челюсть, вне всякого сомнения, — ответил Дюкло. Очки дрожали от переполнявшего его гнева.

— Ну и ну! — со злостью крикнул Ру. — Смотрите сами!

Он резко повернулся, схватил мою левую руку и дернул за нее. Я инстинктивно откинулся назад и тут же почувствовал,

что падаю. Ру подхватил меня и не дал упасть. Пальцы у него были необычайно сильные. Чувствовалось, как напряглось его худое, нервное тело.

— Видели? — хмыкнул он.— Джиу-джитсу. Это очень простой прием, а получилось бы точь-в-точь так же, как у майора с тем итальянцем.

Дюкло с достоинством поднялся и слегка наклонил голову.

— Чрезвычайно интересная, но совершенно излишняя демонстрация, мсье. Зрение у меня достаточно хорошее. Это был удар в челюсть.

Он снова поклонился и удалился в сторону отеля, Ру презрительно засмеялся и щелкнул пальцами.

— Старый кретин. Считает, что, если мы притворяемся, что не замечаем, как он жульничает в бильярд, то и вообще ничего не видим.

Он снова ухмыльнулся. Мадмуазель Мартен горячо поздравила его с победой в споре, американцы начали играть в пинг-понг, а я направился к нижней террасе.

Подальше, в глубокой тени деревьев, виднелись две молчаливые фигуры, стоявшие, опершись о парапет. Это были майор и его жена. Услышав мои шаги, майор повернул голову, что-то тихо сказал женщине, и они ушли. Несколько мгновений я прислушивался к затихавшему звуку шагов и хотел уже направиться на то место, где они только что стояли, когда заметил в стороне огонек трубки. Я пошел в ту сторону.

— Добрый вечер, герр Хайнбергер.

— Добрый вечер.

— Не хотите сыграть в бильярд?

Я увидел, как посыпались искры, когда немец выбил трубку о ручку шезлонга.

— Спасибо, не хочется.

По какой-то непонятной причине у меня заколотилось сердце. Слова готовы были уже сорваться с губ. Мной овладело желание тут же высказать все мои подозрения, бросить обвинение в лицо сидящему в темноте, невидимому шпиону. Мне хотелось крикнуть: «Негодяй! Шпион!» Я начал дрожать и, уже открыв рот, зашевелил губами. Внезапно вспыхнула спичка, и в ее желтом свете я увидел его лицо, худое и бледное.

Он поднес спичку к трубке и затаился. Пламя, вспыхнув еще пару раз, наконец, погасло. Огонек трубки описал дугу, показывая, что Шимлер сделал жест рукою.

— Садитесь, герр Вадаши. Здесь есть еще один стул.

Я стоял с разинутым ртом, как идиот. Потом сел, чувствуя себя человеком, чуть не сбитым мчащимся автомобилем

и понимающим, что его спасение — заслуга исключительно водителя, а отнюдь не его. За неимением лучшей темы, я спросил, знает ли он о событиях на пляже.

— Знаю, — ответил он и после небольшой паузы добавил:

— Говорят, что англичанин — неуравновешенная личность.

— И вы думаете, что это правда?

— Не могу судить. Следовало бы знать, до какой степени он был спровоцирован. Даже сумасшедшие не прибегают к насилию без причины. — Он снова сделал паузу. — Странная вещь — насилие. В мозгу нормального человека есть какой-то чрезвычайно сложный механизм, запрещающий прибегать к нему. Однако действие этого механизма меняется в зависимости от характера цивилизации. В западных странах он не так силен, как в восточных. Я, разумеется, не говорю о войне — там на первый план выходят совсем другие факторы. Индусы — отличный пример того, что я хочу сказать. Число покушений на английских чиновников в Британской Индии, естественно, очень высоко, но любопытно, что большой процент их кончается неудачей. И проваливаются они не потому, что индусы — плохие стрелки, а потому, что в решающий момент инстинкт направленный против насилия, мешает убийце. Один раз я разговаривал на эту тему с бенгальским коммунистом. Он сказал мне, что ненависть может заставить индуса раздобыть револьвер, чтобы убить кого-то из своих угнетателей. Незамеченный, он вмещивается в толпу на пути своего врага. В тот момент, когда он поднимает револьвер, англичанин в его руках. И тут индус начинает колебаться. Он видит перед собой не ненавистного захватчика, а человека. Его рука, дрожит, прицел сбивается и через мгновение он сам падает под пулями охранников. Немец, француз или англичанин, охваченный такой же ненавистью, выстрелил бы без промаха.

— И какой, по-вашему, импульс толкнул майора ударить в живот этого итальянца?

— Понятия не имею. Вы говорите, что он ударил противника в живот? Я слышал, что в лицо.

— На этот счет есть три различных версии. Одни заявляют, что в челюсть, другие — в живот, а третьи — что не было вообще никакого удара, а просто использовался прием джиу-джитсу. Американцы, стоявшие ближе всех к лодке, утверждают, что удар был в солнечное сплетение.

— Если это так, то не думаю, что майор ненормален. Удар в живот может быть вызван бешенством, но не безумием. Нор-

мальное животное, нападая на противника, бьет в самое близкое и удобное место. Безумцу нужно обязательно лицо.

— Но что могло стать причиной схватки?

— Быть может, — с оттенком нетерпения ответил Шимлер, — этот тип майору просто не понравился. — Он встал. — Мне нужно написать несколько срочных писем. Вы извините меня?

Шимлер ушел. Я посидел еще, размышляя. Думал я не о майоре Клендоне-Хартли, а об индусе герра Шимлера, который «видит не ненавистного захватчика, а человека». Меня охватила волна сочувствия к индусу. Но это ведь не все, «через мгновение он сам падает под пулями охранников». Суть рассказанного здесь изложена в нескольких словах. Человек испытывает страх и погибает. Или он погибает все равно, хоть боится, хоть нет? Да, так оно и есть, ни зло ни добро не побеждают. Они взаимно уничтожают друг друга, чтобы создать новое «зло» и новое «добро», гибнущие в свою очередь. «Противоречие — источник всякого развития и жизни.» Это же фраза Шимлера! Я нахмурился. Обращал бы побольше внимания на поступки герра Шимлера и поменьше на его слова, может, уже добился бы чего-то.

Я пошел к отелю. Салон был пуст. Вот вам и «срочные письма» Шимлера! В коридоре мне встретила мадам Кехе, тащившая кучу простынь.

— Добрый вечер, — сказал я.

— Добрый вечер, мсье. Вы не видели моего мужа? Нет? Наверняка играет в пинг-понг. Есть два сорта людей: умники, которые живут и в ус себе не дуют, и дураки, которые работают, как каторжные. Кто-то ведь должен заниматься делом. В «Резерве» это приходится на долю женщин.

Она крикнула: «Мария!» — и пошла дальше. Я вышел на верхнюю террасу.

За столом возле балюстрады сидел мсье Дюкло в приятном обществе сигары и бутылки. Увидев меня, он привстал и поклонился.

— Приношу свои извинения, мсье, за то, что ушел тогда, не попрощавшись. Но я не мог оставаться и выслушивать оскорбления.

— Вполне понимаю вас, мсье.

Он вновь поклонился.

— Может быть, выпьете со мною? У меня здесь бутылка перно.

— Спасибо, я, пожалуй, остановлюсь на вермуте с лимонным соком.

Мсье Дюкло позвал официанта и предложил мне сигару. Видимо, наметив для меня роль внимательного слушателя, он немедленно приступил к делу.

— Несмотря на возраст, — заявил он, добавляя немножко воды в свой стакан, — я человек гордый. Очень гордый.

Он умолк, чтобы бросить в стакан кусочек льда. Я не мог понять, почему гордость должна убывать с возрастом, но он заговорил снова, прежде чем я успел высказать свои сомнения.

— Несмотря на возраст, — повторил он, — я бы залепил пощечину этому Ру, если бы не одно обстоятельство: там присутствовали дамы.

— Вы вели себя как нельзя более достойно, — успокоил я его.

Он погладил бороду.

— Рад, что вы так думаете, мсье. В определенных обстоятельствах гордому человеку нелегко бывает сдерживать свой гнев. Студентом я дрался на дуэли. Будущий противник усомнился в моих словах. Я дал ему пощечину. Он вызвал меня на дуэль — и мы дрались. — Он вздохнул и постарался напрячь память. — Стояло холодное ноябрьское утро. Так холодно было, что руки совсем онемели. Странно, насколько человек обращает внимание на такие мелочи. На место поединка мы отправились в карете. Мой друг предлагал идти пешком, потому что ни один из нас не мог позволить себе роскошь платить за карету, но я настоял на своем. Если меня убьют, будет уже все равно, а если останусь жив, облегчение заставит меня забыть о деньгах, так что мы поехали в карете. Меня мучило то, что мерзнут руки. Я спрятал их в карманы и все-таки никак не мог согреть. Сунуть их под мышки я не решился, боясь, что друг истолкует это как признак страха. Попытался подложить их под себя, но кожа сидения была холодна как лед. Все мои мысли сосредоточились на руках. И знаете почему?

Я покачал головой. Его глаза блеснули за стеклами очков.

— Прежде всего боялся, что не смогу метко выстрелить, и, кроме того, думал, что если и мой противник так же замерз, то он, пожалуй, промахнется.

Я улыбнулся.

— Надеюсь, мсье, что все закончилось благополучно?

— Вполне! Мы промахнулись оба. Мало сказать: промахнулись — чуть не подстрелили наших секундантов, — он негромко рассмеялся. — Мы не раз потом смеялись, вспоминая об этом. Друг мой — сейчас владелец фабрики неподалеку

от моей. У него пятьсот рабочих. У меня шестьсот тридцать. Изготавливают разное оборудование и ящики для упаковки.

В этот момент подошел официант.

— Вермут с лимонным соком для мсье, — заказал старик.

Я почувствовал себя немного заинтригованным. Кто-то — Скелтон или майор — говорил мне, что Дюкло — владелец конфетной фабрики. Должно быть, неправильно понял.

— Трудные сейчас времена, — снова заговорил Дюкло. Растет жалованье, и растут цены. Потом цены снижают, а жалованье остается высоким. Я вынужден сократить его — и что происходит? Мои рабочие объявляют забастовку. Некоторые из них работают у меня уже много лет. Я знаю их по именам и здороваюсь с ними, проходя по фабрике. А потом в их среду втираются агитаторы-коммунисты и настраивают их против меня. Рабочие начинают стачку. Что делать?

Появление официанта с вермутом избавило меня от необходимости придумывать ответ.

— Что делать? Я сажусь и начинаю думать. Почему эти люди выступают против меня? Из-за чего? Ответ ясен: из-за своего невежества. Бедняги не понимают, не отдают себе отчета в том, что делают. Я решил собрать их и все объяснить. Да, папа Дюкло все расскажет им. Для этого необходимо мужество, ведь молодежь не знает меня так, как знают старики, а агитаторы поработали на совесть, — мсье Дюкло прихлебнул перно. — Я стал лицом к ним, — продолжал он драматическим тоном, — на ступенях у входа на фабрику. Поднял руку, требуя молчания, и все умолкли. «Дети мои, — сказал я, — вы просите у меня прибавки жалованья». Они начали кричать: «Ура!» Я снова поднял руку: «Дети мои, я расскажу вам, что будет, если я соглашусь на вашу просьбу, и тогда вы сможете принять решение сами». Поднялся было шум, но через мгновение все снова замолчали. Я чувствовал вдохновение.

— Цены поднимутся. Если я повышу жалованье, цены фабрики Дюкло станут выше, чем у наших конкурентов. Мы потеряем заказы. Для многих из вас не окажется работы. Вы хотите этого?

— Нет! — закричали они. Некоторые невежды-агитаторы выкрикивали, правда, что следовало бы сократить прибыль. Как можно объяснить этим идиотам, что вложенные деньги должны приносить прибыль и, если бы не это, исчезла бы всякая коммерция? Я ничего не ответил. Зато рассказал о добрых чувствах, которые питаю к рабочим, о моей ответственности перед ними, о желании помочь им и о сотрудничестве, которое должно существовать между нами ради

нашего блага и процветания самой Франции. «Все мы должны приносить жертвы ради общего блага», — сказал я. Я умолял их принять решение о снижении зарплаты с мужеством и решимостью и работать еще больше. В результате мне аплодировали и старые рабочие приняли решение вернуться к станкам. Это был великолепный момент. Я плакал от счастья.

Его глаза за стеклами очков заблестели.

— Великий момент, как вы говорите, — заметил я по возможности тактично. — Но вы действительно думаете, что эта проблема так проста? Если снижается жалованье, разве это не приведет к новому снижению цен, потому что у людей станет меньше свободных денег для покупок? Мсье Дюкло пожал плечами.

— Есть определенные экономические законы, в которые человек не должен вмешиваться, — ответил он довольно туманно. — Если жалованье поднимается выше естественного уровня, это нарушает тонкое равновесие системы. Но не стоит ломать сейчас голову над подобными вещами. У себя на фабрике я делец, делец решительный и непреклонный. Сейчас у меня каникулы, и я стараюсь на время забыть о той тяжелой ответственности, которая на мне лежит. Я успокаиваю свои усталые нервы, глядя на звезды.

Старик запрокинул голову и устремил взгляд на небосвод.

— Какая красота! — пробормотал он восхищенно. — Великолепно! И как их много! — Дюкло опять посмотрел на меня. — Я очень чувствителен к красоте, — добавил он, затем снова вернулся к своему стакану. Потом взглянул на часы и встал.

— Половина одиннадцатого, — сказал он. — Я уже стар, мсье. Мне доставил большое удовольствие наш разговор, но сейчас разрешите удалиться на покой. Спокойной ночи.

Он поклонился, пожал мне руку, положил очки в карман и несколько неуверенным шагом ушел в дом. Только тут мне пришлось в голову, что мсье Дюкло выпил за вечер, пожалуй, не один стаканчик перно.

Некоторое время я еще посидел в салоне, перечитывая номер «Грен-гуара» двухнедельной давности, а потом, устав, вышел в сад поискать американцев.

За столом для пинг-понга никого не было, но лампочка над ним продолжала гореть. Между скрещенными ручками ракеток лежал шарик. Я взял его и несколько раз стукнул им о стол. В этот момент где-то поблизости послышался звук шагов. Я повернулся, ожидая кого-нибудь увидеть, но за кругом, освещенным лампочкой, царил полная тьма. Если кто-то и находился поблизости, заметить его было невоз-

можно. Я напряг слух, но ничего не услышал. Кто бы там ни был, он, видимо, успел уже скрыться. Я решил пройтись к нише нижней террасы.

Пробравшись между кустами к тропинке, начал спускаться и уже был у самой лестницы, откуда мог видеть над собою покрытое звездами небо, когда произошло неожиданное.

Что-то слегка затрещало между кустами слева от меня. Я остановился, повернул голову и тут же почувствовал сильный удар по затылку.

По-моему, сознание не полностью оставило меня: я лежал ничком рядом с тропинкой, и что-то с силой прижимало мои плечи к земле. В глазах у меня все еще вспыхивали искры, в ушах шумело, но я отчетливо слышал чье-то возбужденное дыхание и чувствовал, как пара рук обыскивает мои карманы.

Все кончилось едва ли не раньше, чем мой ошеломленный мозг начал воспринимать эти детали. Давление на плечи внезапно исчезло, заскрипел гравий, и наступила тишина.

Несколько минут я еще лежал, схватившись руками за раскалывавшуюся от боли голову. Когда же боль чуть утихла, с трудом поднялся и зажег спичку. Мой раскрытый бумажник валялся на земле. Деньги и несколько разрозненных бумажек в нем оказались на месте.

Я пошел к отелю. Два раза мне становилось нехорошо и приходилось останавливаться, дожидаясь, пока пройдет тошнота,— все же мне повезло: удалось добраться до своей комнаты, никого не встретив. Со вздохом облегчения упав на кровать и опустив голову на мягкую подушку, я почувствовал почти болезненное удовольствие.

Не знаю, было ли это запоздалым следствием полученного удара или появлением слабости, но не прошло и минуты, как я уже спал. Полное отсутствие логики в последней мысли, промелькнувшей в моем мозгу, приводит к выводу, что все-таки сказался результат нервного шока.

Я непрерывно повторял про себя:

«Надо сообщить Бегену, что миссис Клендон-Хартли — итальянка».

Глава десятая

БАТИСТА

Когда я вспоминаю следующие двадцать четыре часа, возникает ощущение, словно я смотрел на сцену в перепорченный театральным бинокль. Актеры передвигаются по сцене, но лица слишком малы, и потому невозможно

различить их. Необходимо усилие, чтобы перевернуть бинокль и посмотреть как следует.

Однако, когда это сделаешь, действующие лица продолжают казаться неясными и расплывчатыми. Как следует можно увидеть лишь часть сцены. В общем, если по временам этот рассказ будет представляться несколько сбитым с фокуса, читатель поймет, в чем дело. Покажу на примере, что я хочу этим сказать.

В субботу я проснулся в три часа утра совершенно одетый, лампочку, засыпая, я забыл выключить. К действительности меня вернуло ощущение тошноты, которое все росло и заставило меня вырвать. Через пару минут я разделся, принял две таблетки аспирина, чтобы успокоить головную боль, выпил стакан воды и снова лег. Прошло с полчаса, прежде чем мне удалось опять заснуть.

Так вот, в этом месте фокус сбивается: честно говоря, я ревел, как ребенок, пока не уснул, и читатель может судить по этому о моем душевном состоянии и о ясности моих мыслей. В возникавших видениях фигурировали в основном фотоаппараты, Беген, югославские тюрьмы и люди с дубинками в руках. Я не принадлежу к любителям проливать слезы и не плакал уже лет пятнадцать, но сейчас вся моя подушка намочила.

Никто не любит признаваться в таких вещах, и я, конечно, предпочел бы промолчать, но есть причина, по которой не могу этого сделать. Надо же как-то объяснить относительное веселье, царившее у меня в душе, когда я спускался завтракать. Слезы — отличный клапан для избытка чувств.

Может быть, «веселье» не слишком подходящее слово. Веселиться мне было не от чего, но я стал фаталистом. Если воля Аллаха — или кто там еще отвечает за подобные вещи? — состоит в том, чтобы я провел ближайшие годы в югославской тюрьме, то что тут можно поделаться? Вернуться к понеделнику в Париж я уже не мечтал и даже пытался вспомнить, дает ли югославское правительство амнистию политическим преступникам. Во всяком случае, найдется о чем поразмышлять, пока меня будут перевозить в Югославию.

Сейчас-то, естественно, понятно, что я полностью потерял чувство меры. Правда, задним числом это всегда легко сообразить. Самое странное то, что я вообще не потерял рассудка за сутки, последовавшие после нападения. Фантастический день! Первый сюрприз мне преподнес не кто иной, как майор Клендон-Хартли.

Завтракать я спустился поздно, и на террасе были только Фогели.

На затылке у меня выросла шишка величиной, по-моему, с пушечное ядро. Хотя боль была уже не такой острой, все же каждый шаг отдавался в голове.

Я осторожно, чуть не на цыпочках, прошел по террасе и сел. Фогели, уже поднявшиеся, чтобы уходить, заулыбались и подошли ко мне. Мы поздоровались, и тут герр Фогель обрушил на меня первый сюрприз дня:

— Вы знаете, что майор и его супруга уезжают?

Боль в голове стала просто нестерпимой.

— Когда?

— Не знаю. Нам сказал мсье Дюкло — похоже, что он хорошо информирован. По-моему, это и лучше. То есть, я хочу сказать, лучше, что англичане уезжают. После вчерашнего им бы стало здесь тяжело. Будете на пляже? — он подмигнул мне. — Американская фройлейн уже там.

Я ответил что-то неопределенное, и швейцарцы ушли. Значит, Клендон-Хартли уезжает! Именно этого я и боялся. Не то, чтобы я подозревал майора в шпионаже — такая мысль выглядела абсурдно. Тем не менее не стоило забывать о том, что его жена — итальянка. Я мысленно вернулся в кабинет комиссара и вспомнил настойчивые расспросы Бегена о моих итальянских знакомых. Быть этого не может, однако...

Мне оставалось единственное: немедленно позвонить Бегену. Я залпом допил кофе и, пройдя через холл, направился к воротам, однако не прошел и половины дороги, как из-за деревьев, отделявших тропинку от сада, появился майор и направился мне навстречу.

— Я вас всюду искал, Вадаши, — сказал он, когда мы подошли друг к другу. Потом, понизив голос, добавил:

— Если вы не очень заняты, я хотел бы несколько минут поговорить с вами наедине.

Должен сознаться, как это ни глупо, первое, что пришло мне в голову: майор сейчас же во всем признается. Чуть поколебавшись, я вежливо наклонил голову.

— Разумеется, майор! К вашим услугам.

Не говоря больше ни слова, он зашагал к дому и вошел в маленький салон. Там он поставил два стула рядом.

— Стулья неудобные, — сказал он, словно извиняясь, — но все-таки здесь лучше, чем в большом салоне.

Это было неправдой. Он, очевидно, выбрал эту комнату, чтобы нам никто не мешал. Мы сели.

— Жаль, что не могу предложить вам сигарету, — сказал он. — Я не курю.

Его волнение производило болезненное впечатление. Я вытащил свои сигареты и закурил, чтобы дать ему время успокоиться. Он наклонился вперед, сжимая и разжимая кулаки. Взгляд его не открывался от пола.

— Понимаете, Вадаши, — сказал он внезапно, — у меня есть особая причина, чтобы поговорить с вами.

Майор замолчал. Я ожидал, глядя на кончик своей сигареты. Тишину нарушало только звонкое тиканье часов на каминной полке.

— Вас вчера днем не было на пляже, верно? — неожиданно спросил он.

— Верно.

— Мне так и казалось, — он зашнулся. Видно было, что ему нелегко ясно изложить свои мысли. — Наверное, вы знаете, что там произошло. Боюсь, я совсем вышел из себя. Крайне неприятно получилось.

— Я слышал об этом.

— Так вот. Трудно предположить, что люди не будут обсуждать такое событие.

Мой собеседник снова замолчал. Я начал уже задавать себе вопрос, когда же он доберется до сути. Внезапно он поднял голову и посмотрел мне в глаза.

— Говорят, что я сумасшедший и не отвечаю за свои поступки, верно?

Вопрос застал меня врасплох. Я не знал, что ответить, и чувствовал, что губы мои помимо воли растягиваются в улыбку.

— Прошу прощения.

Майор слегка усмехнулся.

— Сожалею, что приходится говорить об этом, но мне необходимо знать ваше мнение. По лицу вижу, что ответ утвердительный. Ладно, как раз об этом я хочу побеседовать с вами — об этом и еще кое о чем.

— Понимаю, понимаю, — ответил я, стараясь говорить небрежным тоном человека, привыкшего к тому, что люди объясняют ему причины, по которым их считают умалишенными. Он, кажется, не услышал меня.

— Я знаю, что не принято рассказывать об интимных вещах чужим, — я хочу сказать, едва знакомым людям, но у меня есть для этого достаточно оснований. Вы, Вадаши, единственный человек здесь, с которым я могу поговорить. — Он довольно хмуро поглядел на меня. — Надеюсь, я не надел вам?

Совершенно не понимая, о чем идет речь, я уверял его, что нет.

— Рад, что вы так настроены. Эти проклятые иностранцы...— Он умолк, сообразив, что допустил бестактность.— Понимаете, Вадаши, речь идет о моей жене.

Он снова замолчал. Мне начали уже надоедать эти беспрерывные запинки.

— Поверьте, я действительно готов вас выслушать, и расскажите то, что хотите,— предложил я.— Ведь мне неизвестно, о чем пойдет речь.

Он улыбнулся, и выдержка военного частично вернулась к нему.

— Это верно. Не стоит говорить обиняками. Незачем зря забирать у вас время, если нет для этого оснований. Я выложу свои карты на стол, расскажу вам все, и вы сможете судить сами. Не хочу, чтобы у вас создалось обо мне ложное мнение.— Он слегка стукнул кулаком по ладони своей левой руки и повторил:

— Я выложу свои карты на стол.

Новая пауза. Я боялся, что она затянется, но на этот раз майор тотчас же заговорил снова.

— Это было сразу после того, как итальянцы начали отступать после разгрома под Капоретто. Меня как раз накануне назначили адъютантом командующего дивизией. Английское и французское военные министерства были тогда очень озабочены положением в Италии. Естественно, большинство считало, что австрийцы хотят захватить промышленные районы вокруг Милана, но шепотом поговаривали, что их генеральный штаб не стал бы только ради этого снимать столько войск с западного фронта и что истинный план состоит в том, чтобы, обогнув горы Швейцарии, выйти через равнины северной Италии к Ляону. Еще один вариант *Drang nach Westen*.

Он не без труда произнес эти слова по-немецки.

— В конечном счете мы и французы послали в Италию войска, а некоторые из офицеров штаба получили туда назначения, чтобы контролировать ситуацию. Я сначала поехал в Пизу. Железные дороги находились там в ужасном состоянии. Я лично, ясное дело, ничего в этом не понимаю, но один из моих подчиненных занимался подобными вещами, когда был штатским, и вместе мы отлично справились. К началу восемнадцатого года меня направили в Рим.

Вы бывали в Риме зимой? Там очень неплохо. Довольно многочисленная английская колония состояла в основном из военных; в наши обязанности входило общаться с итальянцами и укреплять дружбу с ними, чтобы помешать их перемирию

с немцами. Но не прошло и двух месяцев, как со мною случилось несчастье. Многие из итальянских офицеров-кавалеристов — великолепные всадники и немного сумасшедшие. То же можно сказать и об их лошадях. Однажды я поехал с одним из этих офицеров на прогулку, и он заставил свою лошадь сделать такой прыжок, на который я не решился бы даже ради Большого приза. Моя лошадь попыталась этот прыжок повторить, и в результате я получил перелом ноги и пары ребер.

В гостинице, где я тогда жил, уход мне обеспечить не могли, и пришлось отправиться в госпиталь. Беда в том, что примерно в это же время на фронте началось пекло и из полевых госпиталей один за другим приходили поезда, переполненные ранеными. В госпитале, куда я попал, коек не хватало, а персонал просто падал с ног. Я попросил содействия у знакомого офицера из итальянского генерального штаба, и на следующий день меня перевезли на огромную дачу, расположенную в окрестностях Рима. Принадлежала она семье Старетти, охотно согласившейся уступить часть помещений выздоравливающим офицерам.

Майор поглядел на меня.

— Вы, наверное, спрашиваете уже себя, какое, черт возьми, отношение все это имеет ко вчерашнему происшествию на пляже?

В действительности я спрашивал себя еще кое о чем. Хотелось бы узнать, какое отношение имеют и события на пляже и все, о чем он рассказывает, ко мне. Но я только кивнул.

— Сейчас поймете, — сказал майор и потер руки, словно они у него замерзли. — Старетти были довольно любопытной семьей. Во всяком случае, с моей точки зрения. Мать умерла, и остался только старик с детьми: Марией, двадцати пяти лет, Серафиной и тридцатидвухлетним сынком, по имени Батиста. Глава семейства, сухой, морщинистый старичок с густой гривой седых волос, в свои семьдесят лет был крупным римским банкиром, богатым, как Крез. Я думаю, вы понимаете, что невозможно прожить несколько недель в чужом доме, не получив достаточного представления о чувствах, которые его обитатели питают друг к другу. Большую часть дня я сидел в саду с ногою в лубках, а они приходили ко мне поболтать. Все, кроме старого Старетти, который целые дни проводил в своем банке и в кабинетах министров — в ту пору он был в Риме очень важной персоной. Много времени и внимания уделяла мне Мария, так же как и Серафина, хотя последняя только болтала об итальянском офицере.

который помог мне переехать к ним. Потом меня начал навещать Батиста.

Батиста ненавидел отца, и тот отвечал ему тем же. Мне кажется, основной причиной их взаимной антипатии было то, что из-за больного сердца парень не мог служить в армии, а старик готов был душу продать, если бы только это помогло его соотечественникам поколотить австрийцев. Вскоре Батиста начал частенько приходить ко мне. Он жаловался на отца, заставлявшего его работать до изнеможения, а на деньги скуповатого, и мечтал о том, как он распорядится своей частью состояния после смерти старшего Старетти. Иногда он нагонял на меня дикую скуку: прожженный пройдоха, тогда уже толстый и противный; но делать было нечего, кроме как любоваться пейзажем, что еще скучнее, ибо вокруг простиралась плоская равнина с разбросанными кое-где кучками кипарисов. Одно качество привлекало меня в Батисте: парень, как и его отец, обладал инстинктом, позволявшим ему гораздо раньше других предвидеть развитие событий. Вскоре мне представилась возможность убедиться в этом.

Недели пролетали быстро. Мы с Марией очень сблизились. Речь идет не об обычных отношениях между больным и сиделкой: за мной ухаживала профессиональная медсестра. Просто Марии не нравились молодые офицеры итальянцы, приходившие к ним и твердо уверенные в собственной неотразимости. В этом отношении она не походила на свою сестру. Короче говоря, мы с Марией решили в конце концов, что после окончания войны я приеду к ним и мы поженимся. Говорить об этом никому не стали, хотя думаю, что Серафина обо всем догадывалась. Понимаете, то, что Мария была католичкой, могло послужить препятствием для нашего брака, и мы не хотели поднимать шум заранее. Весной меня снова отправили во Францию.

Все шло нормально до августа, когда я отравился во время одной из немецких газовых атак. Только в конце девятнадцатого года меня окончательно выписали из госпиталя без половины легкого и велели жить в сухом и жарком климате. Я отправился в Рим. Там мне обрадовались, особенно Мария. Через несколько недель мы объявили себя женихом и невестой.

Поначалу все как будто шло великолепно. Отец Старетти был вроде бы очень доволен. Пожалуй, он немножко жалел, что мне исковеркали газом легкие, а не ампутировали руку или ногу, но все равно обещал нам все, что мы захотим. Уже шла подготовка к свадьбе, когда начались трудности.

В то время Батиста занимал крупный пост в фирме своего отца и однажды заявился ко мне с вопросом, не хочу ли я заработать крупную сумму. Естественно, меня заинтересовали подробности. Похоже было, что многие сколачивают состояние, покупая по дешевке списанные в итальянской армии пулеметы и переправляя их в Сирию, чтобы там сбыть арабам по гораздо (раз в шесть!) более высокой цене. Все, что требовалось, это начальный капитал для покупки оружия. Так мне, во всяком случае, объяснил Батиста.

Разумеется, я решил воспользоваться случаем. Батиста сказал, что у него есть, к сожалению, всего тысяча фунтов в долларах, а, чтобы игра стоила свеч, нам нужно по крайней мере пять тысяч. Я согласился вложить в дело недостающие четыре тысячи. Это практически все, что я имел, если не считать пенсии, и вполне логично, что я был непрочь увеличить шестеро свое состояние.

В делах я не разбираюсь и никогда не разбирался. Дайте мне отряд людей, оружие, и можете быть уверены, я сумею выполнить любой приказ, но коммерция — это не по мне. Я полностью доверился Батисте, взявшему на себя все, и, разумеется, подписал кучу документов, которые он мне подсунул. Возможно, это был идиотский поступок, но, в любом случае, слабо зная итальянский, вряд ли я что-то понял бы, даже если бы хотел.

Некоторое время все было тихо, но однажды отец Старетти вызвал меня к себе. Он спросил, правда ли, что я договорился с какими-то двумя типами о поставке пулеметов в Сирию и дал им письменное обязательство выплатить 25 % стоимости по доставке оружия на место назначения. Я ответил, что понятия не имею об этих двадцати пяти процентах, но действительно вложил в компании с Батистой четыре тысячи фунтов в торговлю оружием. Что касается коммерческой стороны вопроса, она мне неизвестна. Я посоветовал старику поговорить с сыном.

Старетти просто вышел из себя. Он спросил, подписывал ли я обязательство, я ответил, что это вполне возможно, но и сам не знаю, что именно подписал. Он рекомендовал мне не строить из себя идиота. Короче говоря, выяснилось, что подписанный мною документ был обязательством выплатить 25 % стоимости пулеметов двум сотрудникам итальянского военного министерства. Иными словами, речь шла о самой настоящей взятке. Министр накинулся на Старетти с требованием разъяснить, как в эту грязную историю впутался его будущий зять. Возникла ситуация, крайне неприятная для такого крупного банкира, каким был старик.

Я возмутился и потребовал, чтобы он послал за сыном. Как только Батиста вошел в комнату, стало понятно, как я влип. На его лице было такое нахальное и самодовольное выражение, что мне захотелось переломать ему все ребра. Он сказал, будто понятия не имеет обо всем этом деле и крайне им шокирован.

Я увидел, что майор сжал кулаки с такой силой, что побелели суставы.

— Рассказывать осталось не так уж много. Насколько и могу судить, Старетти изменил было свое завещание, решив оставить половину состояния Марии. Этого Батиста не хотел допустить и не допустил. Я уж не говорю о том, что он прикарманил мои четыре тысячи. Со стариком состоялся очень неприятный разговор. Он обвинил меня в попытке оклеветать его сына и в стремлении жениться на его дочери ради денег. Сказал, что никакой свадьбы не будет и что, если я в двадцать четыре часа не уберусь из Италии, меня арестуют — пусть даже это и вызовет скандал. Я уехал, — медленно добавил майор, — но и тогда не перестал быть идиотом, допустив, чтобы Мария бежала со мною против воли своего отца. В Базеле мы поженились.

Он умолк. Я тоже молчал — что тут можно было сказать? Однако он еще не кончил, откашлялся и продолжал:

— Женщины — странные создания, — он снова чуть помолчал. — Не думаю, чтобы моя будущая супруга понимала, как мало у меня денег, когда настаивала на том, чтобы бежать вместе. Она не привыкла останавливаться во второразрядных гостиницах. Некоторое время мы пытались обосноваться в Англии, но мои легкие не могли выдержать ее климата. Потом перебрались в Испанию, но, когда там начались беспорядки, пришлось уехать и оттуда. Немного пожили в Жан-ле-Пен, однако летом там такие цены, что пришлось искать место подешевле. Жене все это раздражало. Не надо ей было уезжать от своей семьи. Для нее все мы иностранцы, и тому же она не любит говорить по-английски. По времени мне кажется, что она меня ненавидит. Она никогда не могла простить мне, что я позволил Батисте так обвести меня вокруг пальца. Говорит, что я, наверное, ненормальный. Случается, и другим это внушает.

В его голосе звучала бесконечная усталость.

— Видели бы вы ее вчера, когда она узнала Батисту. Она понимала, что значит для меня эта встреча, и тем не менее сделала вид, что вне себя от радости. Для меня это было страшным ударом. А он, в довершение всего, еще начал

насмехаться надо мной. Теперь состояние отца досталось ему, и он отпустил шуточку насчет того, как тогда отделался от меня. Шуточку! Господи, будь у меня под рукой оружие, я бы убил его! Но у меня не было ничего, кроме кулаков, и я даже не разбил его самодовольную рожу, а только вленил прямой в живот. Свинья проклятая! — Он повысил голос и закашлялся, но не сумел сдержаться. Потом бросил на меня вызывающий взгляд.

— Вы, наверное, считаете меня законченным ослом?

Я пробормотал что-то в ответ. Он горько рассмеялся.

— Вы недалеко от истины. А теперь будете считать еще и нахалом, потому что я хочу обратиться к вам с просьбой.

Не знаю, почему у меня так заболела голова. Наконец-то он дошел до сути дела.

— Да? — сказал я.

Он снова попытался овладеть собой. Заговорил так, словно ему приходилось делать усилие, чтобы произнести каждое слово.

— Видите ли, Вадаши, я бы не стал вам всего этого рассказывать, если бы не хотел, чтобы вы вошли в мое положение. Мне тяжело просить о таких вещах. Но мы с супругой не можем оставаться здесь после вчерашнего инцидента. Будут разговоры, чувство неловкости и у нас, и у всех остальных. С другой стороны, и здешний климат мне не очень подходит. По понедельникам есть рейс из Марселя в Алжир. Думаю, что мы могли бы уехать. Беда в том, что... — пробормотал он, запинаясь, — мне крайне неприятно говорить об этом, но сейчас у меня трудности с деньгами. Я не рассчитывал на эту новую поездку, да и Кеке надо оплатить довольно крупный счет. Есть вещи, о которых не говорят. Ему вся эта история покажется малоубедительной выдумкой. Вы сделали бы мне огромное одолжение, если бы смогли занять до конца месяца пару тысяч франков. Страшно неудобно просить об этом, но вы уже знаете, как обстоит дело.

Я понятия не имел, что ответить, но все же открыл рот. Он опередил меня.

— Разумеется, я не ожидаю, что вы займете мне деньги без гарантии. Я выпишу чек на банк Кокса с выставленной вперед датой... если вы, конечно, не возражаете, чтобы я вернул деньги в фунтах. Говорят, они надежнее, чем франки, а? — Он натянуто засмеялся. На висках у него выступили капли пота. — Мне и в голову бы, конечно, не пришло надо дать вам, но нам необходимо уехать отсюда. Поймите меня. Вы здесь единственный человек, к которому я решил

обратиться с такой просьбой, и... я думаю, нет надобности говорить о том, как я буду вам благодарен.

Я огорченно посмотрел на него. В этот момент я отдал бы что угодно за то, чтобы иметь в кармане пять тысяч франков и быть в состоянии весело улыбнуться, вытащить бумажник и сказать: «Ну конечно, майор! Что ж вы сразу не сказали? Это ведь ерунда. Возьмите лучше пять тысяч — в конце концов, всего-то и дела, что получить их потом по чеку у Кокса, а всем известно, что его банк надежен, как английское казначейство. Рад, что могу быть вам полезен, и правильно сделали, что обратились именно ко мне!»

Но у меня не было пяти тысяч франков. У меня не было и двух тысяч. Все, что я имел, это обратный билет в Париж и ровно столько денег, чтобы заплатить по счету в «Резерве» и потом прожить еще неделю. Мне не оставалось ничего другого, как глядеть на майора с приоткрытым ртом и прислушиваться к тиканью часов. Он поднял на меня глаза.

— Мне очень жаль,— пробормотал я и еще раз повторил: — Мне очень жаль.

Он встал.

— Ничего,— ответил он страшно холодно. — Собственно, это не так уж важно. Просто я думал, вы можете мне помочь, вот и все. Жаль, отнял у вас так много времени. Забудьте обо всем, что я говорил. Просто думал, что вы сможете... Рад был побеседовать с вами, мне не часто предоставляется возможность поговорить на родном языке. — Он повернулся. — Пойду, займусь сборами. Думаю, мы уедем завтра утром. Кроме того, мне нужно отправить одну телеграмму. Надеюсь, мы еще увидимся до отъезда.

Наконец-то ко мне вернулся дар речи, но было уже поздно.

— Честное слово, мне очень жаль, майор, но я не могу вам помочь. Дело не в том, что я не доверяю вашему чеку. У меня нет пяти тысяч франков — того, что есть, хватит лишь, чтобы заплатить по счету. Будь у меня деньги, я занял бы их вам с величайшим удовольствием. Мне страшно жаль. Я...

Теперь, когда я уже начал, я готов был извиняться и унижаться, лишь бы вернуть ему чувство собственного достоинства. Но из этого ничего не вышло: англичанин резко повернулся и вышел из салона.

Через десять минут, когда я позвонил в полицию и попросил комиссара, мне ответил раздраженный голос Бегена.

— Алло, Вадаши, я слушаю!

— Мне надо кое о чем сообщить вам.

— Давайте.

— Майор и миссис Клендон-Хартли завтра уезжают. Он попросил у меня денег взаймы, чтобы заплатить за проезд до Алжира.

— Ну и как? Вы заняли ему?

— Мои хозяева еще не заплатили мне за тулонские снимки, — ответил я дерзко.

К моему удивлению, Беген отреагировал на мою дерзость веселым смехом.

— Что еще?

В том же состоянии духа я рискнул еще на одну шпильку.

— Не думаю, что вам это покажется важным, но сегодня ночью в саду на меня напали и обыскали мои карманы.

Не успев договорить, я понял, что веду себя, как последний болван. На сей раз ответом мне был не смех, а резкий приказ повторить то, что я сказал. Так я и сделал.

После небольшой паузы Беген спросил:

— Почему вы сразу не начали с этого вместо того, чтобы болтать всякую чепуху? Вы знаете, кто это был? Расскажите подробно.

Я рассказал, и тут дошла очередь до вопроса, которого я боялся.

— Вашу комнату обыскали?

— Думаю, что да.

— Что вы этим хотите сказать?

— Из моего чемодана исчезли две катушки пленки.

— Когда?

— Вчера.

Пропало что-нибудь еще? — медленно спросил Беген.

— Нет. — ответил я. В конце концов, фотоаппарат забрали со стула в холле, а не из моей комнаты.

Наступила новая пауза. Сейчас он спросит, все ли в порядке с камерой, но он молчал. Я решил было, что нас разъединили, и крикнул в трубку:

Алло!

Беген велел мне помолчать минутку.

Я подождал две. Голова болела ужасно. До меня доносились звуки голосов: фальцета Бегена и баса комиссара, но слов я разобрать не мог. Наконец Беген снова взял трубку:

— Вадаши!

— Да.

Слушайте внимательно. Возвращайтесь прямо в «Резерв», подойдите к Кехе и сообщите ему, что у вас взломали чемодан и украли ряд вещей: серебряный портсигар, булавку с бриллиантами, золотую цепочку для часов и две катушки пленки. Подымите побольше шуму. Рассказывайте другим

гостям, жалуйтесь. Я хочу, чтобы об этом узнали все в «Реверве». В полицию, однако, не сообщайте.

— Но...

— Не спорьте. Делайте то, что вам велено. Замки на чемодане взломали?

— Нет, но...

Тогда сделайте это сами, прежде чем говорить с Кехе. Слушайте повнимательней. О пленке вы должны упомянуть так, словно не сразу о ней вспомнили. Делайте вид, что в основном вас интересуют ценности. Ясно?

— Да, но у меня ведь нет ни портсигара, ни булавки, ни цепочки для часов.

— Ясно, что нет. Их же украли. Делайте, что вам приказано.

— Но это невозможно, абсурдно! Вы не можете заставить меня пойти на это. Я...

Беген, однако, уже повесил трубку.

Я вернулся в отель вне себя от ярости. Если есть в этом деле еще больший идиот, чем я, так это Беген. Но ему ведь терять нечего, кроме разве что шпиона.

Глава одиннадцатая

ДВЕ КАТУШКИ ПЛЕНКИ

Полный горечи, я быстро и с чувством занялся подготовкой сцены, с бешенством думая, что, если Бегену нужна кража, он получит ее по высшему классу.

Я вытащил чемодан, запер его на ключ и принялся искать, чем бы взломать замки. Первая попытка была предпринята с помощью ножниц для ногтей. Защелки не выглядели особенно прочными, но трудно было найти подходящую точку упора, и кончилось тем, что, промучившись минут пять зря, я сломал ножницы. Еще несколько минут ушло на подыскивание более совершенной отмычки. Совсем отчаявшись, я вытащил ключ из двери и попробовал использовать колечко из стальной проволоки, на котором он висел. В конце концов защелки я взломал, но при этом погнул ключ, и пришлось еще повозиться, выпрямляя его. Все-таки я открыл чемодан, вывернул его содержимое и с выражением оскорбленной невинности на лице побежал разыскивать Кехе.

В конторе его не было. Когда я все-таки увидел его загорающим на пляже, моя оскорбленная невинность успела превратиться в нечто, напоминавшее беспокойство потерявшей след ищейки. Там же были Скелтоны, французская

парочка и мсье Дюкло. Мне пришло было в голову подождать более подходящего момента, но я тотчас же отверг эту мысль. «Должен сообщить вам, что произошла кража, — скажу я. — Кто-то похитил у меня несколько ценных предметов». Надо было действовать так же, как поступил бы любой нормальный человек в подобных обстоятельствах, то есть сообщить о происшедшем хозяину, даже если на том одни лишь шорты. Элегантный, одетый в черное хозяин больше подходил бы к случаю... но приходилось проспосабливаться к Кехе.

Я спустился бегом по лестнице и направился к нему, но тут неожиданное обстоятельство изменило все. Услышав мои шаги, Скелтон выглянул из-под зонтика:

— Привет! — крикнул он. — Что-то вас не было видно утром. Ходили купаться перед завтраком?

Чуть поколебавшись, я понял, что у меня нет другого выхода, и подошел к ним. Мери Скелтон, лежавшая ничком на песке, подняла голову и поглядела на меня.

— Я уж решила, что вы забыли нас, мистер Вадаши. Нельзя же так шутить над чувствами ближних. Переодевайтесь и сообщите нам последние новости в деле Клендонов-Хартли. Мы после завтрака проходили мимо салона и видели, как вы беседуете с майором.

— Какое отсутствие такта! — пожаловался ее брат. — Я-то думал постепенно навести разговор на эту тему. Так что вы нам скажете, мистер Вадаши?

— Простите, но мне надо переброситься парой слов с Кехе. Потом я к вам подойду.

— Только не забудьте о нас! — крикнул мне вдогонку молодой человек.

Кехе беседовал с Ру и Дюкло, судя по всему уже забывшими о своей стычке прошлым вечером. Когда я подошел к ним, они как раз обсуждали достоинства и недостатки Гренобля.

— Прошу прощения, — проговорил я серьезно, обращаясь к Кехе, — но я хотел бы поговорить с вами наедине. Речь идет о срочном деле.

Кехе удивленно приподнял брови и попросил извинения у своих собеседников. Мы отошли на несколько шагов.

— Чем могу вам служить, мсье? — в его тоне мне послышалось нетерпение.

— Жаль, что приходится вас беспокоить, но я прошу пройти ко мне в комнату. Пока я был в поселке, кто-то взломал замки моего чемодана и похитил некоторые ценные вещи.

Он снова приподнял брови, негромко присвистнул и бросил на меня быстрый взгляд. Потом, извинившись, отошел на несколько шагов, подобрал свой халат и сандалии, надел их и вернулся ко мне.

— Разумеется, я пойду с вами.

Мы ушли с пляжа, провожаемые любопытными взглядами всех остальных.

По дороге Кеке спросил, что именно у меня пропало. Я повторил ему гротескный список, составленный Бегеном, добавив в конце две катушки пленки. Он молча кивнул. Мне стало не по себе. Конечно, он не мог выяснить, что речь идет о фарсе, и все же на душе у меня было беспокойно. Несмотря на всю свою лень и сонный вид, Кеке не был глуп, и я не мог выбросить из головы мысль о том, что, быть может, это он сам и огрел меня вчера вечером по голове, забрав заодно пленки. В таком случае он отлично знал, что я лгу. Последствия могли быть самые неприятные. Я с новым жаром мысленно обругал Бегена.

Наш хозяин с меланхолическим интересом обзрел результаты моего труда над замками чемодана. Потом внимательно посмотрел мне в глаза.

— Вы говорите, что ушли из комнаты около девяти?

— Да.

— С чемоданом тогда все было в порядке?

— Да. Перед тем как уйти, я запер его и сунул под кровать.

Он поглядел на часы.

— Сейчас половина двенадцатого. Давно вы вернулись?

— Четверть часа назад, но не сразу обратил внимание на чемодан. Увидев, что произошло, тотчас побежал разыскивать вас. Это же просто позор, — добавил я коротко.

Он кивнул, задумчиво глядя на меня.

— Может быть, пройдем в мою контору, мсье? Я хотел бы получить более подробное описание пропавших вещей.

— Пожалуйста. Должен, однако, предупредить, — проворчал я, — что возлагаю на вас ответственность за немедленное возвращение моих вещей и наказание вора.

— Естественно, — ответил он дружелюбно. — Ничуть не сомневаюсь, что нам удастся в кратчайшее время вернуть пропавшие вещи. Вам не стоит беспокоиться.

Шагая вслед за Кеке в его контору, я чувствовал себя актером-любителем, внезапно забывшим роль. Кеке аккуратно закрыл дверь, пододвинул ко мне стул и взял ручку.

— Слушаю, мсье. Сначала, если не возражаете, портсигар. Вы сказали, что он был золотой, так ведь?

Я бросил быстрый взгляд на Кехе. Он что-то писал на листке бумаги. Меня охватила паника. Когда мы шли с пляжа, я сказал ему, что портсигар был золотой? Я совершенно не мог припомнить этого. Или это западня для меня? В голове у меня мелькнула спасительная мысль.

— Нет, портсигар серебряный, с золотой отделкой внутри. На нем были, — добавил я, увлекаясь своей ролью, — мои инициалы «Ж. В.», выгравированные в углу, и узор на крышке. Вмещал он десять сигарет.

— Спасибо. А цепочка?

Я вспомнил подержанную цепочку для часов, которую видел как-то в витрине ювелирного магазина возле станции Монпарнас.

— Сделана из золота низкой пробы, толстая и тяжелая, старинная на вид. На цепочке золотой брелок с эмблемой Брюссельской выставки 1901 года.

Кехе старательно записал все это.

— Булавка, мсье.

Тут сообразить было чуть сложнее.

— Обычная булавка для галстука. Сантиметров шесть длиною, с бриллиантом диаметром в три миллиметра. — Я почувствовал слабость и со смущенной улыбкой добавил: — Камень поддельный.

— Но булавка золотая?

— Да.

— Эти вещи были в какой-нибудь коробочке?

— В жестяной коробочке из тех, в которых продают табак. Не помню, какой марки, знаю только, что немецкий. В ней же были две катушки пленки Контактс. Уже заснятые.

— У вас фотоаппарат Контактс?

— Да.

Он снова поглядел на меня.

— Надеюсь, вы убедились, что он на месте? Вор мог бы продать его за хорошие деньги.

У меня заколотилось сердце. Непростительная ошибка с моей стороны.

— Аппарат? — ошарашенно проговорил я. — Я не посмотрел. Он оставался в ящике стола.

Кехе встал со стула.

— Тогда лучше пойти и проверить, на месте ли он.

— Да, конечно.

Я чувствовал, что лицо у меня пылало.

Мы вновь поднялись по лестнице в мою комнату. Я успел подготовиться к тому, чтобы очень правдоподобно выразить гнев и досаду.

Подбежав к столу, я открыл верхний ящик и лихорадочными движениями начал перебирать его содержимое. Потом медленно повернулся к Кехе.

— Исчез! — выкрикнул я. — Это уж слишком! Аппарат стоит пять тысяч. Нужно немедленно поймать вора. Я требую, чтобы вы что-то предприняли, мсье.

С удивлением и растерянностью я увидел, что на губах хозяина появилась легкая улыбка.

— Конечно, все будет сделано, — ответил он спокойно, — но в случае с вашим фотоаппаратом в этом нет необходимости. Посмотрите сами!

Я проследил за направлением его взгляда. На стуле возле самой кровати лежал Контактс в своем футляре.

— Должно быть, забыл, что оставил его на стуле, — проворчал я, — когда мы снова спускались по лестнице.

Он кивнул.

— Или вор вытащил его из ящика, а потом забыл забрать с собою.

Быть может, моя нечистая совесть заставила меня почувствовать нотку иронии в его голосе.

— Ладно, — сказал я с непритворной радостью, — во всяком случае мне остался аппарат.

— Будем надеяться, — ответил серьезно Кехе, — что все остальное вернется с такой же скоростью.

Я кивнул со всем энтузиазмом, на какой только был способен. Мы вернулись в контору.

— Сколько примерно стоили портсигар и цепочка? — заинтересовался Кехе.

Я на мгновение задумался.

— Трудно сказать. Думаю, что портсигар — франков восемьсот, а цепочка — пятьсот. Это были подарки. Булавка, хоть и не слишком ценная, дорога мне как память. Что же касается 'пленок... Жаль, конечно, было бы потерять их, но... — я пожал плечами.

— Понимаю. Портсигар и цепочка были застрахованы?

— Нет.

Он положил ручку на стол.

— Вам, конечно, известно, что в таких случаях подозрение падает в первую очередь на слуг. Я немедленно допрошу их, но предпочел бы сделать это сам. Надеюсь, вы доверитесь мне и не сочтете необходимым вызывать полицию.

— Разумеется.

— Кроме того, мсье, я был бы крайне признателен, если бы вы не стали рассказывать об этом печальном событии другим гостям.

— Естественно, я не стану этого делать.

— Спасибо. Такие вещи очень плохо влияют на репутацию гостиницы. Обещаю сообщить вам, как только что-то выясню.

Я вышел, чувствуя, что мне очень не по себе. Кехе попросил ничего никому не рассказывать, и я лично с удовольствием пошел бы ему навстречу. Чем меньше разговоров, тем легче было бы у меня на душе. Беген, однако, настаивал, чтобы я поднял побольше шума, — и здесь-то он высказался вполне определенно. Я должен спровоцировать скандал. Но ведь надо же как-то учитывать и интересы персонала гостиницы. Возникла крайне неприятная и, насколько я мог судить, совершенно неоправданная ситуация — разве что все это было связано с чем-то таким, что было мне неизвестно. Я совершенно не мог понять, какая может быть связь между портсигарами, цепочками для часов и шпионами... Может, Беген хочет воспользоваться вымышленной кражей как предлогом для ареста шпиона? Абсурд! Откуда возьмутся доводы? Пленки, несомненно, уже проявлены и уничтожены, а портсигар и цепочка не существовали. Оставался единственный разумный выход: выяснить, кто же шпион, и разоблачить его, поймав на том, что у него моя камера. Моя камера! Но...

Я бегом пробежал последние ступеньки и кинулся к себе в комнату. Потребовалось не больше секунды, чтобы проверить возникшие опасения. Это была *моя* камера. Компрометирующую улику услужливо возвратили.

Совсем сбитый с толку, я переоделся в шорты. Ясно, что Бегену я мог бы и соврать. Я сказал бы, будто не знал, что камеры поменяли снова, говорил бы, что это сделали, когда обыскивали мою комнату. В конце концов, не стану же я каждую минуту проверять номер своего фотоаппарата. Если я буду осторожен, Беген может и не узнать, что в течение восемнадцати часов у меня не было вообще никакой камеры. Это, конечно, при условии, если шпиона не захватят. В противном случае все раскроется. Возможно даже, Бегену придется оставить преступника на свободе. Вряд ли сказочка о взломанном чемодане и краже даст хоть малейший шанс арестовать его. Впрочем, это уж дело полиции. Я всего лишь пешка в этой шахматной партии или муха, оказавшаяся между зубьями двух шестеренок. Стало ужасно жаль самого себя. Я поглядел в зеркало. Бедный идиот! А ноги какие худые! Закончив переодеваться и спускаясь по лестнице, я увидел, как Шимлер вошел вместе с Кехе в контору и закрыл за собой

дверь. Шимлер! Возникло ощущение какой-то пустоты в груди, и я вспомнил, что надо еще обыскать комнату немца.

Фогели были на пляже вместе с французами, Скелтоны поплыли в море. Я подошел к Дюкло, поставил себе шезлонг и сел. Пару минут мы говорили о каких-то пустяках, а потом я перешел к делу.

— Вы человек опытный, мсье. Мне хотелось бы посоветоваться по одному очень деликатному вопросу.

На его лице появилось блаженное выражение. Он со значительным видом погладил бороду.

— Весь мой опыт к вашим услугам, мсье.— Он бросил на меня озорной взгляд.— Вам нужен совет по какому-то вопросу, связанному с этой юной американкой?

— Не понимаю.

Он негромко, довольно засмеялся.

— Не волнуйтесь, друг мой. Не сердитесь, но все мы заметили, какими глазами вы смотрите на нее. Однако она неразлучна с братом, а? Поверьте, мсье, я в таких вещах разбираюсь.— Он понизил голос и наклонился ко мне.— Я заметил, что мисс Скелтон тоже часто поглядывает на вас.— Теперь он говорил уже почти шепотом.— Особенно, когда вы появляетесь в шортах.— Мсье Дюкло снова тихонько засмеялся сквозь свою бороду.

Я холодно посмотрел на него.

— То, что я хочу сказать, не имеет никакого отношения к мисс Скелтон.

— Нет? — В голосе слышалось явное разочарование.— Жаль,— пробормотал он.

— В настоящий момент меня больше беспокоит тот факт, что из моей комнаты украли несколько ценных вещей.

Старик взволновался так, что уронил очки. Поймав их на лету и опять вернув на место, он переспросил:

— Кража?

— Вот именно. Сегодня утром, пока я был в поселке, кто-то взломал замки моего чемодана и украл портсигар, золотую цепочку, булавку с бриллиантом и две катушки фото пленки.

— Formidable.

— Я очень расстроен. Булавка была дорога мне как память.

— C'est appreux!

— Это просто скандал. Я пожаловался Кехе, и он допрашивает сейчас слуг. Однако — и именно поэтому я хочу посоветоваться с вами — мне не нравится, как Кехе взялся за дело. Кажется, он не осознает серьезности случившегося. Может быть, имеет смысл обратиться в полицию?

В полицию? — мсье Дюкло не мог усидеть на месте от переполнявшего его возбуждения. — Разумеется! Ясно, что этим должна заняться полиция. Если хотите, я сам пойду в комиссариат.

— Кехе, однако, — быстро перебил я, — счел, что лучше не обращаться к властям. Быть может, стоит подождать, пока станет известно, чего он добился, допрашивая слуг.

— Да! Возможно это и лучше. — Ему, тем не менее явно не хотелось отказаться от мысли о полиции. — Но...

— Благодарю вас, мсье, — успел я перебить его. — Очень благодарен вам за совет, укрепивший меня в первоначальном решении. — Я заметил, что взгляд его направился в сторону Фогелей и французской парочки. — Естественно, вы понимаете, что я рассказал вам обо всем этом по секрету. При существующем положении вещей приходится соблюдать крайнюю осторожность.

Он торжественно кивнул.

— Разумеется, мсье. Весь мой опыт делового человека в вашем распоряжении. Можете полностью положиться на меня. — Старик сделал паузу, а потом схватил рукав моего халата. — У вас есть какие-нибудь подозрения?

— Никаких. Подозревать без доказательств — вещь опасная.

— Это верно, но... — Он понизил голос и снова заговорил мне прямо в ухо: — Вы приняли во внимание этого майора-англичанина? Человек, способный на все. Чем этот субъект зарабатывает себе на жизнь? Ничем. А здесь он уже целых три месяца. И я скажу вам еще кое-что. Сегодня утром после завтрака, когда я сидел на террасе, он подошел ко мне и попросил взаймы две тысячи франков. Ему отчаянно нужны деньги. Предложил платить пять процентов месячных.

— Вы отказали?

— Немедленно. Меня это просто вывело из себя. Он сказал, что деньги необходимы ему, чтобы уехать в Алжир. Чего ради я должен платить за его вояжи? Пусть работает, как все. Он что-то еще рассказывал о своей жене, но я ничего не понял. Майор очень плохо говорит по-французски и, безусловно, не совсем нормален.

— Вы полагаете, что кража — дело его рук?

Мсье Дюкло многозначительно усмехнулся и, будто протестуя, поднял руку.

— О нет, мсье, ничего подобного я не утверждаю! Это было бы инсинуацией. — Он говорил с таким видом, будто объяснял какой-то тонкий юридический казус. — Я лишь напомнил, что у этого человека нет определенных занятий,

что ему нужны деньги и что он находится в отчаянном положении. Не будь этого, он не предложил бы платить пяти процентов. Сказал, будто рассчитывал на деньги, но до сих пор их не получил. Я не обвиняю майора, но советую вам принять во внимание его обстоятельства.

Я увидел, что американцы выходят из воды, и поднялся.

— Благодарю, мсье, я не забуду о том, что вы сказали. А пока, чем меньше об этом будет разговоров, тем лучше. Быть может, попозже мы еще раз обсудим случившееся.

— Когда будем знать результаты предварительного следствия.

— Вот именно.

Я с поклоном отошел.

Шагая по пляжу, увидел, что Дюкло оживленно беседует с Фогелями. Угадать тему разговора не составляло труда. Мсье Дюкло в точности сделает то, что поручил мне Беген, в этом я не сомневался.

Хотя в каждой комнате висело объявление, запрещающее брать гостиничные полотенца на пляж, Скелтон сейчас вытирался именно таким полотенцем.

— О! — приветствовал он меня. — Привет полиглоту!

Его сестра подвинулась, освобождая и мне место под зонтиком.

— Садитесь, мистер Вадаши. Хватит уж секретничать с Кехе. Мы хотим знать правду... всю правду.

Я сел.

— Прошу прощения за то, что мне пришлось вот так сбегать, но случилась очень неприятная вещь.

— Как? Опять?

— Боюсь, что да. Сегодня утром, когда я был в поселке, у меня взломали чемодан и кое-что украли.

Скелтон опустился рядом со мной, словно у него подогнулись ноги.

— Слушайте, это же действительно неприятно. Что-нибудь ценное?

Я снова повторил весь список.

— Когда, вы говорите, это случилось? — поинтересовался молодой человек.

— Пока я ходил в поселок. Где-то между девятью и половиной одиннадцатого.

— Но я ведь видел вас в половине десятого, когда вы беседовали с майором.

— Да, но из комнаты я ушел в девять.

Скелтон наклонился вперед, словно собираясь что-то сказать мне по секрету.

— Погодите, уж не развлекал ли вас майор разговорами, пока его жена занималась делом?

— Перестань, Уоррен. Это же серьезно. Я уверена, что виноват кто-то из слуг.

Скелтон нетерпеливо вздохнул.

— Почему обязательно так? Всегда одно и то же! Раз что-то украли, вечно обвиняют служанку или еще кого-нибудь беззащитного. А уж если говорить всерьез, так что, собственно, делал сегодня утром в коридоре этот швейцарец?

— Но он же был совсем не в той части дома, где живет мистер Вадаши. Какой у вас номер комнаты?

— Шестой.

Девушка начала натирать руки кремом от загара.

— Видишь? А он был в другой стороне — за две двери от нас, перед той комнатой, которую занимает друг мсье Кехе.

Набрав пригоршню песка, я глядел, как он просыпается между пальцами.

— А у него какой номер? — я постарался задать вопрос как можно небрежнее.

— Четырнадцатый, кажется. Да швейцарец и не делал там ничего плохого, просто уронил в коридоре пятифранковую монету.

— А что, мистер Вадаши, думает обо всем этом Кехе?

— Боюсь, что подозревает слуг.

— Естественно, — твердо проговорила Мери Скелтон. — Уоррен слишком склонен к романтическим решениям. Будто уж кражи обязательно совершают богатые старики, страдающие kleptomанией! Скорее всего у какой-нибудь служаночки нет денег, а хочется подарить портсигар дружку в поселке.

— И цепочку, и булавку с бриллиантом, и пару катушек пленки тоже? — саркастически полюбопытствовал ее брат.

— Ну, может быть, это официант, оказавшийся на мели.

— Или старина Дюкло, или майор. Кстати, что вы нам расскажете о майоре, мистер Вадаши?

Я решил не посвящать их в историю жизни англичанина.

— Хотел только извиниться за вчерашнее. Человек с яхты — его шурин. Когда-то они поссорились из-за денежных дел. Тот снова упомянул старую историю, и майор вышел из себя. Он объяснил мне, что жена его очень разнервничалась и поэтому не слишком выбирала выражения.

— И все? А почему он решил рассказать вам обо всем этом?

— По-моему, майор очень расстроен случившимся. Мне он доверился, видимо, потому, что тогда на пляже меня не

было. — Я не стал упоминать о том, что с кратким извинением и той же просьбой о деньгах майор обратился и к Дюкло. — В любом случае, они собираются уезжать и...

— Короче говоря, Уоррен, — перебила меня девушка, — нам следует заниматься своими делами, а не вести себя как пара любопытных несмышленишек. Верно, мистер Вадаши?

Так-то оно так, но я, конечно, с возмущенным видом запротестовал.

Уоррен Скелтон перебил меня:

— Надо выпить! Пойдемте, мистер Вадаши. Сегодня наша очередь ставить. Купаться все равно поздно: уже почти обеденное время.

Он отправился за выпивкой, а мы с Мери пошли к столам на нижней террасе.

— Не обращайтесь внимания на болтовню Уоррена, — посоветовала она с улыбкой. — Он еще мальчишка. Только что закончил университет и первый раз за границей.

— А вы уже бывали здесь?

Секунду девушка молчала, я даже подумал, что она меня не расслышала. Казалось, Мери колеблется, не решаясь сказать что-то важное. Потом пожала плечами.

— Нет, тоже не бывала.

Когда мы сели за столик, она снова улыбнулась мне:

— Уоррен утверждает, что в вас есть нечто таинственное.

— Правда?

— Да, он говорит, что вы кажетесь человеком, скрывающим какую-то тайну. К тому же, по его мнению, естественно, когда кто-то владеет в совершенстве более, чем одним языком. По-моему, он втайне питает надежду, что вы окажетесь шпионом или еще кем-то, не менее волнующим.

Я почувствовал, что мое лицо залила краска.

— Шпионом?

— Я же предупредила, что нельзя принимать всерьез то, что говорит мой брат.

Она улыбнулась еще раз. Ее умные, веселые глаза не отрывались от моих. Внезапно я почувствовал желание довериться ей, сказать, что у меня и впрямь есть своя тайна, что мне очень нужны ее понимание и помощь. Я наклонился.

— Мне хотелось бы... — начал я, но так и не кончил, потому что в этот момент появился ее брат с подносом, нагруженным бутылками и стаканами. Оно, конечно, и к лучшему, что он возник рядом с нами так вовремя.

— Все официанты заняты, — сообщил Уоррен, — вот и пришлось самому тащить поднос. — Он поднял свой стакан. — Ну, мистер Вадаши, выпьем за то, чтобы дружку слушанки не понравился ваш портсигар!

— Нет, — добавила серьезно его сестра, — две катушки пленки. Не надо забывать о пленке.

Глава двенадцатая

УЛЬТИМАТУМ

Обедал я без всякого аппетита. Во-первых, снова начала болеть голова, а во-вторых, вместе с супом я получил записку от Кехе. Хозяин гостиницы был бы крайне благодарен мсье Вадаши, если бы тот смог уделить ему несколько минут после обеда. Да, мсье Вадаши пойдет, конечно, но перспектива предстоящего разговора беспокоила меня. Что, если Кехе тоже вообразил, что во всем виновата какая-нибудь несчастная горничная? Как мне быть тогда? Болван Беген не дал на этот случай никаких инструкций. Ясно, что бедная девушка отвергнет обвинения. Но я-то что должен говорить? Позволить, чтобы Кехе обвинил ни в чем не повинного человека в краже, которая тому и не снилась? Ситуация начинала становиться невыносимой.

Впрочем, из-за этого волноваться не стоило. Горничным как раз ничто не грозило.

Когда я уходил с террасы, меня перехватил мсье Дюкло.

— Ну как, решились вызвать полицию?

— Пока нет. Иду поговорить с Кехе.

Старик с меланхолическим видом погладил бороду.

— Я все время размышлял об этом. Каждый час промедления идет на пользу вору.

— Это так, но...

— Как человек деловой, я советую вам действовать без промедлений. Будьте потверже с хозяином, мсье.

Произнося эти слова, он выставил вперед голову, и на его лице появилось жесткое выражение.

— Как можно тверже. А сейчас, мсье, я...

Он не успел еще отойти, как подошли Фогели, выражая сочувствие в связи с постигшей меня бедой. Мсье Дюкло и глазом не моргнул перед этим живым свидетельством своей болтливости.

— Мы с мсье Фогелем, — заявил он, — считаем, что следовало бы связаться с комиссаром полиции.

— Пять тысяч франков — значительная сумма, — признал Фогель, медленно покачивая головой. — Я не сомневаюсь, что самое разумное вызвать полицию. Мсье Ру думает так же. Следует учесть и интересы других гостей. Мадмуазель Мартен — она ведь и без того женщина нервная — боится за свои драгоценности. Мсье Ру успокоил ее, но мне сказал, что если вора в ближайшее время не обнаружат, они вынуждены будут уехать. Кехе следовало бы взяться за дело посерьезнее. Пять тысяч франков, — повторил он сообщенную ему Дюкло версию моих утрат, — большие деньги.

— Вне всяких сомнений! — кивнула фрау Фогель.

— Вот видите! — с триумфом проговорил Дюкло. — Нужно обратиться за помощью к полиции.

— А вот, что касается ваших подозрений, герр Вадаши, — прошептал Фогель, — мы считаем, что пока не стоит сообщать о них властям.

— Мои подозрения? — воскликнул я, бросая взгляд на Дюкло. На сей раз старик, кажется, немного смутился, отвел глаза и начал преувеличенно заботливо протирать очки.

Герр Фогель снисходительно улыбнулся.

— Я вполне вас понимаю. Лучше не говорить ничего, что могло бы быть воспринято как намек на... — он быстро огляделся вокруг и понизил голос, — ... на одно лицо английского происхождения. — Он подмигнул мне. — В таких делах надо соблюдать осторожность, не так ли?

— Конечно, конечно! — весело подхватила фрау Фогель.

Я пробормотал сквозь зубы, что у меня и в помине не было никаких подозрений, и ушел. Выбор Дюкло в качестве агента по рекламе оказался не слишком удачным.

Кехе ждал меня у себя в конторе.

— О мсье Вадаши! Проходите, пожалуйста. Закройте только дверь. Может быть, сядете? Что ж, не будем тратить зря время.

Я продолжал играть свою роль.

— Надеюсь, что вы можете сообщить мне что-нибудь утешительное, мсье. Такая неопределенность просто невыносима.

Он бросил на меня серьезный взгляд.

— Должен, сказать, что мое расследование, к сожалению, не дало никаких результатов.

Я нахмурился.

— Это плохо, черт возьми.

— Очень плохо, что верно, то верно. — Взглянув на лежавший перед ним листок, хозяин пару раз стукнул по нему указательным пальцем и снова взглянул на меня. — Я допросил

весь персонал гостиницы, включая официантов и садовника, в надежде, что хоть кто-нибудь из них сможет что-то сообщить. — Он помолчал и спокойно добавил: — Честно говоря, мсье, на мой взгляд, все они совершенно искренне утверждают, что понятия не имеют ни о какой краже.

— Вы хотите сказать, что кража — дело рук одного из гостей?

Несколько мгновений он молчал. По какой-то необъяснимой причине меня охватило беспокойство. Потом Кеке медленно покачал головой:

— Нет, мсье, я не хочу этого сказать.

— Значит, кто-то извне?

— Тоже нет.

— Тогда..?

Он наклонился ко мне.

— Я пришел к выводу, что этим делом следует заняться полиции.

Стало понятно, в какой западне я очутился. Беген ведь предупредил, что ни в коем случае не нужно обращаться к властям.

— Но, — запростестовал я, — мне казалось, что для вас это было бы нежелательно. Подумайте о возможном скандале.

Хозяин крепко сжал губы. Передо мной был новый Кеке, совершенно не похожий на спокойного, веселого человека, которого я знал раньше. Внезапно атмосфера комнаты как будто насытилась электричеством.

— К сожалению, — проговорил он резко, — вред уже причинен. Мало того, что гости знают об этой истории и непрерывно обсуждают ее, они начинают рассматривать друг друга как потенциальных преступников.

— Мне очень жаль, что это так. Я...

Он не обратил внимания на мои слова.

— Я просил вас, мсье, хранить молчание до тех пор, пока я не проведу до конца свое расследование. Вижу, однако, что вы вместо этого начали рассказывать о краже направо и налево.

— Я лишь посоветовался с мсье Дюкло о том, следует или нет сообщить об этой истории властям. Очень сожалею, что тот оказался так невоздержан на язык.

Я заметил насмешливые нотки в голосе хозяина, когда он спросил:

— Можно полюбопытствовать, что вам посоветовал мсье Дюкло.

— Он порекомендовал обратиться в полицию, но, учитывая ваши...

— Что ж, мсье, не имею ничего против.— Он протянул руку к телефону.— Я немедленно свяжусь с полицией.

— Одну минутку, мсье Кехе! — Его рука остановилась в воздухе.— Я лишь повторил совет, полученный от мсье Дюкло, а сам не вижу необходимости вызывать полицию.

К моему облегчению, он убрал руку от телефона. Потом медленно повернулся и посмотрел мне прямо в глаза.

— Так я и думал,— проговорил он многозначительно.

— Уверен,— сказал я как можно более дружелюбно,— что вы лучше справитесь с этим делом, чем власти. Не надо никаких скандалов. Если мне вернут украденные вещи... отлично. Если нет... Я наберусь терпения. В любом случае от вмешательства полиции было бы больше неприятностей, чем пользы.

— Не спорю, мсье.— На этот раз в его голосе, несомненно, звучала насмешка.— Я и не сомневался, что вмешательство полиции было бы для вас крайне неприятно.

— Не понимаю.

— Ну? — На его губах появилась злая ухмылка.— Я веду гостиницу много лет, мсье, и надеюсь, что вы не сочтете за грубость, если скажу, что уже встречался с ловкими господами, вроде нас. Я научился быть осторожным. Рассказывая в первый раз о «краже», вы утверждали, что у вас пропал портсигар. Позже, когда я заговорил о золотом портсигаре, вы растерялись и вышли из затруднительного положения, заявив, что он был и серебряный и золотой одновременно. Слишком уж изобретательно, друг мой. Войдя в вашу комнату, я обратил внимание на половину ножниц, валяющуюся на полу, недалеко от чемодана. Вторая половинка лежала на кровати. Вы дважды взглянули на них, но не обмолвились и словом. Почему? Ясно ведь, что ими воспользовались, чтобы взломать замки чемодана. Важная улика, но вас она не заинтересовала. Вы не увидели в ней ничего особенного, потому что и так знали, как взломаны замки. Вы сами взломали их.

— Это смешно! Я...

— Кроме того, вы были искренне озабочены, когда я упомянул фотоаппарат. Увидев его на стуле, вы неподдельно обрадовались. Несомненно, в тот момент вы испугались, что его действительно украли.

— Я...

— Еще одну ошибку вы допустили, оценивая портсигар. Такая вещь какую вы мне описали, должна стоить, как минимум, полторы тысячи. Правда, по вашим словам, это был

подарок, но даже в таком случае вряд ли вы оценили бы его вдвое дешевле, чем он стоит. Люди, у которых что-то пропало, обычно склонны к другой крайности.

— Я никогда в жизни...

— Единственное, что меня интересует, это мотивы вашего поведения. Как правило, пострадавший гость угрожает сообщить в полицию, разве что ему предложат достаточную компенсацию. Хорошо известно, что гостиницы застрахованы на случай краж. Вы, однако, либо новичок в своей профессии, либо руководствуетесь какими-то непонятными мне мотивами, потому что начали немедленно рассказывать о происшедшем другим гостям. Может быть, вы будете так добры рассказать мне об истинных причинах вашего поведения?

Я вскочил на ноги. В большинстве случаев, когда человека в чем-то несправедливо обвиняют, он чувствует себя только ошеломленным. Но быть пойманным, когда ты действительно виноват, просто невыносимо. Мной овладело бешенство.

— Ваше обвинение, мсье, чудовищно. Меня еще никогда так не оскорбляли, — пробормотал я, запинаясь от гнева. — Я... я...

— Сообщите в полицию? — дружелюбно спросил Кехе. — Вот телефон. Или, быть может, вы не желаете обращаться к властям?

Я постарался сохранить максимум достоинства.

— Не имею ни малейшего желания продолжать этот фарс.

— Благоразумно с вашей стороны. — Он откинулся на спинку стула. — Я начал подозревать неладное еще после того долгого разговора, который был у вас с представителями властей в четверг. Французская полиция обычно не обыскивает чье-то жилье, если у нее нет серьезных подозрений. Паспорт был не очень убедительным оправданием. Я понимаю ваше желание избежать новой встречи с комиссаром. Помимо того, вполне согласен с вами, что нет смысла затягивать эту комедию. Я приготовил вам счет. Только, пожалуйста, не рассматривайте мое поведение как акт милосердия. Я лично с удовольствием передал бы вас полиции или, по крайней мере, потребовал убраться отсюда в течение часа. Однако моя супруга считает, что любое из этих решений вызвало бы новые разговоры среди гостей. Она намного практичней меня, и я согласился с нею. Вы уедете из «Резерва» завтра, пораньше с утра. Узнает или нет обо всем полиция, зависит от того, как вы будете себя здесь вести в оставшееся время. Вам придется сообщить остальным гостям, что жалоба была

совершенно необоснованной, что вы просто забыли, куда спрятали свои вещи, и что вы сами нечаянно сломали замки чемодана, пытаясь открыть его не тем ключом. Не сомневаюсь, что вам удастся всему найти убедительное объяснение. Вы поняли меня?

Я собрал все, что у меня еще оставалось от гордости.

— Отлично вас понял, мсье. В любом случае я не собирался оставаться здесь после ваших фантастических обвинений.

— Отлично! Вот счет.

Я нарочито внимательно просмотрел его, пытаясь найти какую-нибудь ошибку. Наивность, очень характерная для моего состояния души в тот момент. Кехе молча ждал. Ошибки, конечно, никакой не было. Деньги за то, чтобы заплатить за гостиницу, я заранее приготовил и положил в бумажник, и Кехе взял их так, словно не ожидал, что ему заплатят сполна.

— Благодарю вас, мсье. Вряд ли можно надеяться, что я еще раз увижу вас в «Резерве».

— Полагаю, что когда-нибудь вы поймете свою ошибку, — я поклонился и вышел из конторы.

Когда я вернулся к себе в комнату, то дрожал с головы до ног. В довершение всего, из нее убрали полотенца, вазу для фруктов и вообще все мелкие предметы, принадлежавшие гостинице, за исключением постельного белья. Я выпил немного воды прямо из-под крана, закурил и сел у окна.

Сначала подумал, что следовало бы нагрубить Кехе, чтобы стереть с его лица насмешливое выражение. Через минуту, однако, я немного успокоился. Во всем виноват Беген, а не я. Он обязан был сообразить, что такой ребяческий план обречен на провал. Верно, конечно, что прямой причиной неудачи была моя растерянность и несообразительность, но я не привык играть роль шута. Меня снова охватила волна гнева. Какое право имеет Беген ставить человека в такое унижительное положение? Он не посмел бы пойти на это, имей я, как любой нормальный гражданин, консула, охраняющего мои права. Какой смысл был в придуманном им проекте? Или мое разоблачение входило в его намерения? Может, я что-то вроде морской свинки, которую Беген использует для какого-то безумного эксперимента? Все возможно. И какая, в конце концов, разница? Главное то, что, если не вмешается Беген, утром меня уже не будет в «Резерве». А что потом? Вне всякого сомнения, камера в комиссариате. Может быть, надо сейчас же позвонить Бегену и объяснить ему, что произошло...

Но в тот же момент, когда мне пришла в голову эта мысль, я понял, что ничего не смогу осуществить. Правду говоря, я боялся упреков в том, что Кехе сумел разоблачить меня. Еще страшнее была перспектива, что меня отведут в комиссариат и снова запрут в той ужасной камере.

Я посмотрел в окно. Море было похоже на огромную пластину из голубого стекла, выставленную на солнце. В море царил мир, в его прохладных глубинах не было ни страха, ни сомнений, ни неуверенности. Можно спуститься на пляж, войти в воду и поплыть. Плыть до тех пор, пока возврат станет невозможным. Движения будут все более медленными и усталыми, я начну тонуть. Уже захлебываясь, сделаю несколько судорожных движений, цепляясь за жизнь — жизнь любой ценой, — но будет поздно. Минута мучений, затем забытье. А что потом? *Жозеф Вадасси* (фамилию, естественно, перевернут), югославский подданный, утонул вчера, купаясь на пляже у Сен-Гатъена. Попытки спасти его результатов не дали. Не удалось даже найти его тело.

Больше ничего? Да, это будет все. Труп так и сгинет в воде.

Сигарета погасла. Я выкинул ее в окно, подошел к зеркалу в дверце шкафа и посмотрел на свое отражение.

«Совсем сдаешь, — пробормотал я. — Надо взять себя в руки. Сначала думаешь о самоубийстве, а теперь вот разговариваешь сам с собою вслух. Кончай, кончай! И нечего так жалобно глядеть на свою грудь — ты не собираешься участвовать в соревнованиях по штанге. Мускулы тебе ничем не помогут. Чего тебе не хватает, так это немного мозгов. И, ради бога, пойми, что сейчас три часа дня! Прежде, чем наступит ночь, ты должен найти человека с фотокамерой Контактс. Не так уж это и трудно, верно? Надо только заглянуть в комнату каждого из гостей. Начни с Шимлера — тут вероятность наибольшая. Он живет под чужой фамилией, постоянно озабочен и ведет какие-то переговоры с хозяином. Следует учитывать, что замешан может быть и Кехе. Возможно, именно поэтому он и стремится избавиться от тебя, не вызывая полиции. Не исключено, правда? Пока ты еще не побежден, но надо быть осторожнее и не терять здравого смысла. Раз тебя уже застали врасплох — больше это не должно повториться. Если преступник — Шимлер, перехитрить его будет непросто. Он опасен, не забывай удара, от которого у тебя до сих пор трещит голова. Номер его комнаты ты уже знаешь. Четырнадцать — это по другую сторону здания. Проверь только сначала, где этот человек. Ты должен быть осторожен! А теперь за дело!».

Я отвернулся от зеркала. Да, надо действовать. Вначале проверю, где находится Шимлер. Обычно он сидит в стороне от всех на террасе. Туда я и пойду прежде всего.

Никого не встретив, я вошел в салон и на цыпочках приблизился к окну. Да, он сидел там, как обычно, с трубкой во рту, наклонив голову над книгой. Минуту я наблюдал за ним. Какая великолепная голова! Я снова было подумал, что такой человек не может быть шпионом, но на этот раз не поддался слабости. За работу! Надо полагать, ни один шпион не похож на шпиона... пока его не разоблачат. В конце концов выбирать мне не приходится. Ясно, что Шимлер — подозрительная личность. Значит, за дело!

Я снова поднялся наверх и у дверей своей комнаты остановился. Нужно взять что-нибудь? Оружие? Чуть, мне надо лишь осторожно осмотреть его номер! Я пошел по коридору. Сердце колотилось как бешеное. Внезапно меня снова охватил страх. А что, если я встречу с кем-нибудь? Со Скелтонами или с Фогелями? Как я объясню, почему очутился здесь? Что мне тогда делать? В этот момент я прошел мимо двери с надписью: «Душ». Если понадобится, можно будет войти туда и притвориться, что хочу выкупаться. Однако я никого не встретил и через минуту уже стоял перед дверью четырнадцатого номера.

Не так-то просто преодолеть расстояние, отделяющее мысль от действия. Легко планировать обыск чужой комнаты: стоя перед зеркалом не чувствуешь укоров совести, но, когда переходишь к делу, начинаются трудности. Должно быть, мы гораздо более цивилизованны, чем нам это кажется. Человека останавливает не просто страх быть пойманным. Почти невозможно преодолеть внутреннее уважение к чужой собственности. Перед вами дверь и за нею — часть жизни другого человека. Отворить дверь — означает совершить такой же непростительный поступок, как подсматривать за парочкой влюбленных.

Несколько секунд я стоял, стараясь побороть упреки совести и уговаривая себя, что все это мелочи. Быть может, Мери Скелтон ошиблась, и Шимлер вообще здесь не живет. К тому же мы совсем недавно встали из-за стола; надо бы дать ему побольше времени. Да и все это бесполезно: Шимлер наверняка спрятал фотоаппарат. Возможно, дверь заперта, и кто-то появится как раз, когда я поверну дверную ручку. Возможно...

Есть лишь одно средство избежать опасности. Я не буду пытаться войти тайком. Если в комнате кто-то есть или если меня увидят, я скажу, что просто ошибся. Мистер Скелтон

просил меня зайти за ним, когда я пойду купаться. Это не его комната? Прошу прощения! И я уйду. Так я буду действовать, если встречу с кем-нибудь, кроме Скелтонов. Чем дальше буду стоять перед дверью, тем больше опасность, что меня увидят. Глубоко вздохнув, я осторожно постучал и повернул ручку. Дверь не заперта. На мгновение я остановился на пороге. В помещении никого не было. Подожав еще секунду, я вошел и затворил за собою дверь.

Огляделся вокруг. Комната чуть поменьше моей, и как раз под окном крыша того крыла дома, где находятся кухни гостиницы. Группа кипарисов неподалеку от окна закрывала свет, и потому было сумеречно. Стараясь держаться в глубине комнаты, я начал искать чемодан Шимлера. Убедиться, что в комнате его нет, было нетрудно. Возможно, немец переложил свои вещи в ящики комода и сдал чемодан в депозит. Я начал открывать ящики. За исключением двух верхних, все остальные были пусты. В самом верхнем ящике лежали довольно старая белая рубашка, серый галстук, гребешок, пара носков с дырами на пятках, несколько штук тоже довольно поношенного нижнего белья, пакетик мыла и пачка французского табака. Фотоаппарата не было. Я взглянул на этикетку галстука: на ней прочитал название какой-то берлинской фирмы. Белье было чешским, рубашка — французской. Я подошел к умывальнику. Бритва, крем для бритья, зубная щетка и паста тоже французские. Я вернулся к шкафу.

Он был узким и глубоким, с рядом плечиков, подвешенных к металлической перекладине, и местом для обуви. Здесь висели только один костюм и черный дождевик. Больше ничего. Костюм был темно-серым, сильно потертым на локтях. На поле плаща виднелась треугольная дыра.

Вместе с содержимым комода все это составило весь гардероб «герра Хайнбергера». Очень странно! Если у этого человека достаточно денег, чтобы отдыхать в «Резерве», почему он так плохо одет?

Впрочем, это не мое дело. То, что я ищу, — фотоаппарат. Заглянул под матрац, но только оцарапал руку о торчавшую пружину. Я начал нервничать. Обнаружить то, что я искал, не удалось, а пора уже было уходить. Сначала, однако, следует сделать кое-что еще.

Я вновь подошел к шкафу, снял костюм и обыскал его карманы. Первые два были пусты, но во внутреннем кармане пиджака мои пальцы нащупали что-то вроде продолговатой книжечки, завернутой в бумагу. Я вытащил ее. В сверточке оказались две книжечки — и обе были паспортами: один немецкий, а другой чешский.

Сначала я просмотрел немецкий паспорт. Он был выдан в 1931 году на имя Эмиля Шимлера, журналиста, родившегося в Эссене в 1899 году. Это меня удивило: мне казалось, что Шимлеру гораздо больше сорока лет. Я поискал страницы, на которых отмечаются выезды за границу. Большинство их были пусты. Тем не менее я обнаружил два французских штампа, датированных 1931 годом, и советский, поставленный в 1932 году. В России Шимлер провел два месяца. Кроме этого, была швейцарская печать, поставленная в прошлом декабре, и французская от мая этого года. Я начал изучать чешский паспорт.

Фотография в нем, несомненно, Шимлера, но выдан он был на имя Павла Чиссара, коммивояжера, родившегося в Брно в 1895 году. Дата выдачи — 10 августа 1934 года. В паспорте было множество немецких, чехословацких виз. Судя по этому, герр Чиссар довольно часто путешествовал по маршруту Берлин — Прага. Не без труда мне удалось разобрать последнюю дату. Двадцатое января этого года, то есть восемь месяцев назад.

Я был так поглощен своими открытиями, что не слышал шагов, пока они не затихли у двери. Да если бы и услышал, вряд ли я успел бы сделать больше того, что сделал. Мне едва удалось сунуть паспорта в карман пиджака и повесить костюм в шкаф; когда ручка двери начала поворачиваться.

В следующие несколько секунд мое тело и мозг словно окаменели. Я стоял, тупо глядя на дверь. Хотелось закричать, или броситься в окно, или спрятаться под кровать, но ничего подобного я не сделал, я просто стоял с разинутым ртом, глядя на дверь.

Наконец она отворилась, и в комнату вошел Шимлер.

Глава тринадцатая

ГЕРР ШИМЛЕР

Какую-то долю секунды он не видел меня.

Переступив порог, хозяин комнаты швырнул на кровать книгу, которая была у него в руках, и направился к комоду.

Наши взгляды встретились. Я видел, как он вздрогнул от неожиданности, потом очень медленно подошел все-таки к комоду, вытащил пачку табаку и начал набивать трубку.

Молчание становилось невыносимым. Что-то давило мне грудь, мешая дышать, кровь стучала в висках. Как замороженный, я смотрел на его пальцы, уминавшие табак.

Когда он, наконец, заговорил, голос его был абсолютно спокойным, почти безразличным.

— Боюсь, что в этой комнате ничего ценного вы не найдете.

— Я не...— начал я дрожащим голосом, но он жестом заставил меня замолчать.

— Не стоит. Уверю, что отлично понимаю вас. Людям вашей профессии часто приходится идти на риск, и, конечно, очень неприятно обнаружить, что рисковали зря. Особенно, — добавил он, поднося огонь к трубке, — когда рискуешь отправиться в тюрьму. — Он глубоко затянулся. — Ну как, предпочитаете побеседовать с нашим хозяином здесь или в его конторе?

— Вообще мне не о чем с ним беседовать. Я тут ничего не взял.

— Знаю. Здесь и брать-то нечего. Должен, однако, напомнить вам, что вы находитесь в моей комнате и что никто вас сюда не приглашал.

Ко мне понемногу возвращалось спокойствие.

— Правду говоря...— начал я, но Шимлер опять меня перебил.

— Этих слов я и ожидал. Знаю по опыту, что человек, начинающий с них, почти всегда собирается солгать. Ну, давайте, давайте. Что вы хотели мне сказать?

Я покраснел до корней волос.

— Дело в том, что у меня из чемодана пропало несколько ценных вещей. Я заподозрил, что их взяли вы. Поскольку мсье Кехе отнесся к делу несерьезно, я решил провести расследование своими силами.

Шимлер холодно усмехнулся.

— А, понимаю! Лучшая защита — нападение. Я угрозил вам, а вы в ответ обвиняете меня. Только, на вашу беду, я уже беседовал с герром Кехе об этом деле. — Он сделал многозначительную паузу. — Насколько я понял, ваш счет уже закрыт.

— Я уезжаю против своей воли.

— И решили выразить протест, пробравшись тайком ко мне в комнату?

— Можете толковать мой поступок, как вам угодно. Уверю, однако, что вы заблуждаетесь. Я не преступник. Мне остается лишь извиниться за то, что решил было сам стать вершителем правосудия, и удалиться.

Я сделал шаг в сторону двери, но Шимлер загородил путь.

— Опасаюсь, что уладить дело будет не так просто,— проговорил он сурово.— При данных обстоятельствах нам лучше остаться здесь и вызвать герра Кехе.

Он подошел к звонку и нажал на кнопку. У меня подпрыгнуло сердце.

— Я ничего не взял и не причинил никакого вреда. Вам не в чем меня обвинить,— сказал я, повышая голос.

— Дорогой мой герр Вадаши,— ответил он устало,— вы уже известны полиции. Этого достаточно. Если вам нравятся жонглировать словами, дело ваше, но я попрошу вас приберечь свои аргументы для комиссара. Вы пришли сюда, чтобы украсть, и я дам полиции такие показания, какие сочту нужным.

Меня охватило отчаяние. Я лихорадочно искал выхода из западни, в которую попал. Если сейчас вмешается Кехе, я в два счета окажусь в комиссариате. Оставалась одна-единственная карта, и я сыграю ею.

— А кто же,— спросил я резко,— предъявит мне обвинение? Герр Хайнбергер, герр Эмиль Шимлер или господин Павел Чиссар из Брно?

Я, естественно, ожидал реакции с его стороны, но все же не такой. Шимлер медленно повернулся ко мне. Его впалые щеки побелели, а ирония в его взгляде сменилась выражением страшной ненависти. Он шагнул ко мне, и я невольно отступил назад. Шимлер остановился.

— Стало быть, вы не простой гостиничный вор, а?

Он произнес эти слова мягко, почти удивленно, но в голосе его было что-то, от чего у меня прошел мороз по коже.

— Я уже говорил вам, что я не вор,— попытался я ответить как можно нахальнее.

Он снова шагнул ко мне и, схватив за рубашку, притянул к себе так, что мое лицо оказалось в нескольких сантиметрах от его. Я был настолько растерян, что не сопротивлялся. Медленно раскачивая меня взад-вперед, он заговорил.

— Нет, не вор и не честный грабитель, а грязный шпик. И к тому же хитрец.— Он презрительно выпятил губы.— С виду невинный преподаватель иностранных языков с романтической внешностью и грустным взглядом. Давно занимаетесь этим, Вадаши, или как там вас зовут? Сами нанялись или прошли обучение в камерах пыток?

Шимлер тряхнул меня так, что я отлетел к самой стене. Сжав кулаки, он снова шагнул ко мне, когда в дверь постучали.

Мгновение мы молча глядели друг на друга, потом он повернулся, подошел к двери и открыл ее. Там был один из официантов.

— Вы звали, мсье? — услышал я.

Долю секунды Шимлер, кажется, колебался, а потом ответил:

— Прошу прощения. Это была ошибка. Вы можете идти. Он закрыл дверь и, прислонившись к ней, поглядел на меня.

— Вам повезло, друг мой. Я уже много лет не терял так голову. Я собирался убить вас.

Я сделал усилие, чтобы голос мой не дрожал.

— А теперь, когда вы успокоились, постараемся все-таки понять друг друга. Минуту назад вы заметили, что лучшая защита — нападение. Мне кажется, что, называя меня шпионом, вы самым наивным образом попытались применить эту мысль на практике. Разве не так?

Он ничего не ответил. Я уже совсем овладел собой. Все оказалось легче, чем я воображал. Самое главное сейчас — выяснить, что он сделал с фотоаппаратом. Потом я вызову официанта, чтобы тот позвонил Бегену.

— Вы вели бы себя гораздо дружелюбнее, если бы знали, сколько неприятностей мне причинили, — продолжал я. — У меня до сих пор трещит голова от вашего удара. И если вы не испортили тех двух катушек пленки, верните лучше их мне, прежде чем придет полиция. Вы знаете, что мне запрещено возвращаться в Париж, пока дело не выяснится? Но теперь, когда все стало на свои места, надеюсь, вы будете вести себя разумно. Кстати, что вы сделали с камерой?

Шимлер глядел на меня, нахмурившись, с выражением сомнения на лице.

— Если это какая-то ловушка... — начал он. Потом помолчал и добавил: — Я не понимаю, о чем вы говорите.

Я пожал плечами.

— Вы ведете себя, как идиот. Слыхали когда-нибудь о господине, по имени Беген?

Шимлер покачал головой.

— Думаю, что скоро вы с ним познакомитесь. Это сотрудник Сюрте Женераль из военно-морского отдела. Вам это ни о чем не говорит?

Немец медленно прошел к середине комнаты. Я бросил косой взгляд на кнопку звонка. Одним прыжком можно до нее добраться. Если он сделает еще шаг, я начну действовать. Однако Шимлер остановился.

— Слушайте, Вадаши, подозреваю, что мы говорим о совершенно разных вещах.

— Не думаю, — ответил я, улыбаясь.

— Тогда мне все это непонятно.

Я нетерпеливо вздохнул.

— Какой смысл отпираться? Будьте же разумным человеком. Что вы сделали с фотоаппаратом?

— Это очередная из ваших идиотских штук?

— Нет, и вы очень скоро мне поверите. — Ощущение, что я делаю что-то не так, начало раздражать меня. — Я собираюсь вызвать сейчас полицию. Надеюсь, вы не возражаете?

— Против полиции? Ничуть. Вызывайте, если хотите.

Быть может, это была простая бравада, но я почувствовал легкое беспокойство. Без фотоаппарата против него не было ровно никаких улик. Решив переменить тактику, я несколько мгновений пристально смотрел на него, а потом на моих губах появилась растерянная улыбка.

— Знаете что? — сказал я немного смущенно. — Кажется мною допущена довольно глупая ошибка.

Он пристально поглядел мне в глаза.

— Уверен, что это так.

Я вздохнул.

— Что ж, сожалею, что побеспокоил вас. Глупо с моей стороны. Мсье Дюкло нахохочется вдоволь.

— Кто? — его вопрос прозвучал, как выстрел.

— Мсье Дюкло. Очень приятный старик. Немного болтливый, но вполне симпатичный.

Я видел, что Шимлер с трудом сдерживает себя. Он сделал шаг ко мне, и голос его прозвучал опасно мягко.

— Кто вы и что вам нужно? Вы из полиции?

— Я связан с полицией, — ответил я, довольный своей хитростью. — Имя мое вам известно, а нужно мне всего лишь кое о чем узнать. Что вы сделали с фотоаппаратом?

— А если я еще раз повторю вам, что не имею понятия, о чем идет речь?

— Я обращусь к властям с просьбой допросить вас. Кроме этого, — я внимательно следил за ним, — я раскрою то, что вы, судя по всему, так стараетесь скрыть: ваше имя не Хайнбергер.

— Полиции это известно.

— Верю, но я, к сожалению, не питаю ни малейшего доверия к умственным способностям местной полиции. Теперь вы уже поняли, что имеется в виду?

— Честно говоря, нет.

Продолжая улыбаться, я шагнул мимо него к двери. Он схватил меня за руку и повернул к себе.

— Слушайте, идиот, — крикнул он, — даю вам честное слово, что ничего не знаю... — Он умолк и, кажется, принял внезапно какое-то решение. — Садитесь, Вадаши, — добавил он уже спокойно.

— Но...

— Садитесь. Вот сюда.

Я сел.

— Теперь слушайте. Я не знаю, что тут происходит, но ясно, что вы вбили себе в голову какое-то фантастическое представление обо мне. В чем бы оно ни заключалось, тот факт, что мне приходится скрывать свое имя, служит для вас доказательством вашей правоты. Это так?

— Приблизительно.

— Ладно. Причина, по которой я выдаю себя за Хайнбергера, не имеет к вам никакого отношения. Кехе в курсе всего. Полиция знает мое настоящее имя. Тем не менее вы, не имея ни о чем понятия, собираетесь выдать мою тайну, если не получите сведений, которых у меня нет и не было. Так?

— Более или менее. Если у вас, конечно, действительно нет этих сведений.

Он игнорировал мое последнее замечание и присел на край кровати.

— Не знаю, как вы доискались до этого. Наверное, узнали от полиции, а может, увидели паспорта, которые лежат в шкафу. Так или иначе, я не могу допустить, чтобы вы разболтали, кто я. Видите, я вполне откровенен! Я должен помешать вам говорить. Моя единственная надежда добиться этого — попытаться объяснить вам мотивы своего поведения. В них нет ничего из ряда вон выходящего. Не я один в таком положении.

Он сделал паузу, чтобы закурить трубку. Его глаза глядели на меня поверх пламени спички. В них снова появилось ироническое выражение.

— У меня такое впечатление, что вы не склонны верить ни единому моему слову.

— Пожалуй, — ответил я угрюмо.

— Что ж, посмотрим, — сказал он, гася спичку. — Запомните только одно: я доверяюсь вам. Правда, ничего другого мне не остается. Я не могу убедить вас поверить мне.

Он помолчал, как будто ожидая какого-то ответа. На мгновенье моя решимость ослабела, но только на мгновенье.

— Я не доверяю никому, — ответил я сухо.

Шимлер вздохнул.

— Хорошо, раз вы настаиваете... Но это длинная история. Началась она в тридцать третьем году... — Он помолчал и начал свой рассказ. — Я был редактором «Телеграфблатт», берлинской социал-демократической газеты. — Он пожал плечами. — Сейчас она уже не существует. Со мной работало несколько очень толковых журналистов. Неплохая была газета. Принадлежала хозяину лесопильного завода в Восточной Пруссии, очень порядочному человеку, стороннику реформ и восторженному поклоннику английских либералов прошлого века, вроде Годвина или Джона Стюарта Милла. Он надел траур, когда был убит Штреземан. По временам хозяин присылал мне передовицы, посвященные братству людей и необходимости заменить классовую борьбу сотрудничеством, основанным на учении Христа. С коллегами он был очень добр, и боюсь, что лесопилка приносила ему в основном убытки. А потом пришел тридцать третий год.

Беда немецких социал-демократов заключалась в том, что они одной рукой поддерживали то, с чем пытались бороться другою. Они верили в свободу, позволяющую капиталистам эксплуатировать рабочих, и в свободу, позволяющую рабочим организовывать профсоюзы и бороться с капиталистами. Верили в то, что можно построить утопию в рамках Веймарской конституции. Они воображали, что единственным возвышенным принципом политики являются реформы и что можно залатать прогнивший фундамент нашего мира. Хуже всего, что они верили в возможность противопоставить добрую волю силе, считая, что лучший метод борьбы с бешеной собакой — гладить ее. В тридцать третьем году социал-демократическая партия Германии скончалась в страшных муках.

«Телеграфблатт» была одной из газет, которым пришлось сдать первыми. Два раза на редакцию устраивали налеты. Во время второго были подорваны гранатами печатные станки. Мы пережили и это. Нам повезло: нашли человека, согласившегося печатать газету, но через три месяца он отказал нам, так как его навестила полиция. Еще через сутки я получил телеграмму от владельца газеты, в которой он сообщал, что вынужден продать ее ввиду убытков, понесенных его лесопилкой. Купил газету какой-то нацист. На следующую ночь я был арестован у себя на квартире и отправлен в подвалы полиции.

Там меня продержали три месяца. Мне не предъявили никаких обвинений, даже не допрашивали. Сказали только, что мое дело рассматривается. Хуже всего прошел первый месяц:

приходилось привыкать ко всему. Среди полицейских встречались и неплохие люди. Один из них сказал, что бывало почитывал мои статьи. Через три месяца меня перевели в концентрационный лагерь неподалеку от Ганновера.

Он на мгновение умолк, а затем продолжал:

— Думаю, что вы слышали об этих концлагерях. Каждый имеет о них представление, и почти всегда ошибочное. Слушая рассказы узников, можно подумать, что охранники только тем и занимаются, что выбивают заключенным зубы, пинают в живот или ломают пальцы прикладами ружей. Это не так. Во всяком случае, там, где был я, все выглядело иначе. Жестокость наци предельно бесчеловечна — они пытаются души. Если бы вам пришлось увидеть человека после пятнадцати дней одиночки в темном карцере, вы бы поняли, что я имею в виду. Теоретически можно подумать, что условия в концлагере не хуже, чем в обычной тюрьме... Теоретически. Людей заставляют работать: переносить камни из одной кучи в другую, а потом проделывать то же в обратном направлении, и если кто-то остановится, хотя бы для того, чтобы на миг распрямить спину, это нарушение дисциплины, за которое виновного отправляют на неделю в карцер. С заключенных ни на минуту не спускают глаз. Охранников непрерывно сменяют, чтобы они не теряли бдительности. Постоянные маршировки под дулами пулеметов. Пищей была вареная капуста и разные отбросы, и, пока мы ели, пулеметчик все так же не сводил с нас глаз. За то время, что я там находился, двух человек отправили в госпиталь: они уже не могли держаться на ногах. Новички пытались бороться с лагерным режимом, но охранники были готовы к отпору. Их задача состояла в том, чтобы систематически ломать дух бунтовщиков. Для этого использовали и непрерывные придирки, и карцер. Те, кто сопротивлялся, начинали понемногу сходить с ума. Я выработал для себя собственную стратегию: сразу же притворился сломленным, хоть это было и непросто. Понимаете, душа человека отражается в его глазах. Если ваш взгляд перехватят и поймут, что вы все еще человек, а не животное, — все пропало. Надо не поднимать глаз и никогда не смотреть на обращающегося к тебе охранника. Я стал в этом специалистом настолько, что иногда мне становилось страшно, не обманываю ли я самого себя, не сломился ли на самом деле. В этом лагере я пробыл два года.

Его трубка погасла. Он осторожно постучал ею о ладонь, выбивая пепел.

— Однажды меня отвели к коменданту и сказали, что, если я откажусь от немецкого гражданства и дам обещание

навсегда покинуть страну, меня выпустят на свободу. Сначала я подумал, что это западня, рассчитанная на то, чтобы я выдал себя. Дело, однако, было в другом. Даже их знаменитый Народный трибунал не нашел оснований, чтобы осудить меня. Я подписал документ. Я подписал бы все, что угодно, лишь бы вернуться на свободу. Надо было подождать еще три дня, пока придет разрешение на выезд. На это время меня отделили от других заключенных. Теперь я работал не вместе с ними, а наводил чистоту в отхожих местах. Ночью, правда, спал в том же бараке. И вот тогда случилось нечто очень любопытное.

Узникам было запрещено разговаривать между собою, и правило это соблюдалось настолько строго, что человек старался не поднимать глаз не только на охранников, но и на других заключенных. Посмотревшего на своего соседа могли обвинить в попытке заговорить с ним. В результате мы знали товарищей не столько в лицо, сколько по форме плечей и ног. Ясно, что я был ошеломлен, когда ночью заметил, что сосед по нарам старается привлечь мое внимание. Это был человек с посеревшим, тяжелым лицом, лет сорока. В лагере он находился только шесть месяцев и, судя по наказаниям, непрерывно достававшимся ему, был коммунистом. Один из охранников стоял неподалеку от нас, и меня охватил ужас, что к нам могут придраться и не выпустить меня. Я побыстрее завернулся в одеяло и застыл.

Неудивительно, что у заключенных часто бывали кошмары. По временам люди бормотали, а иногда кричали во сне. В таких случаях охранник немедленно выливал на несчастного ведро воды. В лагере я все время спал плохо, а в эту ночь и вовсе не сомкнул глаз. Мне не давала уснуть мысль о том, что завтра я буду свободен. Прошло часа два, и вдруг мой сосед начал что-то бормотать сквозь сон. Охранник приблизился было, но тот уже замолчал. Когда охранник пошел дальше, сосед забормотал снова, теперь яснее, так что я мог разобрать слова. Похоже было, что он вовсе не спит.

Я чуть кашлянул, пошевелился и вздохнул, показывая, что тоже бодрствую. Он вновь забормотал, и я понял, что он сообщает мне адрес в Праге. Сосед успел назвать его только один раз: охранник, видимо что-то заподозрив, подошёл к нам. Мой «собеседник» заворочался и застонал. Охранник пнул его и пригрозил, когда тот притворился проснувшимся, устроить хорошую банку, если он не умолкнет. Больше я уже ничего не слышал. На следующий день было получено разрешение, и меня втолкнули в поезд, шедший в Бельгию.

Не буду описывать, что я чувствовал, оказавшись на свободе. Сначала немного растерялся. Казалось, что плевки и смрад концлагеря прилипли ко мне: как только я засыпал, снилось, что нахожусь снова там. Все же мне удалось взять себя в руки и вновь начать мыслить, как положено человеческому существу... Пару месяцев жил в Париже, сотрудничая в разных газетах, но я плохо знаю французский язык, а отдавать статьи переводчикам слишком дорого. Решил попытаться счастья в Праге. Тогда у меня и в мыслях не было пойти по адресу, который дал мне сосед-заключенный. Правду говоря, я почти забыл его. Меня толкнуло сделать это только кое-что, услышанное от одного немца, с которым я познакомился в Праге. Адрес был явкой подпольной организации немецких коммунистов, ее пропагандистского отдела.

Шимлер говорил все это, глядя в окно. Сейчас он повернулся ко мне.

— Странно, что человек может многие годы верить во что-то, не давая себе труда призадуматься, на чем основана его вера. Нечто подобное было и со мною. Я словно бы жил в темной комнате, веря, что отлично знаю, какого цвета ее стены и потолок. Внезапно кто-то зажег свет, и я убедился, что ошибался и в цвете и в форме комнаты. Всю жизнь я боролся с коммунистами, написал немало статей, обвиняя Маркса и Энгельса в шарлатанстве и утверждая, что Ленин — бандит, хотя и не лишенный гениальности. Диалектический материализм, писал я, — жалкое учение, которое может удовлетворять лишь подростков или псевдоинтеллектуалов. Посвящал я этой теме и серьезные статьи, и пасквилы — и верил в свою правоту, но самое странное, что при этом я не читал ни Маркса, ни Энгельса. У меня было лишь то, что называется «культурной подготовкой европейского интеллигента», напичканного университетскими знаниями. Я не понимал, что нет ничего хуже мертвой философии. Словом, был человеком девятнадцатого века.

Сначала я относился ко всему услышанному очень осторожно, боясь, что страдания ослабили мой ум, мою способность мыслить критически. В группе был еще один социал-демократ, вроде меня. Мы вместе читали «Анти-Дюринга» и бывало ночами напролет обсуждали прочитанное. Я стал понимать себе подобных и увидел историю человечества совсем иначе, чем прежде. Впервые мне начали становиться понятными трагедия человека, его безумие и его гений, его грядущее и путь, по которому он к этому грядущему придет.

Через некоторое время я начал выполнять поручения партии. Главной целью было добиться, чтобы правда продолжала проникать в Германию. Мы выпускали газету и переправляли ее контрабандой через границу. Печаталась она на папиросной бумаге, так что складывалась в комочек, помещавшийся в сжатой ладони. Чтобы доставлять ее в Германию, приходилось изобретать все новые способы, иногда очень хитрые. Одно время мы, завернув газеты в непромокаемую ткань, прятали их в смазку осей поезда Прага — Берлин. После прибытия один из железнодорожников вынимал свертки, но вскоре гестапо захватило его, и надо было придумывать новую систему. Нам пришло в голову попытаться раздобыть для кого-нибудь из наших чешский паспорт. Под видом коммивояжера он должен был бы провозить газеты среди образцов товаров. Я предложил на эту роль себя, и в конце концов нам удалось претворить проект в жизнь.

За тот год я съездил в Германию раз тридцать. Риск был не так велик, приходилось считаться лишь с двумя опасностями. Во-первых, меня могли опознать и выдать, во-вторых, мы опасались, что враги нападут на след того, кто получал от нас литературу, и по нему придут ко мне. Именно это и произошло. Они не арестовали подозреваемого, только установили слежку. Обычно мы встречались в зале ожидания одного из пригородных вокзалов и вместе садились в поезд. Выходя, я оставлял пакетик с газетами на багажной сетке вагона, а мой товарищ потом забирал его. Так мы делали до того дня, когда поезд, едва отойдя от станции, остановился и в вагоны ворвались штурмовики. Мы не были уверены, что ищут именно нас, и, отойдя друг от друга, ждали, что будет дальше. Я видел, как арестовали моего товарища, и ожидал своей очереди. Однако, штурмовики только проверили мой паспорт и продолжали обыскивать поезд. А возвращаясь в Прагу, я заметил, что за мной следят. К счастью, я не пошел на явочную квартиру. Хочу сказать: к счастью для моих товарищей, ибо сам был менее удачлив. Когда гестаповцы поняли, что я не наведу их на след, они решили вернуть меня в Германию и там по-своему убедить дать им сведения, в которых они нуждались. Дело в том, что наша газета начала беспокоить их, а я был единственным, кто мог привести к людям, делавшим ее. Наши в Германии занимались исключительно распространением газеты — гестапо же нужны были те, кто ее создает. Мне пришлось скрыться и бежать из Чехословакии, потому что преследователи сообщили чешской полиции, что я вор, разыскиваемый в Германии, а паспорт на имя Павла Чиссара — фальшивка.

В Швейцарии меня попытались похитить. Я поселился на берегу Констанцкого озера и там подружился с двумя парнями, проводившими отпуск за рыбной ловлей. Однажды молодые люди пригласили меня поехать на рыбалку вместе с ними. Я изрядно скучал и согласился. Только в последний момент, да и то случайно, узнал, кто они. Я немедленно уехал в Цюрих. Уверен, что за мной продолжали следить, но похитить на таком расстоянии от границы не решились. В Швейцарии я пробыл недолго. Вскоре из Праги было доставлено письмо, в котором сообщали, что гестапо уже стало известно мое настоящее имя — Шимлер. Враги, конечно, и до этого выяснили, что Павел Чиссар не чех, а немец и марксист, но теперь, когда узнали мое настоящее имя, им уже незачем было похищать меня, чтобы заставить вернуться в Германию. После этого они дважды чуть не добрались до меня: Швейцария полна агентов гестапо. Я решил попытаться счастья во Франции. Товарищи из Праги направили меня к Кехе, тоже связанному с нашей группой.

Кехе отнесся ко мне с большой добротой. С первой минуты он помогает всем, чем может, но выбраться отсюда невозможно: нет денег, а Кехе не может их занять, потому что у него самого нет гроша за душой. Гостиница принадлежит его жене, и самое большее, в чем удалось ее убедить, это разрешить мне жить здесь бесплатно. Я предложил ей отработать свой долг, но получил отказ. Женщина она ревнивая, и ей хочется, чтобы муж был обязан ей. А уехать мне бы следовало: здесь продолжает грозить опасность. Пару недель назад мы узнали, что гестапо послало во Францию одного из своих агентов. Они, как ищейки, не теряют раз взятый след. У людей, которым приходится непрерывно скрываться, развивается своего рода шестое чувство — чувство опасности. Внешность моя сильно изменилась, и все же мне кажется, что они уже опознали меня. Больше того, я догадываюсь, кто посланный за мною агент. Он не начнет действовать, пока не будет вполне уверен, и моя единственная надежда на спасение — обмануть его. Вы застали меня врасплох, и я решил, что ошибался. Кехе вас принял за мелкого воришку. — Он пожал плечами. — Не знаю, кто вы, Вадаши, но то, что я рассказал вам, — правда. Что вы собираетесь предпринять?

Я посмотрел на него.

— Честно говоря, не знаю. Если бы не одна деталь, я бы поверил вам. Вы не объяснили, почему то, что в гестапо узнали ваше настоящее имя, так ухудшило положение. Если они не имели возможности заставить вас вернуться как Чис-

сара, почему они смогут это сделать, зная, что вас зовут Шимлер?

Он смотрел мне прямо в глаза. Я заметил, что у него дрожат уголки губ, но это был на его лице единственный признак волнения. Голос, когда он заговорил, звучал совершенно бесстрастно.

— Это очень просто,— медленно ответил он.— Моя жена и мой сын до сих пор еще в Германии.

— Видите ли,— продолжал немец,— высылая из страны, мне не разрешили повидаться с семьей. Я два года не получал от родных никаких известий. Когда меня арестовали, жена была у своего отца под Берлином и ожидала ребенка. Я написал ей из Бельгии и из Парижа, мы договорились, что она приедет, как только я устроюсь во Франции или в Англии. Я, однако, очень скоро убедился, что в Париже с трудом смогу заработать даже на свое собственное пропитание. В Лондоне было то же самое. Я и там оставался просто еще одним беженцем из Германии. В Праге мне сказали, что у коммунистов есть возможность тайно пробираться в Германию. Я страстно хотел увидеть жену, поговорить с нею, обнять моего сына. Ради этого я пошел по адресу, который дал мне сосед по концлагерю. Ясно, что никто не стал бы переправлять меня в Германию просто так, но, когда представился случай, я ухватился за него. Во время моих поездок с чешским паспортом я трижды тайно виделся с женою. Она пыталась уговорить меня забрать ее и ребенка в Прагу, но я не согласился. Жилось мне очень трудно, а у отца они, по крайней мере, не знали нужды, и мне казалось, что им лучше пока оставаться там.

Когда гестапо первый раз напало на мой след, я был счастлив, что оказался таким предусмотрительным. Пусть бы и захватили меня — это мало что дало бы! Партия знает, что пытки могут заставить заговорить даже самого преданного человека, и, когда стало ясно, что за мной установлена слежка, явку немедленно сменили. Я не знаю, где она сейчас. Адрес прост: до востребования, Прага. Гестапо, однако,— страшный противник, и я недооценил его возможности. Когда пользоваться чешским паспортом стало опасно, я вернулся к своему старому немецкому документу, который спрятала и передала мне при свидании жена. Должно быть, эта деталь и помогла расшифровать меня.

Когда я понял, что раскрыт, меня охватила паника. Гестапо могло использовать мою семью как заложников. Пришлось бы вернуться, если я не хотел, чтобы в лагере вместо меня очутилась жена. Я все обдумал: до тех пор, пока гестапо не

предъявит мне свой ультиматум, она находится в относительно-безопасности... под наблюдением, разумеется, но в безопасности... У меня остается единственный выход — скрываться, пока я не получу от жены известий. Если она все еще живет у отца, я буду продолжать прятаться, пока нацистам не надоест меня искать, а я не раздобуду другого паспорта, с которым смогу увезти ее из Германии.

Он не отрывал взгляда от погасшей трубки, которую держал в руке.

— Уже четыре месяца я жду вестей от нее. Сам написать не могу, опасаясь цензуры гестапо. Кехе послал ей через друзей в Тулоне письмо, но ответа нет. Мне остается только ждать. Обнаружат меня — придется сдать. Так или иначе, если в ближайшее время я не получу известий о семье, вынужден буду вернуться в Германию. Другого выхода у меня нет.

Мгновение мы оба молчали. Потом он поднял взгляд и слабо улыбнулся.

— Я могу доверять вам, Вадаши?

— Конечно, — ответил я и хотел добавить еще что-нибудь, но не смог. Он кивком поблагодарил меня.

Я встал и направился к двери.

— А как же ваш шпион, друг мой? — пробормотал он, не оборачиваясь.

Чуть поколебавшись, я ответил:

— Буду искать его в другом месте, герр Хайнбергер. Затворяя за собой дверь, я увидел, что он закрыл лицо руками. Я быстро вышел.

В этот момент где-то рядом захлопнулась еще одна дверь. Я не обратил на это внимания: нечего было бояться, что меня увидят выходящим из комнаты герра Хайнбергера. Вернувшись к себе, я вытащил полученный от Бегена список и несколько мгновений смотрел на него. Потом вычеркнул три фамилии: Альберт Кехе, Сюзанна Кехе и Эмиль Шимлер.

Глава четырнадцатая

АГРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА

В половине пятого вечера восемнадцатого августа я сидел за столом с листком бумаги, стараясь довести до конца решение задачи.

Психиатру мое душевное состояние внушило бы, наверное, серьезные опасения, и, вне всякого сомнения, повод для этого у него был бы. В эти минуты я серьезно подозре-

вал, что два и два составили против меня заговор, давая в сумме пять. Полагаю, что я тогда и впрямь был не совсем нормален.

— Я долго не отрывал взгляда от чистого листа. Потом поднял его, чтобы посмотреть на водяной знак. В конечном счете очень медленно и очень старательно я написал следующую фразу:

«Если человеку понадобились три дня, чтобы исключить трех подозреваемых, сколько времени понадобится ему, чтобы исключить еще восемь, считая, что условия останутся теми же?»

Минуту я размышлял над этим вопросом. Потом написал внизу: «Ответ: восемь дней», — и подчеркнул написанное.

Затем я нарисовал виселицу с болтающимся на ней человечком и рядом написал: «шпион». Зачеркнул, пририсовал большой живот и написал: «Беген». Подумав, я перечеркнул живот, добавил несколько штрихов, изображающих буйную шевелюру и круги под глазами, и сделал окончательную надпись: «Вадаши». Потом я предпринял еще не очень удачную попытку изобразить палача.

Восемь дней! А в моем распоряжении меньше восьми часов! Разве что Кехе разрешит мне остаться. Шимлер — его друг, и если он скажет, что я не вор... Только поверит ли Шимлер в мою честность? Может, вернуться к нему и объяснить все? Хотя зачем? Денег у меня почти не осталось. Все равно я не смог бы оставаться в «Резерве», даже если бы никто не возражал против этого. Еще одно обстоятельство, которое Беген не принял во внимание. Беген! Его глупость и бездарность просто феноменальны. Что за идиот! Паяц! Мысленно я проклинал его на всех известных мне языках. Оглядываясь назад, я понимаю, что мое отношение к поведению Бегена было одной из многих ошибок, которые я успел наделать, хотя, пожалуй, самой простительной из них. Откуда мне было знать его намерения? Тогда я только и думал, что этот толстяк — кретин, лишенный малейших проблесков умственных способностей. Любой другой, зная столько, сколько знал я, пришел бы к тому же выводу.

Было уже пять часов, когда я, порвав исчерканный листок, начал новый.

Потом взглянул в окно. Солнце заходило, и море напоминало сверкающую поверхность жидкого металла. Склоны холмов по ту сторону бухты отсвечивали красным. Тени начали надвигаться на пляж.

Я подумал о том, как приятно было бы быть сейчас в Париже. Жара уже спала. Хорошо посидеть в Люксембургском саду, в тени деревьев, где-нибудь возле кукольного театра. Кругом тишина, поблизости разве что пара студентов, читающих свои конспекты. Там можно слышать шорох листьев, которым неведомы страдания охваченного лихорадкой человечества, но не слышна поступь цивилизации, спешащей к ожидающей ее бездне. Там, вдали от этого сверкающего золотом моря и красной, как кровь, земли, можно спокойно созерцать трагедию нашего века, сочувствуя человечеству, борющемуся, чтобы освободиться от грязи, поднимающейся из глубин его собственного подсознания.

Но находился я в Сен-Гатьене, а не в Париже; в «Резерве», а не в Люксембургском саду, и был одним из актеров трагедии, а не ее зрителем. Больше того, если я ничего не придумаю или мне не улыбнется счастье, очень скоро стану всего лишь тенью. Я вернулся к действительности.

Скелтоны, Фогели, Ру и Мартен, Клендон-Хартли и Дюкло... Я растерянно смотрел на список. Скелтоны! Что я знаю о них? Ничего, кроме того, что их родители приезжают на будущей неделе на «Конте ди Савойя». Да, еще то, что они первый раз выехали за границу. Естественно, я могу сразу же исключить их. Тут пришлось призадуматься. Почему «естественно?» Достаточно ли холодно и беспристрастно рассматриваю я факты? Нет. Я не знаю о Скелтонах ничего, кроме того, что они сами мне сказали. Принимая во внимание то же самое, быть может, я слишком поспешил вычеркнуть из списка Шимлера и Кехе. Правда, паспорта, которые я нашел, и подслушанный мною разговор между Шимлером и хозяином подтверждают рассказ немца. Слова Скелтонов, однако, не подтверждены ничем, и их необходимо проверить.

А Фогели? Я склонен был исключить и их. Шпион не может выглядеть таким шутком, как Фогель. Но осторожно проверить надо будет и их.

Ру и Мартен? Исключая тот факт, что Ру говорил по-французски с не совсем обычным акцентом, а она слишком выставляла напоказ свои чувства, ничто не выделяло их из всех остальных. Тем не менее и они не уйдут от проверки.

Клендон-Хартли казались мне заслуживающими большего интереса. О них я знал уже довольно много. Сведения, конечно, неподтвержденные, но интересные. В них выделялась одна наводившая на размышления деталь: майору нужны были деньги. Дважды он просил займы и, если верить Дюкло, должен был получить, но не получил какую-то сумму. Плату

за фотографии? Не исключено. Дюкло уверял, что англичанин в отчаянном положении. Что ж, это тоже существенно. И миссис Клендон-Хартли — итальянка. Все детали отлично сходятся, образуя картину, заслуживающую самого пристального изучения.

Дюкло, однако, не тот свидетель, которому можно безоговорочно доверять. Я-то уж хорошо знаю, до чего богато его воображение. Рассматривать его как подозреваемого, пожалуй, не стоит — это маловероятно. Хотя, с другой стороны, такое же возражение применимо и ко всем остальным. Что мне известно о Дюкло? Только то, что он как будто бы мелкий промышленник, любитель поболтать и сжульничать во время игры. А что мне это дает? Ничего.

Вот тут меня и осенила мысль, показавшаяся совершенно необычайной. Любой, кроме безнадежного болвана, пришел бы к ней давным-давно. Я сделал вывод, что бессмысленно изучать нормальное поведение всех этих людей — нет ведь ничего легче, чем играть роль, когда все принимают ее как должное, — а следует основываться на предположении, что каждый из них обманщик, и стараться заставить их раскрыться. Никакого дружелюбия — я должен подвергать сомнению все, что мне говорится, анализировать каждую деталь. Когда человек сидит в театре, он ведь не предполагает, что, скажем, Джон Браун, играющий роль Калибана, должен по этой причине и в жизни вести себя так же, как персонаж на сцене. До сих пор я выпрашивал сведения — пора прибегнуть к агрессивной политике.

На минуту я задумался. Как конкретно следует действовать? Как на практике осуществлять эту самую агрессивную политику? Бродить вокруг «Резерва», наподобие голодного пса, накидываясь на каждого встречного? Чушь! Нет, я должен любопытствовать, задавать вопросы и, дойдя до границ, поставленных правилами хорошего тона, переступить их. Мне необходимо с самым милым видом без усталости раздражать людей, пока они не выдадут себя. А вот тогда уж я, как коршун, наброшусь на несчастного преступника.

Вспомнив сейчас обо всем этом, я удивляюсь собственной глупости и трогательной беспомощности. Счастье еще, что мне не удалось довести свою политику до ее логического завершения. Надо полагать, результатом были бы исключительно неприятные сцены в «Резерве». Но при том, как все развернулось на самом деле, сцена была только одна, и, хотя она выглядела достаточно безобразно, а я был ее центральным действующим лицом, она не имела никакого отношения к моей политике. Впрочем, это случилось позже.

В двадцать пять минут шестого я написал на листке девять фамилий, закрыл глаза, повертел карандашом в воздухе и ткнул им в лист. Открыв глаза, я увидел, что первыми моими жертвами будут Фогели. Я привел себя в порядок и отправился искать их.

Как и обычно, они были на пляже вместе с Дюкло, Скелтонами, Ру и мадмуазель Мартен. Увидев меня, Дюкло вскочил с шезлонга и направился мне навстречу. Слишком поздно я сообразил, что позабыл придумать разумное объяснение закрытию дела о «пропавших» вещах.

Я готов был повернуться и бежать прочь. Однако, пока колебался, Дюкло уже подошел ко мне. Попытался было с дружеской улыбкой проскользнуть мимо него, но ничего не вышло — через мгновение я шел уже рядом со стариком к остальным.

— Мы все ждем новостей от вас, — сказал он, запыхавшись. — Полицию вызвали?

Я покачал головой.

— К счастью, в этом уже нет необходимости.

— Ваши вещи нашлись?

— Да.

Он чуть не бегом поспешил к остальным, и я услышал:

— Вора уже нашли. Пропавшие вещи удалось вернуть.

Когда я подошел к группе, все окружили меня и посыпались вопросы.

— Это был кто-то из слуг?

— Майор, вне всяких сомнений...

— Садовник?

— Официант?

— Прошу прощения! — поднял я руку. — Никакого вора не было. Вещи не были украдены.

Все умолкли и ошоломлено глядели на меня.

— Произошла ошибка, — сказал я притворно весело, — и довольно глупая. Видимо... — я отчаянно напрягал все свои способности, пытаясь найти выход из положения, — ...видимо, когда комнату убрали, коробочка случайно свалилась за кровать, и я не смог сразу найти ее.

Исключительно слабое объяснение...

Ру протолкался между Фогелями.

— Как же тогда были взломаны замки чемодана? — спросил он с триумфом.

— О да! — поддержал его Фогель.

— Верно, верно! — эхом отозвалась его жена.

— Что они говорят? — поинтересовался Скелтон.

Чтобы выиграть время, я перевел ему разговор.

— Сам не понимаю, о чем они толкуют,— добавил я. Молодой человек выглядел заинтригованным.

— Как? Замки не были взломаны? Мне казалось, что вы упоминали об этом.

Я медленно покачал головой. Появилась одна идея, и я, повернувшись к Ру, который нетерпеливо прислушивался к нашему разговору с американцем, обратился к нему:

— Должен сказать, мсье, что вы заблуждаетесь. Не знаю, откуда взялись ваши сведения, но уверяю вас, что никогда не говорил ни о каком взломе. Я действительно обсуждал конфиденциально эту проблему с мсье Дюкло, но о взломанных замках не упоминал. Если какая-либо плохо информированная особа,— продолжал я сурово,— распространила ложные слухи, она создала крайне неприятную ситуацию. Герр Фогель, я что-нибудь говорил вам о взломанных замках?

Фогель быстро замотал головою.

— Нет, нет! — воскликнула и фрау Фогель.

— Мсье Ру,— продолжал я медленно,— я вижу, что вы...

Он перебил меня.

— Что все это значит? — спросил он раздраженно.— Старик,— он показал на Дюкло,— всем нам рассказывал об этом.

Глаза всех обратились к мсье Дюкло.

— Я, мсье,— проговорил он строго,— деловой человек с немалым опытом. Не в моих привычках разглашать что-либо, сказанное мне по секрету.

Ру рассмеялся.

— Вы отрицаете, старина, что рассказывали мне и герру Фогелю о том, что произошла кража и что замки чемодана были взломаны?

— По секрету, мсье, по секрету!

— Ба! — раздраженно воскликнул Ру и повернулся к мадмуазель Мартен.— По секрету! Ты слыхала обо всем этом, ma petite?

— Oui, cheri.

— Так я и думал. По секрету, конечно! — засмеялся Ру.— Признайтесь же, что насчет замков вы просто выдумали.

Мсье Дюкло взъерошился.

— Это оскорбление, мсье!

Ру снова расхохотался, явно издевательски. Мне было жаль старика. В конце концов, я и впрямь говорил ему о взломанных замках. Может, стоит вмешаться, чтобы немного утихомирить страсти. Мсье Дюкло, однако, уже приготовился к обороне. С яростным видом он выставил свою бороду вперед.

— Будь я моложе, вы получили бы пощечину, мсье!
— Может быть, — встревоженно вмешался Фогель, — мы обсудим все спокойнее?

— Подтянув свои подтяжки на пару сантиметров выше, он положил руку на плечо Ру, но тот терпеливо отодвинул его.

— Я не собираюсь что-либо обсуждать с этим старым идиотом, — проговорил он гортанным голосом.

Мсье Дюкло глубоко вздохнул.

— Вы лжец, мсье, — проговорил он с нажимом. — Это вы украли вещи мсье Вадаши. Иначе откуда вы знали бы, что замки были взломаны? Я, Дюкло, обвиняю вас. Вор и обманщик!

Секунду стояла мертвая тишина, а потом Скелтон и Фогель бросились к разъяренному Ру, готовому прыгнуть на своего обидчика, и схватили его за руки.

— Отпустите! — выкрикнул в бешенстве Ру. — Я его задушу!

Поскольку Скелтон и Фогель именно этого и опасались, они только крепче вцепились в него. Мсье Дюкло спокойно погладил бороду и с интересом поглядел на Ру.

— Вор и обманщик! — повторил он, словно опасаясь, что мы могли не расслышать его в первый раз.

Ру взревел от ярости и попытался плюнуть ему в лицо.

— Мне кажется, мсье Дюкло, — вмешался я твердо, — что вам лучше бы уйти к себе.

Старик встал в позу.

— Мсье, я уйду с пляжа только тогда, когда Ру попросит у меня прощения.

Я хотел было заметить, что если уж кто-то и должен извиняться, так это Дюкло, но мадмуазель Мартен, дав волю истерике, прервала сцену, бросившись на шею своему возлюбленному и призывая его пойти на преступление. Мери Скелтон и фрау Фогель оторвали ее, всю в слезах. К этому времени Ру обрел дар речи, и сынал ругательствами направо и налево.

— Глухая обезьяна!

Мсье Дюкло принял вызов.

— Импотентный козел! — ответил он с яростью.

Мадмуазель Мартен испустила жалобный вопль. Вспыхнув, Ру вновь повернулся к своему противнику.

— Верблюд ненормальный! — прогремел он.

— Незаконнорожденный кретин! — выкрикнул в ответ Дюкло.

Ру облизнул губы и проглотил слюну. На мгновение мне показалось, будто он признал свое поражение, но тут же стало

понятно, что он готовится к окончательному *coup de gráce*. Он пошевелил губами, глубоко вздохнул, последовала секунда молчания, а потом, во всю силу своих легких, он крикнул в лицо мсье Дюкло:

— *Коммунист!*

В определенных обстоятельствах почти любое слово, обозначающее политическое или религиозное кредо, может служить смертельным оскорблением. На съезде магометанского духовенства слово «христианин», вне всяких сомнений, можно применить с уничтожающим эффектом. На сборище русских белогвардейцев слово «коммунист» рассматривалось бы как ядовитое ругательство. Мы, однако, были не на сборище белогвардейцев.

Минуту стояла тишина. Потом кто-то хихикнул. По-моему, Мери Скелтон. Этого оказалось достаточно: расхохотались все. Ошеломленно оглядевшись вокруг, мсье Дюкло счел возможным присоединиться к нашему смеху. Серьезными остались только Ру и Одетта Мартен. Минуту француз разъяренно глядел на нас, потом освободился из рук Фогеля и Скелтона и зашагал в сторону лестницы. Мадмуазель Мартен последовала за ним. Когда она догнала его, Ру обернулся и погрозил нам кулаком.

— Ну, — сказал Скелтон, — не знаю, в чем тут дело, но жизнь в «Резерве» явно оживилась.

Мсье Дюкло, словно петух, задрал голову и пожал руки всем нам по очереди.

— Очень опасный тип! — заметил он.

— Гангстер! — сказал герр Фогель.

— Самый настоящий! — поддержала его жена.

К моему великому облегчению, они, видимо, забыли уже, с чего начался спор. Со Скелтонами, однако, этого не случилось.

— Я почти все поняла, — заявила девушка. — Старик был прав, верно ведь? Вы действительно говорили, что чемодан был взломан, не так ли?

Она с любопытством поглядела на меня, и я почувствовал, что начинаю краснеть.

— Нет. Вы, должно быть, чего-то не поняли.

— Иными словами, — медленно проговорил Скелтон, — это все-таки был один из гостей.

— Не понимаю.

— Все в порядке, мистер Вадаши. Нам ясно. — Он улыбнулся. — Вещи вернули, и не надо задавать лишних вопросов. Можете больше ничего не объяснять, дружище.

— Не решай за меня, Уоррен. Между нами, мистер Вадаши, это же был слуга, верно?

Я растерянно замотал головой. Разговор становился невыносимым.

— Не хотите же вы сказать, что это был кто-то из гостей?

— Не было вообще никого.

— Снова суешь нос в чужие дела, Мери Скелтон? А ну-ка, успокойся.

— Замолчи, Уоррен! Вы не убедили меня, мистер Вадаши.

Я охотно готов был ей поверить. К счастью, именно в этот момент мсье Дюкло громко заявил, что собирается официально пожаловаться хозяину.

Я извинился перед Скелтонами и отвел старика в сторону.

— Мсье, я был бы очень благодарен, если бы вы смогли позабыть обо всей этой истории. Она достаточно неприятна, и, в каком-то смысле, я чувствую себя повинным в ней. Вы сделаете мне личное одолжение, забыв обо всем.

Дюкло погладил бороду и взглянул на меня поверх очков.

— Этот тип оскорбил меня, мсье. Причем публично.

— Это верно, но все слышали ваш ответ. В споре проиграл именно он. Думаю, что не стоит раздувать эту историю. Таких людей лучше игнорировать.

Дюкло немного поразмыслил.

— Быть может, вы правы. Он, однако, не имел никакого права утверждать, что замки взломаны, когда я ясно сказал ему, что ничего подобного не было.

Он, не моргнув глазом, посмотрел на меня. Такая умственная гибкость заслуживала аплодисментов. Ничего другого просто не оставалось.

— Его поведение доказывает, что он отлично сознавал свою неправоту,— заявил я.

— Это верно. Что ж, мсье, если вы просите, я согласен забыть всю эту историю. Принимаю ваше слово как поруку того, что моя честь не была задета.

Мы поклонились друг другу, и старик вернулся к остальным.

— По просьбе мсье Вадаши,— заявил он с помпой,— я согласился оставить это дело без последствий. Будем считать, что оно закончено.

— Очень мудрое решение,— проговорил серьезно Фогель и подмигнул мне.

— Разумеется! — подхватила его жена.

— Тем не менее следовало бы обратить внимание на этого Ру,— угрожающим тоном добавил мсье Дюкло.— Я больше не потерплю оскорблений с его стороны. Грязный тип,

не заслуживающий даже моего презрения. Вы же видите, что он не женат на этой мадмуазель. Бедняжка! Подумать, что такой тип мог совратить ее с пути добродетели!

Мне пришло в голову, что Ру, пожалуй, не пришлось затратить для этого особых усилий, но фрау Фогель с неожиданной энергией поддержала Дюкло.

— Место женщины рядом с ее мужем и детьми. Я разговаривала с этой бедной девушкой. У нее нет семьи и, это очень печально. Будем надеяться, что мсье Ру женится на ней.

— О да! — герр Фогель подтянул брюки, ласково погладил руку жены и снова подмигнул мне.

— Грязный тип, — снова завел свое Дюкло. — Хорошо было бы, если бы он уехал.

— Слоны никогда ничего не забывают, — пробормотала Мери Скелтон. — Как вы полагаете, можно добиться, чтобы старичок сменил пластинку? Мне нужно увеличить запас слов. Нельзя же обходиться одним.

Ее брат откашлялся.

— Любовница грязного типа, — замурлыкал он, — гуляла как-то в саду...

— Господи! У них в университете это называли юмором! — воскликнула его сестра.

Дискуссия кончилась тем, что они начали гоняться друг за другом по всему пляжу. Фогель и Дюкло, изредка прерываемые фрау Фогель, стали обмениваться мнениями относительно права женатого мужчины иметь любовницу. Пару минут я прислушивался к ним, но утратил всякий интерес, когда француз пустился в описание своих интимных отношений с покойной женой. Проводить в жизнь мою агрессивную политику тут было довольно затруднительно.

Я начал думать о Ру.

Довольно неприятный тип, и тем не менее я понимал, почему женщины могут находить его привлекательным. В его движениях была своеобразная кошачья грация; агрессивность мужчины соединялась с какой-то слабостью, более присущей противоположному полу. Должно быть, он был вполне приличным любовником.

Похоже, что в нем сочетались хитрость и непосредственность крысы. Ум небольшой, но изворотливый и опасный. Не исключено, что за его сверкающими глазами таилось немного безумия. Да, это опасный человек. К тому же он обладает большой физической силой: тело у него сухощавое, но жилистое. Внешне Ру напоминает ищейку.

Ищейки! Именно это слово применил Шимлер. «Они, как ищейки, не теряют раз взятый след». Мне показалось, что

я снова слышу его. «Мы узнали, что гестапо послало во Францию одного из своих агентов». Идиот! Я должен был раньше подумать об этом. Агент гестапо, которого прислали, чтобы «убедить» коммуниста вернуться в Германию, тот, кого опасается Шимлер, кто начнет действовать, только если будет вполне уверен... Это же Ру! Ясно как день. «Коммунист!» Разумеется! Нет никаких сомнений.

Я лег навзничь на песок и смежил веки. Через минуту ко мне, запыхавшись, подбежали американцы.

— Что с вами, мистер Вадаши? — спросила девушка.

Я открыл глаза.

— Ничего. Просто задумался.

— И то верно, вид у вас вполне довольный.

У меня были для этого основания. Несомненно, в конце концов агрессивная политика принесла свои плоды. Кроме того, у меня появилась одна идея.

Глава пятнадцатая

ВСЕ МУЖЧИНЫ ЛГУТ

Пляж опустел раньше, чем обычно. Поднялся свежий ветерок, и впервые после того, как я уехал из Парижа, небо надо мной было затянуто тучами. Привычная синева воды сменилась землистой серостью. Красные скалы больше не сверкали. Вместе с солнцем из пейзажа словно бы ушла и жизнь.

Поднимаясь к себе, чтобы переодеться, я увидел, что официанты переносят столы в помещение внутри здания. Входя в комнату, услышал, как первые капли дождя застучали по листьям плюща за окном.

Кончив передеваться, я нажал кнопку звонка для вызова службы.

— В каком номере живет мсье Ру и мадмуазель Мартен?

— В девятом, мсье.

— Спасибо, это все.

Дверь за горничной закрылась, я закурил и сел, чтобы окончательно разработать план действий. Этот план, решил я, должен быть застрахован от любых неожиданностей. Здесь находится агент гестапо, цель которого — захватить человека, по имени Шимлер. Не исключено, что ему удастся выполнить свое задание, но для этого он должен собрать целый ряд сведений о жильцах «Резерва», крайне ценных для меня сведений. Если бы я мог выудить их из него, заставить его говорить,

быть может, у меня появилась бы вся нужная мне информация. Попробовать стоит, надо только действовать осторожно. Нельзя казаться слишком любопытным, нельзя, чтобы Ру что-то заподозрил; я должен заставить его говорить, делая вид, что слушаю неохотно, пойти против своей воли. Придется поломать голову. На этот раз никакой ошибки не должно быть.

Выйдя из комнаты, я прошел по коридору к девятому номеру. Изнутри до меня доносились звуки голосов. Я легонько постучал. Голоса умолкли. Послышались быстрые шаги, скрипнула дверца шкафа, и женский голос проговорил:

— Entrez!

Я открыл дверь.

Мадмуазель Мартен в бледно-голубом полупрозрачном халатике сидела на краю кровати, поправляя маникюр. Я прикинул, что она как раз успела выхватить халат из шкафа. Ру стоял у умывальника и брился. Оба глядели на меня, словно не веря глазам своим.

Я открыл рот, чтобы извиниться за вторжение, но Ру опередил меня.

— Что вы хотели? — спросил он грубо.

— Простите за беспокойство. Я пришел принести вам свои извинения.

Он недоверчиво посмотрел на меня.

— В связи с чем?

— Опасаюсь, что вы считаете меня ответственным за те оскорбления, которые нанесли вам Дюкло.

Он вернулся к зеркалу и начал стирать мыльную пену с лица.

— Почему вы считаете, что можете нести ответственность за это?

— В конце концов, причиной спора была моя ошибка.

Он бросил полотенце на кровать и обратился к Мартен.

— Я говорил хоть слово об этом человеке после того, как мы вернулись с пляжа?

— Non, chéri!

Ру обернулся ко мне.

— Вот вам и ответ.

Я не сдался:

— Тем не менее я чувствую некоторую ответственность. Ничего бы не случилось, если бы не моя рассеянность.

— С этим делом уже покончено, — ответил он раздраженно.

— К счастью, да, — я сделал отчаянную попытку пощекотать его самолюбие. — Разрешите мне сказать, что вы вели себя с большим достоинством и тактом.

— Не говорите глупостей. Если бы меня не остановили, я б его задушил.

— Он сам вас на это спровоцировал.

— Разумеется.

Такой разговор ничего мне не давал, и я попробовал закинуть удочку с другой стороны.

— Вы здесь долго пробудете?

Он бросил на меня недоверчивый взгляд.

— Вам-то до этого какое дело?

— Никакого, собственно. Просто подумал, что мы могли бы сыграть партию в бильярд... если вы, конечно, действительно на меня не сердитесь.

— Вы хороший игрок?

— Не очень.

— Тогда не имеет смысла. Я играю первоклассно. Победил этого американца. Парень — игрок так себе, а я не люблю соревноваться со слабыми противниками. Они на меня тоску нагоняют.

— Тем не менее это очень приятный молодой человек.

— Возможно.

Я упорно пытался продолжить разговор.

— У него милейшая сестра.

— Не в моем вкусе. Слишком полная, а я предпочитаю худеньких. Верно, *ma petite*?

Мадмуазель Мартен как-то металлически засмеялась. Ру присел на кровать, наклонился к ней и привлек ее к себе. Они с чувством поцеловались. Француз отодвинулся, а она с торжествующим видом улыбнулась мне, поправила волосы и снова занялась своими ногтями.

— Видите, — сказал он, — Одетта худенькая. Меня она вполне устраивает.

Я облокотился на спинку стула.

— Мадам очаровательна.

— Недурна.

Ру закурил сигару с видом человека, привыкшего к победам над женщинами, и выпустил клуб дыма в мою сторону. Внезапно он спросил:

— Что вас привело сюда, мсье?

Я вздрогнул.

— Хотел принести свои извинения. Я же объяснил вам...

Он нетерпеливо покачал головой.

— Я имел в виду, зачем вы прибыли сюда... в эту гостиницу?

— У меня отпуск. Я провел несколько дней в Ницце, а потом приехал в Сен-Гатьен.

- И вам здесь нравится?
- Конечно. Пока, во всяком случае.
- Когда вы собираетесь уезжать?
- Еще не решил.

Он опустил свои мясистые веки.

— Скажите, какого мнения вы об этом майоре-англичанине?

— Ничего особенного, довольно обычный представитель своей нации.

- Вы заняли ему денег?
- Ну, нет. Он и у вас просил?

Ру ехидно усмехнулся.

- Да, и у меня.
- И вы сжалились над ним?
- Я вам кажусь таким болваном?
- Тогда почему вы меня о нем спрашиваете?

— Завтра утром он уезжает, и я слышал, как он просил хозяина заказать ему каюту на пароходе, уходящем из Марсея в Алжир. Должно быть, кто-то все-таки над ним сжалился.

— Кто бы это мог быть?

— Если бы я знал, не стал бы спрашивать. Подобные штучки вызывают мое любопытство...— Он повертел сигару, разминая ее.— И еще кое-что меня интересует. Кто такой Хайнбергер?

Он произнес эту фамилию без малейшего нажима, тоном, которым может задать вопрос человек, пытающийся выяснить хоть что-то интересующее его в ходе довольно скучного разговора.

Не знаю отчего, у меня по спине пробежал холодок.

- Хайнбергер? переспросил я.
- Да, Хайнбергер. Почему он всегда один? Почему никогда не купается? Я видел, что вчера вы разговаривали с ним.
- Я о нем ничего не знаю. Он швейцарец, не так ли?
- Об этом я у вас спрашиваю.
- К сожалению, ничего не могу ответить.
- О чем же вы беседовали?
- Не помню. Наверное, о погоде.
- Вот еще ерунда! Когда я с кем-то разговариваю, мне хочется узнать о нем, по возможности, все. Люблю видеть разницу между тем, что человек говорит, и тем, что он думает.

— Да? Вы считаете, что такая разница есть всегда?

— Всегда. Все мужчины лгут. Женщинам иногда случается говорить правду, мужчинам — никогда. В этом я вполне уверен, верно, ma petite?

— Oui, cheri.

— Oui, cheri! — повторил он насмешливо. — Знает, что, если попробует мне соврать, я ей шею сверну. И могу вас уверить, друг мой, еще в одном: все мужчины — трусы. Они просто жить не могут, если не запутаются в сентиментальной лжи до такой степени, что не повредит уже даже лишний внебрачный ребенок. Поверьте, тот, кто говорит вам правду, наверняка человек опасный.

— Должно быть, нелегко жить, придерживаясь такой точки зрения?

— Меня она устраивает, мсье. Люди — чрезвычайно любопытные создания. Вы, например, интересуете меня. Говорят, что преподаете иностранные языки. По национальности вы венгр, а паспорт — югославский.

— Ну, это, положим, вы узнали не из беседы со мной, — заметил я, улыбаясь.

— Всегда прислушиваюсь к разговорам вокруг. Хозяин говорил об этом Фогелю. Тот любопытствовал, кто вы.

— Понимаю. Все очень просто.

— Не совсем. Напротив, тут много странного. Я начал задавать себе вопросы. Почему, заинтересовался я, живет во Франции венгр с югославским паспортом? Что означают таинственные прогулки в поселок, которые он совершает каждое утро?

— Вы очень наблюдательны. Во Франции я живу, потому что нашел здесь работу. Боюсь, что и в моих прогулках в поселок нет ничего таинственного. Хожу на почту, чтобы поговорить по телефону с невестой, которая живет в Париже.

— Да? Телефонная служба, должно быть, заметно улучшила свою работу. Обычно приходится ждать не меньше часа, пока соединят со столицей. — Он пожал плечами. — Это ерунда. У меня есть вопросы потрудней. — Он стряхнул пепел с сигары. — Каким образом, например, замки в чемодане мсье Вадаши утром были взломанными, а днем оказались целыми?

— Это тоже совсем просто. Все дело в том, что у мсье Дюкло очень плохая память.

Глаза Ру оторвались от кончика сигары и поглядели мне прямо в лицо.

— Совершенно верно, память у него плохая: он сам толком не помнит, что говорил. Неудачливые лжецы часто путаются в своей лжи, забывая детали. И все же меня одолевает любопытство. Были замки взломаны или нет?

— Мне казалось, что этот вопрос мы уже выяснили. Не были.

— Ясно. Закуривайте, пожалуйста. Я не люблю курить в одиночку. Одетта тоже составит нам компанию. Угостите ее сигаретой, Вадаши.

Я вытащил из кармана пачку сигарет. Ру удивленно приподнял брови.

— Как? Вы не носите портсигар с собою? Неосторожно с вашей стороны. По-моему, у вас в кармане он был бы в большей безопасности. Как знать, а вдруг Хайнбергер или этот майор как раз сейчас крадут его? — Ру вздохнул. — Ну, ладно, ладно! Одетта, chérie, закуришь? Ты-то знаешь, что я не люблю курить один. Ничего с твоими зубами не станется. Обратили внимание, Вадаши, какие у нее зубы? Просто великолепные.

Быстрым движением он наклонился над кроватью, запрокинул Одетте голову и приподнял ей верхнюю губу. Она и не подумала сопротивляться.

— Великолепные, правда?

— Да, конечно.

— Вот это и есть то, что мне нравится. Худенькая шатенка с ровными белыми зубами.

Он отпустил Одетту. Она выпрямилась, поцеловала его в ухо и взяла у меня сигарету. Ру зажег ей спичку. Погасив ее, он снова повернулся ко мне.

— У вас была встреча с полицией, не так ли?

— Вижу, что об этом знают уже все на свете, — ответил я спокойно. — Похоже, что там не понравился мой паспорт.

— А что в нем неладно?

— Забыл продлить.

— Как же вы въехали в страну?

Я рассмеялся.

— Вы мне напоминаете полицию, мсье.

Я внимательно следил, как Ру прореагирует на мои слова, но он только пожал плечами.

— Я уже говорил, что очень интересуюсь людьми. — Он откинулся, опираясь на локоть. — Мне удалось открыть одну вещь: у всех людей, и правдивых, и лживых, есть одна общая черта. Знаете, какая?

— Нет.

Внезапно он наклонился вперед, схватил мою руку и постукал указательным пальцем по ее ладони.

— Любовь к деньгам, — произнес он мягко. Я убрал свою руку. — Вы счастливец, Вадаши. Вы бедны, и деньги сохраняют для вас всю свою прелесть. Ваш ум не затуманен никакими политическими бреднями. У вас есть возможность

заработать большой капитал. Почему бы вам ею не воспользоваться?

— Не понимаю,— сказал я (так оно и было).— О какой возможности вы говорите?

Мгновенно он молчал. Я заметил, что Одетта оставила свои ноги и прислушивается к нам.

— Какой сегодня день, Вадаши? — спросил он наконец.

— Сегодня? Суббота, разумеется.

Ру покачал головой.

— Нет, Вадаши. Сегодня пятница.

Я растерянно засмеялся.

— Но, мсье, уверяю вас, сегодня суббота.

Он снова покачал головой.

— Пятница, Вадаши.— Опустив веки, он наклонился ко мне.— Если я получу определенную информацию, которую, по-моему, вы можете мне дать, я готов буду поставить пять тысяч франков на то, что сегодня пятница.

— Но вы же их потеряете.

— Вот именно. Придется заплатить пять тысяч за то, что проиграл пари. Впрочем, с другой стороны, я получу сведения, которые мне нужны.

Только сейчас я понял, куда он метит. Он хочет меня подкупить. Мне вспомнилась фраза, сказанная Шимлером: «Он не начнет действовать, пока не будет уверен». Этот тип видел, как я разговаривал с немцем. Может быть, видел и то, как я заходил к нему в комнату. Я вспомнил, что услышал звук закрывающейся двери, когда выходил из четырнадцатого номера. Очевидно, Ру считает, что герр Хайнбергер доверился мне, и готов заплатить за твердую уверенность, что это именно тот человек, которого он ищет. Я поглядел на своего собеседника так, словно не мог взять в голову, о чем он толкует.

— Не думаю, чтобы что-то из того, что я знаю, стоило пяти тысяч франков.

— Да? Вы не сомневаетесь в этом?

— Нет.— Я выпрямился.— К тому же, я никогда не держу пари, если уверен в выигрыше. На минуту мне показалось, что вы и впрямь говорите всерьез, мсье.

На губах Ру появилась улыбка.

— Уверяю вас, я никогда не позволяю шуткам заходить слишком далеко. Куда вы поедете отсюда, Вадаши?

— Обратю в Париж.

— В Париж? Зачем?

— Я там живу.— Я посмотрел ему в глаза.— А вы, наверное, вернетесь в Германию?

— Почему вы решили, что я не француз? — спросил он спокойно. На его губах по-прежнему была улыбка, но она стала какой-то неприятной. Я заметил, что он чуть пригнулся, словно приготовившись к прыжку.

— У вас чувствуется какой-то иностранный акцент. Не знаю, почему, я решил, что вы немец.

Ру покачал головой.

— Я француз, Вадаши. Не забывайте, пожалуйста, что сами вы венгр и не можете распознать правильное французское произношение. Я попрошу вас не оскорблять меня.

Он опустил веки так, что глаза почти закрылись.

— Прошу прощения. По-моему, сейчас самое время выпить аперитив. Не составите ли мне компанию?

— Нет, с вами мы пить не будем.

— Надеюсь, я не обидел вас?

— Напротив, разговор с вами доставил мне удовольствие... большое удовольствие.

В его голосе прозвучала явно преувеличенная вежливость.

— Рад, если это так. — Я отворил дверь. — Au' voig, мсье, au' voig, мадам.

Ру не встал с места.

— Au' voig, мсье, — ответил он с иронией.

Когда я закрывал дверь, слышался его резкий, неприятный смех.

Спускаясь вниз, я не переставал обзывать себя идиотом. Вместо того, чтобы прощупать Ру, сам подвергся допросу. Какая там ценная информация — мне пришлось перейти к обороне и отвечать так, словно я был на скамье подсудимых. А в довершение всего меня еще пытались подкупить. Ру явно понял, что кража была только фарсом, и, как и Кеке, видимо, решил, что я просто мелкий вор. Ну и тип! У бедняги Шимлера не много шансов обмануть агента такого класса, как Ру. Я начал думать о тех язвительных словах, которые мог бы ему сказать. Беда в том, что мой мозг работает слишком замедленно. Я сам себе казался болваном.

В холле мне встретился Скелтон.

— Привет, — поздоровался он. — Что-то у вас вид мокрой курицы. Что случилось?

— Дождь действует на нервы.

— Кеке говорит, что это ненадолго, завтра утром снова будет солнечно. Сестра в салоне, мы как раз собирались выпить вермута. Присоединитесь? Я сейчас вернусь.

Перепрыгивая через ступеньки, он побежал вверх по лестнице. Я зашел в салон, решив не думать о завтрашнем дне.

Мери Скелтон сидела с Дюкло, изо всех сил старавшимся развлекать девушку.

— Il faut dire l'amoo-ur, — обучал ее старик, шутливо вытягивая слова изо рта пальцами, словно это были куски жевательной резинки.

— L'amoo-ur, — послушно повторила она, бросив на меня полный отчаяния взгляд.

Мсье Дюкло похлопал ее по руке.

— Так лучше, мадмуазель, намного лучше. — Он посмотрел на меня. — Такая красивая miss должна уметь правильно произносить это слово. Вы согласны, друг мой?

Я что-то пробормотал в ответ.

— Ради бога, — умоляюще обратилась Мери ко мне, — спасите меня от этого надоедливого старикана. С той минуты, как Уоррен вышел, он не отстает от меня.

— Если мы будем говорить по-английски, ему, наверное, надоест и он уйдет. Что вы станете пить?

— Inglich, Inglich, — с радостной улыбкой залепетал Дюкло. — I spec Inglich.

— Я, пожалуй, сухой Дюбонне.

— Ou do, american miss? Alló!

— Я встретил по дороге сюда вашего брата. Он был настроен на вермут.

Мсье Дюкло наклонился вперед, втискиваясь между мной и девушкой.

— Alló! Президент Вильсон хорош, а?

— Какое ему до *этого-то* дело? — пробормотала мисс Скелтон. — Боюсь, что вы были слишком большим оптимистом, мистер Вадаши.

— Подождем еще немножко.

Старик откашлялся.

— Президент Рузвельт хорош тоже. Окау!

Девушка фыркнула.

— Безнадежно. Может, лучше пригласить его выпить с нами?

— Пожалуй. — Я повернулся к французу. — Не хотите ли выпить вместе с нами, мсье?

— С удовольствием! — Он быстро придвинул свой стул. — Я возьму перно. Мадмуазель отлично понимает по-французски, но слишком мало говорит. — Он погладил бороду. — Надо больше практиковаться, мадмуазель. Вам следует беседовать только по-французски. Мсье Вадаши плохо влияет на вас.

Говоря это, он искоса поглядел на меня.

К счастью, в этот момент в комнату вошли Фогели. На нем был темно-серый костюм, рубашка с жестким воротничком и кричащий оранжевый галстук; она надела довольно стран-

ное вечернее платье с множеством бантиков, торчавших во все стороны. Оба довольно улыбались.

— Господи милосердный! — вздохнула Мери Скелтон. — Надо пригласить и их в нашу компанию, хотя бы ради приличия. А платить очередь Уоррена.

— В этом смысле швейцарцы не страшны: они пьют пиво.

Я встал и передал Фогелям ее приглашение. Они с радостным видом подошли к нам.

— Ну и погодка! — весело заметил Фогель.

— Это верно! Со стороны фройляйн было так мило пригласить всех нас к своему столу.

— Чрезвычайно мило! Если вы не возражаете, мы будем пить пиво.

— Я говорю, — нес свое Дюкло, — что мадмуазель не следует столько беседовать с мсье Вадаши. Ей надо говорить только по-французски. Это будет намного лучше.

— Мадмуазель очаровательна, на каком бы языке ни говорила, — заявил Фогель. — Однако, — добавил он чуть ехидно, — мне кажется, ей следовало бы заняться немецким.

Он подтолкнул жену, и они громко расхохотались.

Я перевел его слова Мери Скелтон.

— Можете ему сказать, — ответила она, — что я буду очень рада и с удовольствием приму его предложение, если только он будет продолжать носить этот галстук.

— Мадмуазель Скелтон с благодарностью принимает ваше предложение.

Фогель в восторге хлопнул себя рукой по колену. Последовали новые раскаты смеха. Как раз в этот момент и появился Скелтон.

— Ты, оказывается, устраиваешь праздник, — объяснила ему сестра.

Молодой человек оглядел круг приглашенных.

— Группа молодежи на веселом пикнике, — проговорил он торжественно. — Швейцарская дама блещет великолепным нарядом. Ты уже заказала выпивку, сестрица?

— Нет, братец. Пиво для Шалтай-Болтая и его супруги. Перно для французского гражданина справа от меня. Сухой Дюбонне для меня и... А что вы будете пить, мистер Вадаши?

Ответить я не успел: ко мне подошел официант.

— Прошу прощения, мсье, вас вызывают к телефону из Парижа.

— К телефону? Меня? Вы не ошиблись?

— Нет, мсье, именно вас.

Извинившись, я направился в контору и, затворив за собою дверь, взял трубку.

- Слушаю!
- Алло, Вадаши!
- Кто говорит?
- Комиссар полиции.
- Официант сказал, что звонят из Парижа.
- Это я так велел ему. Вы там один?
- Да.
- Узнали, уезжает кто-нибудь сегодня из «Резерва»?
- Англичане отправляются завтра утром.
- Больше никто?
- Не совсем так. Я завтра уезжаю.
- Что? Вы уедете, когда вам скажут. Инструкции мсье

Бегена вам известны.

- Мне велели уезжать.
- Кто это вам велел?
- Кехе.

Горечь от всех сегодняшних неудач перехлестнула через край. В коротких, горьких словах я описал, как выполнил поручение, полученное мною утром от Бегена.

Комиссар молча выслушал меня и только потом спросил:

- Вы уверены, что не уезжает никто, кроме англичан?
- Мне, во всяком случае, об этом ничего не известно.

Новая пауза. Наконец, я услышал:

- Хорошо. Пока это все.
- Да, но что мне делать?
- В нужное время вы получите инструкции.

Он повесил трубку. Я стоял, с тревогой глядя на телефон. В нужное время получу инструкции. Что ж, остается ждать. Я потерпел полное поражение. Положив трубку, с трудом встал. Надо будет ночью же собрать чемодан. А пока что выпивка мне не повредит. Напротив, пойдет только на пользу... да и настроение надо хоть немного поднять.

И тут, когда я уже собирался выйти, мне в глаза снова бросилось объявление итальянской морской компании Косулич, которое я уже дважды разглядывал за этот день. Почти автоматически, без всякого интереса, я вновь взглянул на него. В ту же секунду у меня бешено заколотилось сердце. Один из абзацев внезапно словно выделился из текста.

Я вполголоса медленно прочел его:

«КОНТЕ ДИ САВОЙА» (48 502 тонны). Отплытие:
Генуя, 11 августа; Неаполь, 12 августа. Прибытие в Нью-Йорк 19 августа».

Скелтоны говорили, что их родители на будущей неделе прибывают в Марсель на борту «Конте ди Савойа».

Как же это? Прежде всего, «Конте ди Савойа» вообще не заходит в Марсель и, вдобавок, на будущей неделе он будет в трех тысячах миль отсюда. Американцы солгали.

Глава шестнадцатая

БЕГЛЕЦЫ

Я возвращался в салон, размышляя о том, что мое открытие требует немедленных действий, хотя понятия не имел каких.

Скелтоны! Это казалось невозможным. Это было невозможным. Тем не менее у меня в руках было явное доказательство, что молодые люди что-то скрывают. Я вспомнил тот момент на террасе, когда Дюкло навел на них свою камеру. Оба нашли шуточные предлоги, чтобы не дать себя сфотографировать. Чего ради? И почему они назвали именно итальянское судно? Быть может, изобретая свое объяснение, они подсознательно выбрали корабль близкого государства. В имени «Скелтон» нет ничего итальянского, но, с другой стороны, то же относится и к имени «Клендон-Хартли». И фотоаппарат у них Кодак Ретина, в то время как я ищу Цейсс Контактс. В любом случае, однако, я не могу позволить себе роскошь пройти мимо улики, какой бы незначительной она ни казалась. Я задал себе вопрос, не следует ли прямо обвинить их во лжи или обыскать их комнаты в поисках фотоаппарата. Что-то делать надо. Да, ясно, что нельзя сидеть сложа руки. Но что делать? Ответа пока не было.

Когда я вернулся к столу, напитки были уже поданы и мсье Дюкло как раз произносил какую-то речь. Обратившись к официанту, я попросил принести пива. Француз нахмурился, недовольный тем, что его перебили.

— Да,— продолжал он помпезным тоном,— если французская промышленность — я говорю вам это как деловой человек — если французская промышленность будет отдана на милость санкюлотов, пробравшихся сейчас в министерства, финансовая система Франции, созданная еще великим Наполеоном, рухнет, увлекая за собой всю Европу. Да, она рухнет,— повторил он внушительно.

Фрау Фогель издала тревожное восклицание.

Оратор продолжал угрожающе:

— Если нас не освободят от цепей правительственного вмешательства и подрывных нападков левых агитаторов, подкупленных русскими, наша индустрия начнет борьбу за свою свободу бок о бок со всеми здоровыми элементами страны,

считающими, что первый долг правительства — поддерживать законность и порядок. Мы будем убивать, как собак, тех, кто осмелится противостоять нам. Деловые люди — спинной хребет государства, его сила, его щит против иностранных захватчиков, с жадностью глядящих на наши границы. Франция должна быть сильной и внутри, и вне своих границ.

Он сделал паузу, чтобы перевести дыхание.

Скелтоны с энтузиазмом зааплодировали.

— Я не поняла и десятка слов, — пробормотала, наклонившись ко мне, Мери, — но держится старик здорово.

— Идея хорошая, — заметил Фогель. — Я как швейцарец согласен с тем, что сильная Франция — гарантия мира в Европе. Вы, однако, преувеличиваете опасность, угрожающую вашим границам. Не думаю, чтобы Германия осмелилась напасть на Францию, как бы ей этого ни хотелось. Опасность — тут я с вами согласен — лежит внутри нее. Дерзкие эксперименты социалистов уже подорвали устойчивость франка. Мы, швейцарцы, очень обеспокоены угрозой стабильности вашей валюты.

— Само собою!

Мсье Дюкло продолжал защиту своих рассуждений, а я, прихлебывая пиво, незаметно приглядывался к Скелтонам.

Они явно развлекались, наблюдая за своими гостями. Их молодые загорелые лица побагровели от усилий сдерживать смех. Смешно и подозревать, что они могут быть замешаны в шпионаже. Но ведь, глядя на них, смешно подозревать, что они способны и на такую вещь, как ложь. А тем не менее они лгут. Может быть, произошла ошибка или я что-то путаю? А может, ошибка в объявлении? Хотя нет, это уже чушь! И вообще какое отношение к делу имеют их красивые лица и загорелая кожа? Лица такие от рождения, а загар они приобрели здесь. Но все-таки что-то делать.

Случай представился раньше, чем я мог надеяться.

Дюкло приготовился уже произнести новую речь, когда объявили, что обед подан.

Столовая была небольшой, всего с четырьмя столами. Два из них уже заняли, когда мы вошли: один — супруги Клендон-Хартли, а другой — Ру и мадмуазель Мартен. Дюкло, продолжая предвещать гибель социализма, сел с Фогелями. Я вместе с американцами направился к четвертому столу.

Усевшись, Уоррен Скелтон облегченно вздохнул.

— Дюкло — очень симпатичный старикан, но в больших дозах его трудно выдержать. Что за страсть говорить глупости!

— Ты с ним не согласен?

— С чем именно? Я даже не могу понять, за правительство он или против.

— Дорогой мой братишка, откуда же ты тогда знаешь, что он говорит глупости?

— Видно по тому, как он это говорит.

— Вот это действительно чужь. Мистер Вадаши, как, по-вашему, старик говорил глупости?

— Боюсь, что я не очень внимательно его слушал.

— Дипломатический прием! — заметил Скелтон.— Но все равно он в мою пользу. Вы не слушали, потому что слушать было нечего: он говорил глупости. Согласитесь, мистер Вадаши.

— Правду говоря, я думал о телефонном разговоре, который у меня состоялся перед этим.

— Какие-то неприятности?

— Да, хотя их нельзя назвать неожиданными. Завтра утром мне нужно будет уехать.

У обоих одновременно вырвались огорченные восклицания.

— Какая жалость! — сказала девушка.— И поговорить будет не с кем.

— И выпить тоже..

— А вы не можете задержаться хоть на пару дней?

Я виновато улыбнулся.

— Ничего, для вас это даже лучше. Вы никогда не выучитесь как следует говорить по-французски, пока не будет необходимости пользоваться этим языком. Здесь мсье Дюкло прав. К тому же я надеюсь, что мы еще увидимся. Вы ведь собирались в Париж вместе с родителями? Если не ошибаюсь, они приезжают на будущей неделе?

Я заметил, что молодой человек на долю секунды замялся и посмотрел на сестру.

— Совершенно верно. Они путешествуют, и мы, видимо, уедем дальше вместе с ними.

— Жаль! Я надеялся помочь вам познакомиться с Парижем. Когда вы их ожидаете?

Американец пожал плечами.

— Право, не помню даже. Когда, Мери, приходит пароход?

— В четверг, — ответила девушка. Я увидел, что брат ее вздрогнул, явно получив пинок ногой под столом.— Как ты мог забыть об этом, Уоррен? Вот вам, мистер Вадаши, классический пример сыновней любви. Больше месяца не видел родителей и не помнит, когда они приезжают. Ну, что мы сегодня закажем?

Разговор перешел на более прозаические темы. Скелтон настоял, чтобы заказать «на дорогу» бутылку «Шато Понте-Кане, 1929», предупредив меня, что сегодня за выпивку платит он. Прошло немало минут, прежде чем мне представилась возможность возобновить атаку.

— Кстати, — заметил я, — для меня новость, что суда линии Косулич заходят в Марсель. Я думал, что только в Виль-франш.

Скелтон, как раз подносивший ко рту кусок цыпленка, остановился и посмотрел на меня.

— Весьма возможно. А что?

— Вы как будто говорили, что ваши родители прибывают на «Конте ди Савойа».

Он взглянул на сестру.

— Я говорил что-нибудь подобное, Мери?

Она покачала головой.

— По-моему, нет.

Молодой человек отправил цыпленка в рот.

— Должно быть, речь шла о ком-то другом, мистер Вадаши.

— Конечно. Сам не понимаю, почему я решил, что это вы сказали.

Он недоверчиво посмотрел на меня.

— Может быть, я говорил, что они прибывают на иностранном судне.

— Вспомните, я вас предупреждала, — быстро вмешалась его сестра. В Соединенных Штатах Уоррен не раз всех запутывал. Как вы думаете, прилично будет попросить добавки?

— Ты толстеешь, — заметил ее брат. — Я сегодня обратил на это внимание и сказал себе: «Моя сестра Мери начинает толстеть».

— Должно быть, очень любопытно беседовать с самим собою. Ты и споришь с собою или всегда соглашаешься?

— Спорю, и даже часто. Например, сегодня я ответил себе: «Да, сэр, она толстеет, но рассердится, если ты ей об этом скажешь». И был совершенно прав, не так ли?

— Нет, я не сержусь, только ужасно расстроилась.

Обед продолжался, сопровождаемый веселым смехом, однако, девушка по временам умолкала, а вспышки ее веселья были недолгими. Когда я пригласил Скелтонов пойти в салон выпить чего-нибудь, она секунду колебалась, прежде чем согласиться. Мы встали из-за стола почти последними: оставались только Ру и мадмуазель Мартен.

Выйдя из столовой, Мери остановилась.

— Не люблю сидеть в помещении. Посмотри, Уоррен, не прекратился ли дождь.

Скелтон подошел к окну и выглянул наружу. Я почувствовал, что девушка схватила меня за руку, и удивленно обернулся. Она нахмурила брови, показывая, чтобы я молчал.

— Мне надо поговорить с вами наедине, мистер Вадаши,— быстро прошептала Мери.— Найдите какой-нибудь предлог, чтобы покинуть Уоррена, и возвращайтесь. Его оставьте в салоне.

Я не успел ответить, как ее брат вернулся.

— По-моему, маленький дождик еще идет, но вообще-то очень темно и почти ничего не видно. Да еще и слишком сыро. Я бы не стал выходить.

— Так тому и быть. Идите, а я вас догоню. Только возьму плед.

Мы со Скелтоном зашли в салон, и я заказал три коньяка, а потом, сославшись на то, что забыл захватить сигареты, вернулся в столовую. Мери ждала меня у дверей. Вид у нее был взволнованный.

— Где бы мы могли спокойно поговорить?

— В маленьком салоне сидят англичане.

— Тогда, если не возражаете, останемся здесь.— Она настороженно огляделась.— Если кто-то появится, сделаем вид, что случайно встретились на лестнице.

Я несколько растерянно и недоверчиво посмотрел на нее.

— Не понимаю...

— Знаю, что не понимаете,— перебила девушка.— Прошу вас, позвольте говорить мне. Уоррен скоро начнет интересоваться, куда мы исчезли.

Я согласился, зная, что меня больше уже не скомпрометируешь.

— Слушайте,— мы, конечно, говорили, что родители прибывают на «Конте ди Савойа», но как вы догадались, что это неправда? Вы ведь в этом уверены?

— Да. В конторе висит расписание паровозных рейсов. «Конте ди Савойа» вышел из Генуи и направляется в Нью-Йорк.

— Значит, вы решили проверить наши слова?

— Нет, просто случайно увидел расписание.

Девушка облегченно вздохнула.

— Ладно, слава Богу хоть за это. Я говорила Уоррену, чтобы он не выдумывал лишнего, но он настаивал, что так будет правдоподобнее. Видите ли, дома никто и не подозревает, где мы. Уоррен из себя выйдет, узнав, что я вам все рассказала, но он ничего не понимает. Я-то уверена, что, если не удастся привлечь вас на нашу сторону, вы обо всем узнаете и сообщите в газеты.

— Это так запутано...

Она с беспокойством посмотрела на меня.

— Я знаю. Тут сплошная путаница. Беда в том, что у нас в Штатах мы с Уорреном — кандидаты на первые страницы газет. Все началось с нашей мамы. Это женщина исключительная... во всяком случае, так утверждает Уоррен. Отцу принадлежало несколько гаражей в Филадельфии. Дело не из крупных, но денег нам всегда хватало, и оба мы были такой же парой молокососов, как и множество других. Если бы все шло нормально, мы, наверное, поженились бы с кем-нибудь из соседей нашего круга, и на том вся история закончилась бы. Но отец неожиданно умер. Перед самым домом его сбил грузовик, развозивший молоко. Это несчастье перевернуло всю нашу жизнь. Обычная история. Мы слишком много хватили, и все было заложено: и дом, и гаражи, и страховка — все. Семья осталась практически без гроша.

Когда это случилось, Уоррен учился в университете, и мама собрала немного денег, чтобы он смог закончить учебу. Брат, как и следовало ожидать, отказался; он чувствовал себя единственным мужчиной в доме и хотел зарабатывать и кормить нас. Мама решила: пусть попытает счастья, но тогда был кризис, и работы, он, конечно, не нашел. Мама велела ему вернуться в университет, и Уоррен послушался. — Девушка посмотрела на меня с улыбкой. — Не судите его слишком строго: вы не знаете нашу маму.

В конце концов, мы все переехали в Вашингтон. Мама сказала, что там живет ее старый друг, который сможет нам помочь. Мне тогда как раз исполнилось восемнадцать лет, и проницательности у меня было не больше, чем у десятилетней девчонки, но даже я поняла, что этот старый друг — человек необычный. Во-первых, он оказался очень важной персоной — старые друзья редко бывают ими, — а кроме того, он был безумно влюблен в маму. Не прошло и полугода, как сыграли свадьбу.

Лицо Мери Скелтон стало очень серьезным.

— Вот тогда это и началось. До тех пор фамилия Скелтон появилась в прессе единственный раз — когда умер папа. Шесть строчек в местных газетах. В Вашингтоне все изменилось. Наш отчим очень любит всех нас, но при этом он один из тех, кто делает политику Соединенных Штатов. Газеты то и дело цитируют его высказывания по самым разным вопросам. Ему приходится быть крайне осторожным в словах и поступках. Выходя с какого-нибудь совещания, он не должен забывать о выражении своего лица. Если оно будет серьезным, сразу же появятся сообщения, что совещание

закончилось провалом. У него, может быть, всего-навсего болит живот, но журналисты об этом не знают, так что волей-неволей приходится улыбаться. Естественно, рядом с ним и мы оказались на виду у публики. Сначала это было даже приятно. Нас повсюду фотографировали: если я меняла прическу, женские журналы немедленно публиковали соответствующую заметку, фотографировали и Уоррена, чаще всего в спортивном костюме. Мы здорово забавлялись, просматривая газеты.

Мама с первой минуты была на высоте положения и держалась великолепно. Рядом с нею я и теперь продолжаю чувствовать себя маленькой девочкой. Мама умеет командовать мной и Уорреном, да и почти всеми, включая нашего отчима, так, что люди даже не замечают этого. Они стараются понравиться ей, и она всегда с благодарностью принимает любой знак внимания.

Мы услышали шаги Ру и мадмуазель Мартер, шедших к себе. Мери Скелтон заговорила быстрее:

— Надо спешить. Уоррен скоро отправится нас искать. — Она перевела дыхание. — Я сказала, что мама командовала нами, а мы ей подчинялись. Сейчас это уже не так. Первый раз в жизни мы не послушали ее.

Случилось вот что. Месяцев шесть назад у мамы было со мною то, что она называет откровенным разговором. Она сообщила, что нашла для меня жениха. Его фамилия Кертис, это сын очень влиятельных родителей, богатый и представительный молодой человек. Мама уверена, что мне он понравится, и ей очень хотелось бы, чтобы мы поженились. Она узнала о том, что и Кертис интересуется мною, от его матери. Как я отношусь к этому?

Честно говоря, мне было безразлично, выходить за него замуж или нет. Кертис производил впечатление одного из тех приятных и безобидных молодых людей, которые живут в Вашингтоне, занимают хорошие посты на государственной службе и умеют вращаться в любом обществе. Очень милые парни, хоть в них и нет ничего мужского. Отчим не возражал. Вообще-то он всегда так занят, что просто чудо, как он нашел время, чтобы жениться на маме. Но тут он на минутку оторвался от своих проблем, чтобы сказать, что находит Кертиса подходящей для меня партией. Я решила, что с его стороны очень мило вообще проявить интерес к этому вопросу.

Вы, наверное, считаете меня дурочкой, потому что я так легко согласилась. Однако, как я уже говорила, вы не знаете ни моей мамы, ни что такое Вашингтон. В нашей столице молодым людям подбирают подходящего кандидата, и они женятся, а если нет, все считают, что тут что-то неладно. Мне

пора было выходить замуж — и мама выбрала для меня мужа. Правда, в то время я так не рассуждала. Мама умеет заставлять людей делать то, что она хочет, и при этом они убеждены, что поступают по своей воле, а она проявляет большую снисходительность, разрешая им это. Я и сама поверила, что влюблена в Кертиса. Так бывает, наверное, когда человек еще никогда не влюблялся. Он был очень мил со мною, мы повсюду ездили вместе, и я считала, что все идет прекрасно.

Однако произошло неожиданное. — Девушка отвела от меня взгляд. — За три недели до свадьбы я кое-что узнала о Кертисе, точнее говоря, узнал Уоррен, у меня для этого не хватило бы сообразительности. Оказалось, что Кертис — вовсе не такой приятный молодой человек, каким он казался, а, напротив, испорчен до мозга костей. Не буду шокировать вас деталями, но, поверьте, они таковы, что я до сих пор краснею, вспоминая об услышанном. Судя по всему, в нашем кругу отлично знали об этом, и предстоящий брак стал предметом постоянных шуточек. Хуже всего то, что и мама, и наш отчим были в курсе дела.

Мы с Уорреном встретились с ними и устроили скандал. Они отнеслись к нам с большим сочувствием, но когда я сказала, что свадьбы не будет, выглядели просто ошеломленными. Отчим взялся за Уоррена, мама завела со мной откровенный разговор, только на этот раз немного более искренний. Она убеждала меня, что я должна выйти замуж за Кертиса и сделать из него порядочного человека. Он нуждается во мне. Это мой долг. А когда я все равно не согласилась, она сказала, что всем нам приходится по временам делать неприятные вещи, что она вышла замуж за нашего отчима ради меня и Уоррена и что теперь моя очередь принести ей маленькую жертву. По ее мнению, я с самого начала понимала, что собой представляет Кертис, и сейчас не имею права отказываться от данного слова. Я продолжала стоять на своем и первый раз в жизни увидела, как моя мать вышла из себя. Теперь она была вполне откровенной. Крайне важно, чтобы я вышла замуж за Кертиса, и вовсе не для того, чтобы сделать из него порядочного человека. Просто отчиму из политических соображений нужно ладить с отцом Кертиса. Если бы я сорвала свадьбу, отец Кертиса не только провалил бы важный политический проект, но, будучи слишком снисходительным к очаровательным слабостям своего сына, пришел бы в бешенство и постарался бы погубить карьеру нашего отчима.

Я сказала все, что думала, и в течение следующих двух-трех дней мать и отчим смотрели на меня, как пара кошек, пытающихся убедить мышку в своих добрых намерениях.

Однако решение уже было принято. Выходить за Кертиса я не собиралась, хотя и не знала, как порвать объявленную помолвку. Мысль об отъезде подал Уоррен.

Сначала ему пришло в голову избить Кертиса, но вскоре он отказался от этого намерения и начал обдумывать более разумные планы. Уоррен намного умнее, чем можно заключить по его болтовне. Он рассуждал так: если я останусь дома, мама будет настаивать, пока не добьется своего, если же просто порву помолвку, пострадает отчим, который всегда был добр к нам и по сути ни в чем не виноват. Брат предложил тайком бежать куда-нибудь, где нас не смогут найти, и послать одновременно два ультиматума родителям: один — нашим, другой — Кертиса. В первом мы пригрозим, если меня не передумают выдавать замуж, порвать помолвку со скандалом, а во втором сообщим, что, если Кертисы вздумают предпринять что-то против отчима, мы готовы передать в газеты кое-какой любопытный материал, касающийся их сына. Обеим сторонам мы предложим объявить, что помолвка расторгнута мирно, по взаимному согласию.

Риск был велик, потому что отец Кертиса — влиятельный человек в прессе и мог принять наш вызов. К тому же вы должны учитывать, что какой-нибудь пронырливый журналист и сам в состоянии пронюхать, в чем дело, а газетная шумиха причинила бы немало вреда отчиму. Надо было, однако, либо пойти на этот риск, либо остаться в Вашингтоне в западне без выхода. Ситуация была «чревата трудностями», как сказал бы наш отчим.

Поэтому, решив привести в исполнение план Уоррена, мы отправились в Европу. Здесь нас никто не знает, а пани мать частных детективов, чтобы выследить нас, родители не станут. Заграничные паспорта сохранились еще с прошлого года, когда мы ездили в Нассау. Когда все было готово, мы с братом сказали дома, что едем на несколько дней в Филадельфию проведать бабушку. Маме это не понравилось, потому что они с бабушкой недолюбливали друг друга, но возразить она не могла. Захватив пару чемоданов, мы направились в Монреаль, оттуда пароходом в Ливерпуль. Из Ливерпуля перебрались в Лондон, а потом и сюда. Единственный человек, с которым мы поддерживаем связь, — это наша бабушка. Кстати, вчера мы получили от нее письмо, в котором сказано, что отчим уже уладил все с отцом Кертиса. Единственное, чего мы опасаемся сейчас — это газеты: там то могут узнать, что разрыв помолвки произошел отнюдь не по обоюдному согласию. Считается, что в настоящее время мы находимся в Канаде. Отчим верит в это и, если выяснится,

где мы на самом деле, попадет в неловкое положение. Он может прослыть дурачком. Вы же знаете наши газеты! Я верю, однако, что мы можем рассчитывать на ваше молчание.

Выслушав эту исповедь, я только почесал себе затылок.

— Что ж, мисс Скелтон, очень благодарен за доверие, хотя и не понимаю, какое значение может иметь для вас мое молчание.

Она поблагодарила меня очаровательной улыбкой.

— Я знала, что вы хороший человек. Уоррен не хотел вас посвящать во все это, но я решила: так будет лучше. Брат говорит, что журналисты забывают о том, что такое совесть, если у них в руках сенсация.

— И сейчас повторяю то же самое, — произнес рядом с нами полный горечи голос.

Мы обернулись, словно пара детишек, пойманных на шалости.

Уоррен Скелтон стоял в двух шагах от нас с довольно-таки хмурым лицом.

— Вот вы где, оказывается! Мери, неужели ты все рассказала этому человеку?

— Да, Уоррен, и он обещал мне...

— Он обещал тебе! — презрительно прервал ее молодой человек. — Я считал тебя все-таки немного разумнее.

— Если вы разрешите мне... — начал я.

— Знаю, — перебил он гневно. — Вам нужен снимок.

— Пойдем, Уоррен!

— Замолчи. Текст он получил, так ему подай еще и снимок.

— Ничего подобного он не просил.

— Да? Ну, тогда он отличается от всех известных мне журналистов.

— Одну минутку, пожалуйста...

Молодой человек поднял руку.

— Не теряйте зря времени, Вадаши. Фотографии вы не получите. Если увижу аппарат, я из него отбивную сделаю... И не исключено, — добавил он кровожадно, — что из вас тоже.

— Уоррен, не будь ребенком!

— Ребенком? Ну и ну! Это я-то ребенок? Надо быть сумасшедшей, Мери, чтобы поверить, что твои нежные взгляды помешают этому типу заработать на сенсации. Еще бы! Новость ведь опубликуют во всех газетах мира: «Бегство дочери сенатора Соединенных Штатов». Господи, помилуй!

— Может быть, вы все-таки выслушаете меня?

— Конечно. Что вам надо? Хотите, чтобы мы подписали интервью? Если это так...

— Я просил вас выслушать меня, — повторил я настойчиво. Молодой человек молчал. — Вот так лучше, — заметил я холодно. — А теперь был бы крайне благодарен, если бы вы объяснили, откуда вы взяли, что я журналист.

Уоррен нетерпеливо ответил:

— Это же все знают.

— А если я заверю вас, что это не так?

— О, ради Бога...

Однако сестра перебила его.

— Одну минутку, Уоррен. — Она испытующе взглянула на меня. — Вы хотите сказать, что вы не журналист?

— Именно это я и хочу сказать.

— Но ведь нам сообщили... — Она замаялась. — Мне кажется, что «journaliste international célèbre» означает «известный журналист», разве нет? Возможно, мы плохо говорим по-французски, но именно так мы поняли.

— Перевод совсем не плох, но...

— И вы будто бы находитесь здесь инкогнито, чтобы избежать лишнего шума. Он утверждал... — она замолчала, и брат с сестрой обменялись недоуменными взглядами.

— Понимаете...

— Подождите, — перебил я раздраженно. — Кто вам наговорил всю эту чепуху?

• Они оба удивленно посмотрели на меня.

— Вы не знаете?

— Конечно, нет, — соврал я.

Скелтоны расхохотались.

— Старый Дюкло.

Через минуту мы сидели за коньяком. Заказали еще и кофе.

— Ну, — сказал Уоррен, поднося рюмку к губам, — за ваше здоровье, мистер Вадаши! Завтра в это время вы вернетесь к своим студентам, а мы будем по-прежнему ждать, пока наши старики немного успокоятся.

— Надеюсь, что так оно и будет.

— Конечно. А почему бы им не смириться?

Я поглядел на их загорелые лица, на глаза, искрящиеся молодостью. Они были счастливы, и я почувствовал жгучую зависть.

С легкой горечью я ответил:

— Я думал не о Вашингтоне, а о Франции. Возможно, завтра в это время я буду на пути к своим обычным занятиям. Хочу верить в это. К сожалению, гораздо более вероятно, что я окажусь в тюрьме.

Не успев договорить, я уже почувствовал жгучий стыд. Можно подумать, будто я какой-то завистливый осел. Только потому, что они выглядят такими счастливыми... Нет, огорчать их совершенно ни к чему.

Уоррен и Мери засмеялись дружелюбно, но немного рас-терянно.

В салоне было жарко, и я решил открыть еще одно окно. Отходя от стола, услышал, как Скелтон прошептал сестре.

— Слушай, у меня что-то мозги плохо работают. Совершенно не понимаю европейского юмора.

Глава семнадцатая

ИНСТРУКЦИИ ПОЛУЧЕНЫ

Часы пробили девять. Колокольчики звенели нежно и чисто, и их звук заполнил все уголки салона.

Я и сейчас ясно, во всех деталях, вижу эту сцену. Все в фокусе — так, словно смотришь в стереоскоп на чудесное цветное изображение комнаты и людей, сидящих в ней.

Дождь прекратился, и поднялся легкий, теплый ветерок. В помещении было жарко, и открыли все окна. Мокрые листья плюща поблескивали, пронизываемые лучами света электрических лампочек. За балюстрадой террасы между холмами начала всходить луна.

Вместе со Скелтонами я сижу у окна. На столе пустые чашки из-под кофе. На другом краю салона Ру и мадмуазель Мартен играют в бильярд. Он стоит совсем рядом с нею, направляя ее кий, и я вижу, как она прижимается к нему, а потом быстро озирается, не заметил ли кто-нибудь. В другом углу, у двери в холл, сидят еще две группки. Мсье Дюкло, поглаживая бороду, беседует по-французски с внимательно слушающей его фрау Фогель. Герр Фогель с трудом пытается что-то объяснить по-итальянски миссис Клендон-Хартли. Она выглядит очень оживленной, а майор прислушивается к ним с улыбкой на губах. Нет только Шимлера и, разумеется, Кехе.

Помню, Скелтон сказал мне что-то насчет того, что Ру и Дюкло притворяются не замечающими друг друга. Я, едва слушая его, изучал лица людей, сидевших в салоне. Девять человек. Поговорив с каждым из них, наблюдая, прислушиваясь к их разговорам, я знал не больше, чем в тот такой далекий сейчас день, когда прибыл в «Резерв». Не больше? Не совсем так. Кое-что новое открылось. О майоре, например, о Скелтонах и о Дюкло, так же, как и о Шимлере. Но знаю ли

я об их мыслях, о том, что скрывается за масками? Объяснение, которое человек дает своим поступкам, так же, как и выражение лица, отражает лишь какую-то одну его сторону. Понять человека до конца так же невозможно, как невозможно одновременно рассматривать четыре грани куба. Человеческий ум — это фигура с бесконечным числом измерений, это бездонный, непрестанно движущийся поток.

На губах майора все еще блуждала слабая улыбка. Его жена, что-то с помощью жестов объяснявшая Фогелю, в первый раз выглядела ожившей. Ясно! Кто-то занял им денег. Вот только кто? Я знал так мало, что даже не пытался строить догадки.

Дюкло протирает очки, со снисходительным видом прислушиваясь к фрау Фогель. Ру не отводил глаз от шаров, поглощенный игрой. Я, как зачарованный, наблюдал за ними так, словно смотрел на балерин сквозь стекло, заглушавшее звуки музыки. Во всех их движениях сквозила торжественность, граничившая с безумием...

Скелтоны засмеялись. Чуть опалев, я повернулся к ним.

— Прошу прощения, — сказал Уоррен, — но мы наблюдали за вашим лицом, мистер Вадаши. Оно все вытягивалось и вытягивалось, мы уж испугались, что вы сейчас расплачетесь.

— Я думал о том, что мне рассказала ваша сестра, — солгал я.

— Не стоит. Даже мы не хотим об этом думать. — Он посерьезнел. — Нам, собственно, надо еще решить, как вернуться, но я сам не знаю, что с нами происходит. Это место словно околдовывает вас. И дело тут не в солнце, море, красках или кухне. Это...

— Уоррен хочет сказать, — перебила его сестра, — то, что уже пять минут вертится у меня на языке: в Сен-Гатьене какая-то особая атмосфера.

— Выражено не очень возвышенно, — заметил он. — Отнюдь. Потому я не хотел употреблять эти слова, хотя они и близки к правде. Поглядите, какая ночь! Довольно тепло, из сада доносится аромат цветов и хвои, идет приятная беседа, а над нами небо, усеянное звездами и освещенное луной. Красиво, как на открытке. Такое можно найти и в Калифорнии, но все-таки разница есть. Быть может, это всего лишь аромат французских сигарет, примешивающийся к другим запахам, или то, как одеты люди, или, возможно, здешняя пища по-особому действует на наш желудочный сок. Не знаю. Все, что я могу сказать: у меня такое же ощущение, какое бывало

в детстве, когда в кино медленно гасят свет и ты ждешь, что же появится на экране.

— Ну, если все это производит на тебя такое впечатление, держу пари, что дело в желудочном соке.

— Вам следовало бы поговорить с Хайнбергером, — заметил я.

— С кем?

— С Хайнбергером.

— Вы имеете в виду этого одинокого швейцарца? — спросила Мери.

— Да. Он сказал бы, что ваш брат инстинктивно ощущает упадок Европы.

— Должно быть, это очень забавный человек.

— А мне кажется, очень разумный, — возразил Скелтон. — Если бы моя сестрица не перебила меня, я признался бы, что испытываю такое же ощущение, когда читаю Пруста.

— Черт возьми!

— Европа напоминает мне старика, грязного, раздражительного старика. Когда муха садится ему на руку, он приходит в бешенство, но на самом деле ему на нервы действует не муха, а его же собственный организм, который отказывается работать. Старик медленно агонизирует, становясь чем дальше, тем раздражительнее и раздавая удары мухам. И, когда он будет умирать, вспыхнет последний приступ ярости, во время которого он начнет уничтожать все, что попадет под руку.

— Хотела бы я только знать, какое ко всему этому отношение имеет Пруст?

— Пруст был тем типом, который изготовлял красивые альбомчики для старика, прежде чем тот серьезно заболел.

— Господи!

— Не так громко, идиотка!

— Почему? Я могу потерять терпение так же, как любой другой, и если скажу тебе, — продолжала уже она серьезно, — что, слушая, как ты рассуждаешь о Прусте, я не могу отделаться от впечатления, что читаю воскресное приложение к какой-нибудь газете, ты поймешь.

— Ох, не говори глупостей!

— Брось!

Скелтон протянул руки, как в мелодраме.

— Мистер Вадаши, я апеллирую к вам!

— Это ничего тебе не даст: он тоже считает тебя сумасшедшим. — Она внезапно понизила голос. — Осторожно, сюда идет еще один маньяк!

Мсье Дюкло, то ли устав беседовать с фрау Фогель, то ли покинутый ею, направлялся прямо в наш угол.

— Я должен кое-что ему сказать, — серьезно проговорил Скелтон.

— Ну вот, дети мои, — добродушно объявил Дюкло, — дождь и прошел.

— Это еще не факт, если он так утверждает, — буркнул Скелтон, а потом громко спросил:

— Послушайте, мсье, что вы хотите сказать, подчеркивая, что этот господин — журналист?

— Простите...

— Проклятье! Почему же он не говорит по-английски?

— Вы говорите по-английски? (искаж.) — Мсье Дюкло улыбнулся, как человек, разговаривающий с ребенком, и поднял глаза к небу в поисках вдохновения. Потом лицо его прояснилось и он щелкнул пальцами. Медленно и очень четко он выговорил:

— Sior-r-vam! Bit it!

Скелтоны дружно застонали.

Очень довольный произведенным эффектом, Дюкло обратился ко мне:

— Английский язык великолепен. — Он погладил бороду. — И мне очень нравятся американские фильмы: они так интересны и духовно богаты. Эти молодые люди словно сошли с экрана. Возможно, они артисты.

— Нет, они не артисты, — сказал я и холодно добавил: — Так же, как и я не известный журналист.

— Простите?

— Кто-то сказал этим молодым людям, что я журналист. У них такое впечатление, что это сделали вы.

— Я? Быть не может! С чего бы я говорил это?

— Не знаю. Тем не менее рад, что это не вы. — Я многозначительно поглядел на него. — Когда я узнаю, кто это был, я поговорю с ним как следует.

Он энергично кивнул.

— Вы правы. Мне приходилось давать людям пощечины за гораздо меньшую вину.

— Вот как?

Старик сел и с улыбкой глядел на нас.

— Что он говорит? — поинтересовалась Мери.

— Говорит, что ему и в голову не приходило утверждать, что я журналист.

— Он либо лжет, либо рехнулся.

— В том, что у него не все в порядке с мозгами, нет никаких сомнений.

Дюкло внимательно прислушивался к нам.

— Эти американцы очаровательны.

— Да, вы правы.

— Как раз об этом я говорил фрау Фогель. Очень умная женщина. Ее муж — директор Swiss State Power Company. Влиятельный человек. Я, разумеется, и раньше слыхал о нем. Их предприятия в Берне — гордость города.

— Мне казалось, что он живет в Констанце.

Старик заботливо поправил очки.

— Да, у него и там великолепный дом. Он приглашал меня к себе в гости.

— Очень мило с его стороны!

— Конечно. Разумеется, мы проведем время, беседуя о делах.

— Естественно.

— Друг мой, когда встречаются промышленники, разговор всегда заходит о делах.

— Я понимаю.

— Не исключено, что мы сможем оказать друг другу какие-то услуги. Сотрудничество — очень важная вещь. Я всегда говорю об этом моим рабочим. И готов сотрудничать с ними. Но начать должны они. Сотрудничество не может быть односторонним.

— Конечно.

— О чем он болтает, черт возьми? — спросил Скелтон. — По-моему, он уже раз десять упомянул «сотрудничество» и «дело».

— Говорит, что в делах важно сотрудничество.

— А, вот оно что...

— Вы знаете, — продолжал Дюкло, — что Клендон-Хартли завтра уезжают?

— Да.

— Очевидно, кто-то занял им денег. Любопытно, не правда ли? Я бы лично этого не сделал. Он просил у меня десять тысяч франков. Это не такая уж значительная для меня сумма, но я отказал из принципа. Я человек деловой.

— Мне казалось, что ему нужны были две тысячи, — заметил я. — Так, во всяком случае, вы мне говорили.

— Его требования возросли, — спокойно ответил старик. — Это преступный тип, вне всякого сомнения.

— Мне такое не приходило в голову.

— Деловой человек должен уметь различать преступников. К счастью, с англичанами это не трудно.

— Да?

— Это всем известно. Французский преступник — змея, американский — волк, а английский — крыса. Змеи, волки

и крысы. Крыса — животное несложное. Она дерется, только загнанная в угол, а иначе спасается бегством.

— И вы действительно считаете, что майор Клендон-Хартли — английский преступник?

Старик очень медленно снял очки и похлопал ими меня по руке.

— Присмотритесь к его лицу, и вы увидите в нем что-то крысиное. Больше того, — добавил Дюкло с триумфом, — он и сам мне об этом сказал.

Это уже была просто какая-то фантастика.

Скелтоны, устав от попыток что-то понять из трескотни старого лгуна, взяли номер «Иллюстрасьон» и начали со смехом пририсовывать усы на все лица, попадавшиеся на его страницах. Я хотел было привлечь внимание девушки к нашему разговору, но у меня ничего не вышло, и пришлось продолжать бороться с Дюкло в одиночку. Он придвинул свой стул еще ближе.

— Ясно, — произнес он с помпой, — что я говорю это конфиденциально. Майор не хотел бы, чтобы я разглашал, кто он.

— Чтобы разглашали, кто он?

— А вы не знаете?

— Чего не знаю?

— А! — Дюкло погладил бороду. — Тогда я больше ничего не могу сказать. Он доверился мне.

Старик встал, бросил на меня многозначительный взгляд и удалился. Я увидел, что в комнату вошел Кеке вместе с Шимлером. Дюкло бросился к ним. Я услышал, как он сообщает о том, что дождь уже прошел. Кеке остановился рядом с ним, а Шимлер, не замедляя шага, направился в мою сторону. Выглядел он совсем больным.

— Я узнал, что вы завтра уезжаете, Вадаши.

— Да. Больше вам ничего не удалось выяснить?

Он покачал головой.

— Нет. Думаю, что никаких новых расследований не понадобится. Кеке считает, что в отеле происходит что-то не понятное для него. Это его беспокоит. Мне кажется, вы могли бы немного прояснить ситуацию.

— Боюсь, что нет. Если Кеке обратится в комиссариат...

— Так вот как! Вы действуете по поручению полиции.

— По ее поручению, но не принадлежу к ней. И еще одно, герр Хайнбергер, не советую долго беседовать со мною. Вчера меня видели выходящим из вашей комнаты, и один господин усиленно расспрашивал о вас.

На его губах появилась пугающая улыбка. Он посмотрел мне прямо в глаза.

— И вы ответили на его вопросы?

— Постарался солгать как можно убедительнее.

— Спасибо, — сказал он мягко и, кивнув мне и Скелтонам, снова отошел к Кехе.

— Значит, это и есть пророк декаданса! — заметила Мери Скелтон. — Выглядит он не слишком преуспевающим, верно?

Не знаю почему, но меня задело ее замечание.

— Надеюсь, что когда-нибудь я смогу рассказать вам побольше об этом человеке, — проговорил я импульсивно.

— Чувствую какую-то тайну. А сегодня не расскажете, мистер Вадаши?

— К сожалению, это невозможно.

— Ну, теперь вы попались, — сказал ее брат. — Вам сегодня не видать покоя. Смотри, Мери! Глаза навывкате, и его рыжая красотка ушли от стола. Сыграем? Вы разрешите, мистер Вадаши?

— Ну, конечно. Желаю приятно развлечься!

Они направились к бильярдному столу, оставив меня наедине со своими мыслями.

Я думал, что, скорее всего, наступила моя последняя ночь на свободе и надо получше все запомнить. Эта сцена действительно врезалась мне в память: Фогели и Клендон-Хартли беседуют, а Дюкло внимательно слушает их, поглаживая бороду и ожидая случая вмешаться в разговор; Кехе стоит с Ру и Одеттой Мартен; Шимлер сидит в кресле, перелистывая страницы журнала; Скелтоны начинают партию в бильярд. А вокруг теплая, насыщенная запахами ночь, далекий гул моря, бьющегося о скалы мыса, звезды и лунный свет, пробивающийся сквозь листву. Кажется, всюду царит спокойствие. Мира, однако, нет. В саду тысячи насекомых ползают по мокрым веткам и стеблям в поисках добычи: осторожные и решительные охотники и одновременно жертвы. Бесчисленные драмы разыгрываются в темноте. Без устали, без перерыва. Тайственная ночь полна трагедий. А здесь, внутри...

Я заметил какое-то движение в противоположном углу салона. Фрау Фогель, застенчиво улыбаясь, встала с места. Ее муж как будто пытался убедить ее в чем-то, а Кехе, прервав свой разговор с Ру, подошел к ней.

— Мы все будем вам очень благодарны, — услышал я.

Она неуверенно кивнула. Потом, к своему великому удивлению, я увидел, как Кехе подвел ее к пианино, стоявшему у стены, и поднял крышку. Она села за инструмент и пробежала своими толстыми пальцами по клавишам. Американцы удивленно повернулись в ее сторону. Шимлер оторвался от журнала. Ру с нетерпеливым жестом бросился

в кресло и притянул мадмуазель Мартен к себе на колени. Фогель обвел всех торжествующим взглядом. Дюкло снял очки и принял позу человека, застывшего в ожидании.

Фрау Фогель начала играть балладу Шопена.

Я увидел, что Шимлер с каким-то странным выражением лица наклонился вперед, вглядываясь в прямую, плотную фигуру женщины, смешные бантики на платье которой шевелились в такт движениям рук.

Стало очевидно, что фрау Фогель — в прошлом талантливая пианистка. В ее исполнении улавливался какой-то чуть померкший блеск, какой бывает иногда у пряжек старых, давно заброшенных бальных платьев. Потом я забыл о фрау Фогель и погрузился в музыку.

Когда музыка затихла, в салоне царила полная тишина, взорванная аплодисментами. Фрау Фогель с улыбкой обернулась и, нервно моргая, посмотрела на Кехе. Потом поднялась было, но муж попросил ее сыграть еще что-нибудь, и она вновь села. На секунду задумалась, затем провела по клавишам, и салон заполнили мягкие аккорды Иоганна Себастьяна Баха.

По временам после рабочего дня, возвратившись к себе домой и не включая свет, я падаю в кресло и застываю в нем, чувствуя почти приятную боль во всем уставшем теле. Такое же ощущение владело мною, когда я слушал фрау Фогель, только на этот раз смешанное с болью удовольствие испытывало не тело, а мозг, в который врывается мелодия хорала. Я закрыл глаза. Ах, если бы это не кончалось! Если бы это не кончалось! Если бы...

Когда чары внезапно были нарушены, я не сразу сообразил, в чем дело. Из холла донеслись звуки голосов, кто-то шикнул, требуя тишины, под кем-то закрипел стул. Я открыл глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как Кехе быстро вышел, аккуратно затворив за собою дверь. Через мгновенье дверь снова открылась — теперь уже резко, с шумом.

Все произошло в какие-то доли секунды, но первое подозрение, что случилось что-то неладное, возникло у меня, когда фрау Фогель прервала игру на середине ноты. Инстинктивно я посмотрел прежде всего на нее. Она сидела, подняв руки над клавишами, со взглядом, прикованным к чему-то за пианино, словно увидела привидение. Почти тотчас же руки ее опустились и послышался негромкий диссонирующий звук. Я взглянул на дверь. На пороге стояли двое полицейских в форме.

Они с угрожающим видом оглядели присутствующих, и один сделал шаг вперед.

— Кто из вас Жозеф Вадаши?

Я медленно поднялся, слишком ошеломленный, чтобы что-то ответить. Полицейские подошли ко мне.

— Вы арестованы. Пойдемте с нами в комиссариат.

Фрау Фогель вскрикнула.

— Но...

— Никаких «но». Идемте.

Они взяли меня за руки.

Мсье Дюкло подошел к нам.

— В чем его обвиняют?

— Не имеет значения, — сухо ответил один из полицейских, подталкивая меня к двери.

Дюкло взволнованно огляделся вокруг.

— Я гражданин Республики, — гордо заявил он. — Я имею право спросить об этом.

Полицейский повернул к нему голову.

— Любопытно? — усмехнулся он. — Что ж, его обвиняют в шпионаже. Опасный человек был у вас в доме. Пошли, Вадаши!

Скелтоны, Фогели, Ру, мадмуазель Мартен, Клендон-Хартли, Шимлер, Дюкло, Кеке... я увидел их лица, бледные и неподвижные, обращенные ко мне. Потом мои ноги перешагнули через порог. За спиной истерически вскрикнула женщина. По-моему, фрау Фогель.

Я получил свои долгожданные инструкции.

Глава восемнадцатая

МАСКА НАЧИНАЕТ СПАДАТЬ

В комиссариат меня повезли в закрытой машине, которую вел третий агент.

Это обстоятельство должно было заставить меня задуматься: обычно преступников не возят в машине, когда до комиссариата всего-то каких-нибудь несколько сот метров. Но я уже ничему не удивлялся. Все было кончено. Случилось то, чего я все время боялся: я снова был в руках представителей закона. Данная мне индульгенция потеряла силу. Конец. Правда, я не ожидал, что покину «Резерв» так драматически, но это, может быть, и лучше. Меня, по крайней мере, освободили от еще одной ночи неопределенности. Почти с облегчением я подумал, что больше не нужно ни о чем заботиться, не страшны придирки мсье Матиса, осталось только соглашаться — вот и все.

Интересно, как объяснили себе случившееся Скелтоны. Для них это, видимо, был тяжелый удар. Дюкло, разумеется, бегаёт от одного к другому, рассказывая, как с самого начала догадывался, что я за птица. Шимлер? Тут немножко жаль: мне хотелось бы, чтобы он знал правду. Что касается остальных... Кеке не удивится, а вот майор будет шокирован и, наверное, скажет, что меня следует расстрелять. Ру цинично рассмеется, Фогели выпятят губы с важным видом. А ведь одному из этих людей есть о чем подумать, он-то знает, что никакой я не опасный шпион. Интересно, что чувствует он, тот, кто обыскал мою комнату и унес две катушки пленки, кто чуть не разбил мне голову, чьи пальцы рылись в моих карманах. Торжествует победу? Какая разница? Какое мне дело, что думает обо мне любой из них? Никакого. Хотя, конечно, любопытно было бы знать, кто же шпион. Ладно, времени для догадок у меня будет хоть отбавляй. Шины зашуршали по гравию, и машина остановилась перед комиссариатом. Меня отвели в ту самую комнату, где стояли деревянные скамейки. Как и в прошлый раз, вместе со мною остался сидеть полицейский — только теперь я уже не пытался заговорить с ним. Мы сидели и ждали.

Стрелки часов на стене показывали половину одиннадцатого, когда отворилась дверь и вошел Беген.

На нем был, похоже, тот же самый костюм, что и три дня назад, а в руке он точно так же держал промокший носовой платок: он и сейчас сильно потел. Удивило меня только одно: он оказался гораздо меньше, чем я воображал. В первый раз я понял, что мысленно превратил его в какое-то чудовище. В моем воображении великан-людоед, отвратительный монстр, он накидывался на первых попавшихся невинных людей... Дьявол, одним словом. Сейчас передо мной был человек — толстый, потный, грубый, но, как бы то ни было, человек.

Мгновение его глазки с толстыми веками смотрели на меня, словно не узнавая, потом он дал знак полицейскому, и тот, отковыряв, вышел, затворив за собою дверь.

— Ну, Вадаши, как вам понравились последние дни отпуска?

Еще раз его пронзительный голос застал меня прямо-таки врасплох. Я холодно поглядел на него.

— Стало быть, за разбитые тарелки придется расплачиваться мне — так что ли, мсье? — ответил я.

Он наклонился, взял один из стульев, стоявших у стены, и уселся напротив. Стул заскрипел под ним. Беген вытер руки платком.

— Жарко, — сказал он и взглянул на меня. — Что они делали, когда вас арестовали?

— Кто, полицейские?

— Нет, другие гости.

— Ничего они не делали, — ответил я резко, чувствуя, что начинаю терять терпение и не в состоянии уже сдерживаться. — Ничего они не делали, — повторил я. — А чего вы ожидали? Дюкло хотел знать, за что меня арестовали. Фрау Фогель вскрикнула, а остальные смотрели с разинутыми ртами. Наверное, никогда не видели, как арестовывают людей. — Мое возмущение достигло предела. — Думаю, что привыкнут, если побудут еще в Сен-Гатьене. В следующий раз можете арестовать Фогеля. Или это будет уже опаснее? Вмешается швейцарский консул? Пожалуй. Или, может, ваш Военно-морской отдел недостаточно сообразителен, чтобы понять, что происходит? Знаете что, Беген? Три дня назад, когда вы разговаривали со мною в камере, я думал: пусть вы там грубый и сволочный полицейский, но хоть голова на плечах у вас есть. Я думал, угрожая мне и задавая бессмысленные вопросы, вы, по крайней мере, знаете, что делаете. Вижу, как ошибался. Вы идиот. Вы наделали столько ошибок, что и сосчитать трудно. Если бы у меня не хватило ума по-своему толковать ваши инструкции...

До сих пор он спокойно слушал, но тут вскочил, отведя назад руку, словно готовый ударить меня.

— Если бы вы... что? — крикнул он яростно.

Я не испугался. Меня охватило мстительное чувство.

— Вижу, вам не нравится правда. Я сказал, что, если бы я не истолковывал ваши инструкции по-своему, ваш драгоценный шпион испугался бы и сбежал. Вы приказали мне расспрашивать гостей об их фотоаппаратах. Даже сумасшедшему понятно, что это непростительная ошибка.

Беген сел снова.

— Ну, а что же сделали вы? — спросил он гневно. — Выдумывали сведения, которые передавали мне?

— Нет, просто воспользовался обычным здравым смыслом. Видите ли, — добавил я с обидой, — я наивно полагал, что власти поймут мое стремление получить нужную вам информацию без того, чтобы ставить под угрозу возможность поимки шпиона, после того как он будет опознан. Я выполнил свою часть задания, просто стараясь держать глаза открытыми пошире. Когда выяснилось, как это и должно было неизбежно случиться, что история с кражей — выдумка, я постарался спасти положение, запутав всех так, что в конце концов они поверили, будто я просто ошибся. Теперь все

раскрылось, и на этот раз исправить вашу оплошность невозможно. Вы насторожили всех. Как бы там ни было, Клендон-Хартли завтра уезжают; не думаю, что станут задерживаться и остальные. Подозреваемые разбегутся. Впрочем,— я пожал плечами,— полагаю, что это не имеет значения. Комиссар и так будет доволен. У вас есть, кому предъявить обвинение, а ведь это все, что интересует полицию, не так ли? — Я вскочил.— Ладно, дело закончено. Очень хотелось доставить себе удовольствие сказать вам правду в глаза. Если вы уже немножко пришли в себя и не возражаете, прикажите, будьте добры, отвести меня в камеру. Тут очень жарко, и к тому же я сегодня почти не спал, устал, и у меня болит голова.

— Закурите, Вадаши? — спросил Беген, вытаскивая из кармана пачку сигарет.

Я окинул его презрительным взглядом.

— Последний раз, когда вы предлагали мне закурить, вы собирались втянуть меня в довольно грязную историю. Что вам нужно сейчас, подписанное признание? Если так, зря ждете. Этого не будет. Понимаете: не будет.

— Берите сигарету, Вадаши. Лечь вы все равно пока что не сможете.

— А, ясно! Начало пыток, так?

— *Sacré chien!* — рявкнул он.— Берите же сигарету!

Я взял. Беген закурил и протянул мне спички.

— Ну, ладно! — Он выпустил к потолку клуб дыма.— Я должен извиниться перед вами.

— Вот как? — сказал я с глубоким презрением.

— Да, я должен извиниться. Я допустил ошибку, переоценив ваши умственные способности и в то же время недооценив их.

— Великолепно! И что же, по-вашему, я должен теперь сделать, мсье Беген? Разрешиться от радости и подписать признание?

Он нахмурился.

— Вы должны выслушать меня.

— Слушаю... прямо как зачарованный.

Он вытер платком воротничок своей рубашки.

— Ваш язык когда-нибудь доведет вас до неприятностей, Вадаши. Вам не показалось странным, что арестованный сидит здесь, в этой комнате, вместо того чтобы находиться в камере?

— Показалось. И очень хотелось бы знать, о какой новой западне идет речь.

— Нет тут никакой западни, идиот,— крикнул он со злостью.— Слушайте: первое, что вам следует знать,— это

то, что каждая наша инструкция имела одну единственную цель: добиться, чтобы шпион бежал из «Резерва». Именно поэтому я велел вам начать расспрашивать всех об их фотоаппаратах. Мы хотели спугнуть шпиона. Когда это не удалось — теперь я понимаю причину, — вам было велено пожаловаться на мнимую кражу. Поймите, мы хотели встревожить шпиона, но не настолько, чтобы он сломя голову кинулся в бегство — поэтому полиция и не появлялась в «Резерве», однако достаточно, чтобы он решил, что задерживаться в гостинице рискованно. И снова потерпели неудачу. В первый раз мы не учли, что, основываясь на известных вам фактах, вы можете прийти к собственным выводам относительно наилучшего метода действий. Это была моя вина: я забыл, как мало вы знаете. Во второй раз я не принял во внимание вашей неопытности — Кехе разоблачил вас слишком быстро.

— Но, — запротестовал я, — как вы могли надеяться поймать шпиона подобным образом? Что вы собирались сделать? Арестовать первого, кто соберет чемоданы и покинет «Резерв»? Если так, можете арестовать майора Клендон-Хартли: он собирается уехать завтра утром. Если вы не способны придумать ничего лучшего для поимки шпиона, сжалесь, Боже, над Францией!

К своему великому удивлению, я увидел на губах Бегена улыбку. Он глубоко затынулся и выпустил дым через нос.

— Примите во внимание, дорогой мой Вадаши, — сказал он мягко, — что вы далеко не все знали. В частности, вы не могли учесть самого главного: личность шпиона была нам известна еще прежде, чем вы ушли отсюда три дня назад, и мы могли арестовать его в любой момент когда нам вздумалось бы.

Понадобилось несколько секунд, чтобы сказанное дошло до меня. Потом в моем мозгу началась схватка между надеждой и отчаянием. Я впился взглядом в Бегена.

— Так кто же тогда шпион?

Беген оперся о стенку и с видимым интересом рассматривал меня. От моего вопроса он отмахнулся.

— Дойдем и до этого.

Я проглотил слюну.

— Ваша новая штучка?

— Нет, Вадаши, никаких штучек.

— Тогда, — спросил я, вновь охваченный яростью, — объясните мне, какого черта вы так издевались надо мной? Если бы вы знали, что я пережил за эти три дня, вы бы не сидели здесь, словно жирный, довольный трутень, ухмыляясь,

будто все это милая шуточка. Вы понимаете, что вы со мной делаете? Отдаете себе отчет? Будь оно проклято! Вы!..

Он хлопнул меня по колену.

— Спокойно, спокойно, Вадаши! Не будем зря терять время. Я знаю, что я толст, но, уверяю вас, не так уж доволен, и, во всяком случае, не трутень. Я делал то, что должен был делать, и вы сами это поймете, если, вместо того чтобы выходить из себя, позволите мне все объяснить.

— За что меня арестовали? Почему меня держат здесь?

Он недовольно покачал головой.

— Помолчите, дорогой мой, и выслушайте меня. Вы так волнуетесь, что даже сигарету выронили. Возьмите другую.

— Я не хочу курить.

Ненавидящим взглядом я смотрел, как он закуривает. Несколько секунд Беген молчал, не спуская глаз с погасшей спички.

— Я совершенно искренне попросил у вас прощения, — сказал он наконец. — Мы должны были выполнить свой долг. Вы это сами поймете.

Я хотел ответить, но он жестом остановил меня.

— Месяцев девять назад, — продолжал он, — один из наших агентов, работающих в Италии, сообщил, что, по слухам, итальянская разведка создала новый шпионский центр в Тулоне. Такие слухи распространяются довольно часто, и особого внимания мы на это не обратили. Вскоре, однако, стало ясно, что дело довольно серьезное. В Италию регулярно просачивалась самая разнообразная информация о береговой обороне этого района. Наш агент в Специи сообщил, например, что итальянские офицеры открыто обсуждают секретные детали изменений, произведенных в системе укреплений одного из островков вблизи Марселя. Мало того, им стало известно об этих изменениях через три дня после того, как были закончены работы. Хуже всего, что мы не имели понятия об источнике информации. Это нас, разумеется, очень беспокоило. Когда фармацевт пришел с обнаруженными им негативами, мы обеими руками ухватились за подвернувшийся случай.

Его пухлые, как у ребенка, руки драматическим жестом схватили воображаемый предмет.

— Естественно, сначала подозрения пали на вас, но, узнав о подмене камер, мы сразу же отказались от этой версии. Правду говоря, уже готовы были отпустить вас на свободу. Хорошо, — добавил он спокойно, — что мы решили подождать еще пару часов, пока не придет окончательный рапорт о фотоаппарате.

— Рапорт о фотоаппарате?

— Конечно. Видите ли, это еще одна деталь, о которой вы не знаете. Как только стало понятно, что камеры поменяли, немедленно связались с изготовляющим их заводом и заинтересовались, кем был куплен фотоаппарат с таким-то фабричным номером. Нам ответили, что данная камера отправлена такому-то торговцу фототоварами в Эксе. Этот человек отлично помнил ее, так как в его небольшом магазине она была единственной из дорогих камер, проданной за два года. Имя человека, купившего ее, совпадало с именем одного из гостей «Резерва». Тем временем мы показали негативы нашему эксперту. Учитывая положение теней, он пришел к выводу, что снимки были сделаны около половины седьмого утра с помощью телеобъектива. Он смог указать нам и угол, с которого производилась съемка. Сверившись с картой и приняв во внимание, что на некоторых снимках поле зрения было частично закрыто листвой, мы убедились, что фотограф мог находиться только в одном месте: на небольшом скальном выступе, почти недоступном с суши.

Связались с местными рыбаками. Да, интересовавший нас человек накануне в пять утра выходил в море на лодке Кехе. Сказал, что собирается ловить рыбу. Один из наших собеседников хорошо это помнил, потому что обычно, когда Кехе или его гости выходят на рыбную ловлю, он отправляется вместе с ними, чтобы готовить наживку и присматривать за мотором. Этот гость, однако, предпочел выйти в море один.

Что ж, теперь мы знали шпиона и могли его арестовать. Комиссар прямо сгорал от нетерпения, но все же мы этого не сделали. Почему? Вы, наверное, помните нашу беседу в камере, когда я сказал вам, что меня интересуют не шпионы, а их хозяева. Так оно и есть. Меня не интересовал этот человек. Нам приходилось слышать о нем и раньше, но всегда он фигурировал как исполнитель. Я же поставил цель раскрыть центр в Тулоне. Шпиона можно было арестовать в любой момент, но я хотел, чтобы он сначала привел нас к логову своих хозяев. Добиться этого удалось бы, только заставив его уехать из «Резерва», но так, чтобы он не догадался о наших подозрениях.

— Вот тогда я и пришел вам на ум, так, что ли?

— Совершенно верно. Если бы вы начали расспрашивать о фотоаппаратах, шпион понял бы, что произошло, и постарался бы скрыться, прежде чем вы сообщите обо всем властям. Тогда мы смогли бы, следуя за ним, дойти по ниточке до клубка. Единственная трудность состояла в том, чтобы

убедить вас заняться этим, скрыв все остальное. Нам снова повезло: у вас не в порядке паспорт и к тому же какая-то неопределенная национальная принадлежность. Остальное было уже просто.

— Да,— проговорил я горько,— это было просто. Неужели же вы не могли сказать мне хотя бы, что знаете, кто шпион?

— Не мог. Наше влияние на вас резко уменьшилось бы, и нам стало бы гораздо труднее руководить вами. Кроме того, мы не могли позволить себе роскошь полностью довериться вам. Ведь ничего не стоило проговориться кому-то, кто в свою очередь передал бы секрет другому. Да и ваше отношение к шпиону вряд ли было бы естественным. Жаль, конечно, что, действуя по-своему, вы нарушили инструкции, но нас гораздо больше обеспокоил, во-первых, обыск в вашей комнате и, во-вторых, нападение на вас. С нашей точки зрения, это означало, что шпиона не так-то просто испугать. Ясно было, что обмен фотоаппаратов он уже обнаружил и, увидев у вас такой же, как у него, понял, что обменялся именно с вами. Насколько я могу судить, он считал, что о пленке, которая была в камере, вы ничего не знаете.— Беген испытующе поглядел на меня.— Или вы сделали что-то, о чем я не знаю?

Я замялся. Воображение нарисовало, как я сижу в салоне, прислушиваясь к тиканью часов, не отрывая взгляда от зеркала, и как внезапно захлопывается дверь, ключ поворачивается в замке... Я посмотрел прямо в лицо Бегену.

— Обо всем существенном вы знаете.

— Ладно, неважно. Это уже прошло. Вернемся лучше к вашему злосчастному «ограблению». Честно говоря, Вадаши, я немного жалел вас. Я понимаю, какой пыткой для вас была ложь, но что поделаешь. Человек, обыскавший вашу комнату и забравший оттуда две катушки пленки, отлично знал, что больше он не взял ничего. Ваше заявление о пропаже ценностей должно было удивить и встревожить его, но все слишком быстро пошло вкривь и вкось. Нам пришлось принять срочные меры — отсюда ваш сегодняшний арест.

— Вы хотите сказать, что на самом деле я не арестован?

— Дорогой мой, я уже сказал вам: будь вы арестованы, вы не сидели бы тут, беседуя со мной. Нам нужно было заставить шпиона действовать, но сделать это как можно осторожнее. Агент, арестовавший вас, получил приказ четко объяснить, за что вас берут под стражу. Если бы Дюкло не начал расспрашивать, агент сам объяснил бы, что вы обвиняетесь в шпионаже. Теперь поставьте себя на место шпиона. Зная,

что фотографии попали в чужие руки, что бы сделали вы? Попытались бы вернуть их. Потерпев неудачу, вы решили бы, что другой преследует какие-то свои, неизвестные вам цели, и попробовали бы выждать, что будет дальше. И тут этого другого арестовывают по обвинению в шпионаже. Что пришло бы вам в голову? Прежде всего: вероятно, разведка узнала о существовании фотографий, и обвиненный попытается, пожалуй, защищаться, свалив вину на вас. Следовательно, пора исчезнуть. Более того, нельзя терять ни минуты. Вы понимаете меня?

— Понимаю, конечно. Но что, если он все-таки не уедет? Что тогда?

— Можете не беспокоиться. Он уже уехал.

— Как?

Беген взглянул на часы.

— Двадцать пять минут одиннадцатого. Десять минут назад он выехал из «Резерва» на машине, взятой напрокат в гараже. Он направился к Тулону. Мы дадим ему еще несколько минут. За ним следует наша машина, и вскоре должно поступить сообщение. — Он закурил третью сигарету и швырнул спичку на пол. — А пока я должен дать вам кое-какие инструкции.

— Вот как?

— Да. По понятным причинам мы не хотим сейчас предъявлять кому-либо обвинение в шпионаже. Газеты начали бы слишком интересоваться этим делом. Я намерен арестовать человека, обвинив его в краже... краже фотокамеры Цейсс Контактс, ценою в четыре тысячи пятьсот франков. Вам все понятно?

— И вы хотите, чтобы я опознал камеру?

— Вот именно. — Он пристально посмотрел на меня. — Вы ведь можете это сделать, не так ли? — У меня перехватило дыхание. Не оставалось ничего другого, как сказать правду. — Ну? — нетерпеливо спросил он.

— Я мог бы ее опознать, — ответил, я покраснев. — Тут есть только одна трудность. Камера, которая лежит у меня в комнате в «Резерве», моя. Их снова обменяли.

К моему великому облегчению, Беген спокойно кивнул.

— Когда это случилось?

Я рассказал. На его губах снова появилась легкая улыбка.

— Так я себе и представлял.

— То есть?

— Уважаемый мсье Вадаши, я же не идиот, а вы видны насквозь, как стеклышко. Когда утром я разговаривал с вами по телефону, я сразу обратил внимание на ваши попытки избежать всякого упоминания о камерах.

— Я не думал...

— Ясно, что нет. Но вы же сами знаете, что две камеры — близнецы. С вашей стороны было бы вполне объяснимой ошибкой принять за свою ту камеру, которую мы ожидаем найти в Тулоне, разве не так?

Я поспешно кивнул.

— Ну, само собой, если позже ошибка будет обнаружена, вы принесете соответствующие извинения.

— Разумеется.

— Отлично, тогда мы договорились. — Беген встал. — И если все пройдет хорошо, — добавил он дружелюбно, — не вижу, почему вы не могли бы завтра уехать в Париж и избежать выговора от вашего придирчивого мсье Матиса.

Сначала я не понял, а потом, когда смысл его слов дошел до меня, забормотал бессвязные слова благодарности. Это было бы словно пробуждение от кошмара — то же ошеломляющее ощущение, состоящее в равной мере из облегчения и страха: облегчения от того, что, в конце концов, это был только кошмар; страха перед тем, что, быть может, реален все же именно кошмар, а то, что я проснулся, — всего лишь сон. Какие-то обрывки кошмара все еще царили в моем сознании. Я боялся верить даже самому себе. Конечно, все это новая ловушка Бегена, западня, средство завоевать мое доверие. Слова благодарности замерли у меня на губах. Беген с любопытством наблюдал за мною.

— Если то, что вы сказали, правда, — резко проговорил я. — Если все это всерьез, почему я не могу уехать сейчас же, не дожидаясь завтра? Если у вас нет против меня никаких обвинений, вы не можете меня задерживать. Не имеете права.

Беген сердито вздохнул.

— Если я откажусь сотрудничать с вами, что тогда? — настаивал я.

Он пожал плечами.

— Принудить вас к этому я не могу. Придется обойтись без вас. Однако, — добавил он задумчиво, — следует учитывать и другие вещи. Вы упоминали, если я не ошибаюсь, что просили о французском гражданстве. От вашего поведения сейчас зависит и отношение к вашему ходатайству. Французский гражданин должен помогать своей полиции, если она обращается к нему за помощью. Человек, так мало ценящий обязанности гражданина страны, чтобы отказаться помочь...

— Ясно. Новый шантаж!

Он положил свою пухлую руку мне на плечо.

— Дорогой мой, я никогда еще не встречал человека, который так любил бы жонглировать словами.— Он убрал руку с моего плеча и вытащил из внутреннего кармана пиджака конверт.— Посмотрите! Вы провели в «Резерве» три дня по нашей просьбе, выполняя задание полиции. Мы хотим, чтобы все было по справедливости. Здесь пятьсот франков.— Он сунул конверт мне в руку.— Это более, чем достаточно, чтобы покрыть ваши дополнительные расходы. Сейчас мы просим вас пожертвовать еще одним часом отпуска, чтобы помочь нам арестовать виновника ваших злоключений. Разве это не разумно?

Я посмотрел ему в глаза.

— Вы так и не ответили на мой вопрос. Я задам его еще раз. Кто шпион?

Беген задумчиво погладил свой мясистый подбородок и искоса поглядел на меня.

— Боюсь,— медленно проговорил он,— что я избегал ответа умышленно. И, как мне кажется, стоит и сейчас воздержаться от него.

— Понятно. Опять хитрите. Хотите, чтобы я поехал с вами и посмотрел сам. А потом мне, надо полагать, придется опознать фотоаппарат, который на самом деле не мой. Так ведь?

Прежде чем Беген ответил, в дверь постучали, вошел полицейский, подал какой-то знак и снова вышел.

— Наш человек проехал уже Санари,— сказал Беген.— Пора отправляться.— Он подошел к двери и, уже стоя на пороге, снова повернулся ко мне.— Едете со мной, Вадаши?

Я, сунув конверт в карман, встал.

— Разумеется,— и вышел вслед за ним.

Глава девятнадцатая

ЭПИТАФИЯ

Без четверти одиннадцать большой закрытый «Рено» покинул стоянку комиссариата и, набирая скорость, рванулся на восток по прибрежной автостраде.

Кроме Бегена и меня, в машине ехали еще двое полицейских в штатском. Один из них вел машину. Другого я узнал, как только он сел рядом со мною на заднем сидении. Это был мой старый знакомый — любитель лимонада. Он, впрочем, сделал вид, что не узнал меня.

Небо прояснилось. Луна светила так ярко, что сноп света, который бросали наши фары, казался каким-то бледным.

Когда мы выехали за Сен-Гатьен, мотор взревел сильнее и шины завизжали по мокрому асфальту на крутом повороте за мысом, на котором стоял «Резерв». Я откинулся на спинку сиденья, стараясь немного привести в порядок свои мысли.

Я, Жозеф Вадаши, еще два часа назад смирившийся с потерей работы, свободы и всех надежд, спокойно сидел в полицейской машине, мчавшейся, чтобы захватить шпиона!

Спокойно? Ну, не совсем так. Среди самых разнообразных чувств, испытываемых мною, спокойствию не могло быть места. Мне хотелось петь, хотя и сам не смог бы сказать почему. Может быть, потому что теперь я был уверен, что завтра, примерно в это же время, буду в поезде, подходящем к Парижу? Или потому, что очень скоро я получу ответ на свой вопрос и не надо будет больше ломать голову над листком бумаги со списком имен?

Думаю, что все эти мысли были частью физической реакции, вызванной напряжением последних трех дней. На это, собственно, указывали все симптомы. В животе непрерывно урчало, хотелось пить, я закуривал одну сигарету за другою и, не докурив до половины, выбрасывал их в окошко. Кроме того, — многозначительный признак — я все время испытывал странное ощущение, будто я что-то забыл, оставил в Сен-Гатьене что-то, чего мне не хватает. Без всяких оснований, разумеется. В Сен-Гатьене не осталось ничего, что хоть как-то могло пригодиться мне в Тулоне.

Машина неслась по залитой лунным светом дороге. Рощи были уже позади, местность стала более открытой. Промелькнуло несколько плантаций оливковых деревьев, листья их серебряными звездочками отсвечивали в лучах фар. Мы миновали какие-то деревни, потом проехали небольшой поселок. Какой-то мужчина на улице сердито крикнул нам вдогонку, когда мы, не сбавляя скорости, промчались рядом с ним. «Скоро Тулон», — подумал я. Меня охватило неудержимое желание поговорить с кем-нибудь, и я повернулся к соседу.

— Что это мы проехали?

Он вынул трубку изо рта.

— Ля Кадьер.

— А вы знаете, кого мы должны арестовать?

— Нет, — ответил он, снова сунул трубку в рот и повернулся к окошку.

— Вы уж меня извините за тот лимонад, — сказал я.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

Я отказался от попыток завязать разговор. «Рено» круто свернул вправо и вырвался на прямой участок дороги. Беген закурил и, слегка повернув к нам голову, произнес:

— Расспрашивать Анри бессмысленно. Он воплощенная сдержанность.

— Я уже это понял.

Беген выкинул спичку в окно.

— Вы провели эти четыре дня в «Резерве», Вадаши. Неужели и понятия не имеете, кого мы собираемся захватить?

— Ни малейшего. — Он хрипло рассмеялся, а я добавил: — Даже представить себе не могу.

Любитель лимонада вышел из своей летаргии.

— Детектива из вас не вышло бы.

— Надеюсь, — ответил я холодно.

Тот что-то буркнул, а Беген негромко засмеялся.

— Осторожней, Анри. У этого господина язык как бритва, и он до сих пор сердит на полицию. — Он обернулся к водителю. — Остановитесь возле поста в Оллиуле.

Через несколько минут вы въехали в поселок и затормозили перед небольшим зданием на площади. У дверей нас поджидал человек в форме. Он подошел к машине, козырнул и наклонился к окошку.

— Мсье Беген?

— Да.

— Они ждут вас у скрещения главной автострады с дорогой на Саблетт. Машина из Сен-Гатьена проехала минут пять назад.

— Отлично!

Мы снова тронулись. Еще через пять минут стали видны огоньки стоп-сигнала стоящей на дороге машины. «Рено» сбавил скорость и остановился позади меня. Беген выскочил на мостовую.

Рядом с машиной стоял высокий сухощавый мужчина. Он подошел к Бегену, и они пожали друг другу руки. Разговор продолжался всего несколько мгновений, а затем каждый вернулся в свою машину.

— Это инспектор Фурнье из полиции порта, — сказал мне Беген, усаживаясь. — Мы направляемся на его территорию. — Он захлопнул дверцу и обратился к водителю: — Следуйте за машиной инспектора.

Автомобиль снова рванулся вперед. Мелькали придорожные деревья, потом мы промчались мимо нескольких фабрик. Наконец въехали на ярко освещенную улицу, по центру которой тянулись трамвайные рельсы. Вдоль тротуаров стояли столики кафе. Мы свернули направо, я заметил на угловом здании табличку «Страсбургский бульвар» и понял, что мы уже в Тулоне.

Кафе были полны людей. По улицам шатались группы моряков. Много женщин. Одна красивая молоденькая негри-

тянка в широкополой шляпе и черном облегающем платье спокойно перешла улицу прямо перед носом нашей машины, заставив водителя нажать на тормоза и замысловато выругаться. Какой-то старик шел по краю тротуара, наигрывая на мандолине. Жирный смуглый мужчина остановил моряка, что-то сказал ему и получил в ответ пинок, отбросивший его на женщину, шедшую с подносом, полным карамелек. Чуть дальше нам встретился морской патруль, заглядывающий в кафе, предупреждая моряков, что пора возвращаться на свои суда. Вскоре мы очутились на менее людной части бульвара, и машина, шедшая впереди, сбавив скорость, свернула направо. Еще через минуту мы уже медленно пробирались по паутине темных, узких переулков. Жилые здания чередовались с целыми кварталами, где виднелись лишь голые стены портовых складов. В одном из таких кварталов мы и остановились, наконец.

— Здесь выходим, — сказал Беген.

Было жарко, но, ступив на камни мостовой, я задрожал. Может быть, сказалось волнение и, наверное, страх. Было что-то пугающее в этих голых стенах, что-то... Беген дотронулся до моей руки.

— Идемте, Вадаши, теперь нам придется немного прогуляться.

Инспектор и остальные трое ожидали нас.

— Ничего не слышно, — заметил я.

Беген хмыкнул:

— А что вы ожидали услышать в такое время среди складов? Идите с Анри за нами и постарайтесь не шуметь.

Он поравнялся с инспектором, и они зашагали вперед. Три агента шли за ними, а мы с Анри замыкали процессию. Водители остались в машинах.

Свернув за край стены, мы попали в узкий, кривой переулок. Справа была стена того склада, рядом с которым остались наши машины, слева — ряд старых четырехэтажных домов. Свет почти всюду был погашен, и только кое-где из-под опущенных штор пробивались лучи. Из одной квартиры на верхнем этаже доносились звуки танго. По-моему, это работало радио.

— Что теперь? — спросил я.

— Явимся с визитом, — прошептал в ответ Анри. — Все очень вежливо. А сейчас прикусите язык, чтоб не было неприятностей. Уже подходим.

Мы находились в самом узком месте переулка. Дальше по обеим сторонам улицы смутно виднелись новые голые стены, укрепленные высокими бетонными контрфорсами. Внезапно в тени одного из контрфорсов что-то шевельнулось.

Вздвогнув, я схватился за руку Анри.

— Там кто-то есть!

— Тихо,— прошипел сквозь зубы полицейский.— Это один из наших людей. Дом окружен.

Позади еще несколько метров. Спуск кончился, и теперь улица была ровной. В стене справа я увидел какой-то проем, наверное, вход в один из складов. Шедшие перед нами исчезли в темноте. Следуя на ними, я заметил, что шагаю уже не по камням, а скорее всего по кускам угля, и растерянно остановился.

— Вон туда,— прошептал Анри,— налево.

Я повиновался ему, и вытянутой рукой коснулся стены. Было тихо. Я взглянул вверх. Стены поднимались, словно мы были на дне глубокой пропасти, а над нами виднелся клочок неба с сияющими звездами. Внезапно луч фонарика рассеял тьму, и я, увидев, что остальные стоят перед дверью, подошел к ним. Луч упал на дверь, и я прочел:

МОРЕХОДНОЕ АГЕНТСТВО «Ф. П. МЕТРО».

Беген взялся за дверную ручку и начал осторожно поворачивать ее. Дверь открылась внутрь. Анри тронул меня за плечо, и я вошел вслед за другими.

Мы оказались в небольшом коридоре, заканчивавшемся крутой лестницей. Лампочка над лестничной площадкой освещала ободранную штукатурку на стенах. Агентство «Метро», судя по всему, не слишком-то преуспевало.

Деревянные ступени закрипели под весом Бегена. Следуя за ним, я заметил, что Анри вытащил из кармана здоровенный револьвер. Очевидно, визит не обещал быть таким «вежливым», как меня уверяли. Сердце отчаянно заколотилось. Где-то в этом мрачном, гнетущем здании находился человек, которого я должен знать. Всего полчаса назад он подымался по тем же ступеням, по которым сейчас поднимаюсь я. Очень скоро, быть может, через одну-две минуты, я увижу его. Мне стало страшно. Он не сможет причинить мне никакого вреда, но я все равно боялся. Вдруг захотелось спрятать свое лицо под маской— мысль, согласен, довольно глупая. Потом я начал задавать себе вопрос: кто же это? Я видел лица всех гостей «Резерва» такими, какими они были, когда меня «арестовывали»: испуганными, удивленными. И все же одно из них, одно из них...

Анри, притронувшись к моему плечу, подал знак держаться поближе к шедшему впереди.

На первой лестничной площадке Беген задержался перед массивной дверью и взялся за ручку. Дверь сразу же открылась, и мы увидели пустую комнату, пол которой покрывали

осыпавшиеся с потолка куски штукатурки. Беген вытер пот со лба и шеи и начал подниматься по следующему пролету лестницы.

Почти достигнув площадки, он остановился и знаком велел подождать. Потом вместе с инспектором исчез где-то на площадке.

В полной тишине было слышно, как тикают часы на руке кого-то из нас. Через несколько секунд я различил слабые звуки голосов и затаил дыхание. Еще через мгновение над перилами показались голова и плечи инспектора, дававшего нам знак подниматься.

Площадка, точно такая же, как и этажом ниже, отличалась одним: здесь не горела лампочка. Стараясь двигаться как можно осторожнее, полицейские собрались у двери. Меня прижали к самой стенке. Отсюда голоса слышались гораздо лучше, и, хотя слов было не разобрать, я мог бы держать пари, что один из находившихся за дверью говорил по-итальянски.

Я увидел, что рука Бегена легко прикоснулась к дверной ручке, потом твердо взялась за нее и резко повернула.

Дверь оказалась запертой на ключ, и скрип ручки услышали. Голоса внезапно умолкли. Беген выругался сквозь зубы и с силой ударил в дверь. Изнутри не доносилось ни звука. Подождав мгновенье, Беген повернулся к Анри, и тот протянул ему револьвер. Беген взял его. Снова повернувшись к двери, он взвел курок, приставил ствол к замочной скважине, потом нажал на спусковой крючок.

Выстрел прозвучал оглушительно. Еще миг — и дверь под ударами двух агентов с шумом распахнулась. Чуть ошалевший, я бросился вслед за ними.

Мы очутились в небольшой комнате, похожей на контору, хотя в углу стояла железная кровать. Она оказалась пустой. В противоположной стене виднелась дверь. Что-то крикнув, инспектор подбежал к ней и с силой распахнул.

В комнате было темно, но свет лампы, проникший в раскрывшуюся дверь, осветил окно напротив нее. Из темноты донесся женский крик. Почти тотчас какой-то мужчина подбежал к окну, распахнул его и вскочил на подоконник.

События развивались с головокружительной быстротой. Незвестный достиг оконного проема прежде, чем влетевший, как снаряд, инспектор выпрямился. Уголком глаза я увидел, как Беген вскинул револьвер. В то же мгновение незнакомец обернулся и вытянул руку. Темноту прорезала вспышка, и взорвался гулкий выстрел. В ту долю секунды, которая прошла, прежде чем успел выстрелить Беген, я услышал глухой удар пули о плечо инспектора. Звон разбитого стекла,

снова женский крик — и окно захлопнулось! Незнакомец исчез. В тот миг, когда он повернулся, чтобы выстрелить, я узнал его. Это был Ру.

Инспектор привалился к раме двери с искаженным болью лицом. Теперь и я уже бросился вслед за остальными в другую комнату.

В углу, всхлипывая, съежилась побледневшая мадмуазель Мартен. Рядом с нею, подняв руки вверх, стоял какой-то коренастый лысый субъект, не перестававший твердить по-итальянски, что он честный коммерсант и друг Франции и что, поскольку он не совершил никакого преступления, полиция не имеет права его задерживать.

Беген подошел к окну. Пуля разбила одно из стекол, а Ру и след просты. Через плечо Анри я разглядел в двух метрах ниже окна крышу соседнего здания.

Беген резко повернулся к нам.

— Сбежал на крыши. Дюпра и Марешаль, займитесь этими двумя. Мортье, спуститесь на улицу и скажите, чтобы они там следили за крышами и стреляли, как только его увидят. Потом вернетесь сюда и позаботитесь об инспекторе Фурнье. Он ранен. Анри, пойдите со мною! Вы тоже, Вадаши, можете помочь нам.

Весь потный, не переставая ругаться, он вскарабкался на подоконник и спрыгнул на крышу. Следуя вместе с Анри за ним, я услышал еще, как инспектор слабым голосом посоветовал Мортье не стоять болваном, глядя на него, а бежать вниз и выполнять приказ.

Я очутился на невысоком парапете, тянувшемся вдоль края плоской крыши, в центре которой находилось слуховое окно. Вокруг поднимались голые стены соседних складов. В темноте казалось, что выхода с крыши нет, — тем не менее никаких следов Ру не оставил.

— Фонарик есть? — спросил Беген у Анри.

— Да, мсье.

— Тогда не торчи на месте, а бегом к слуховому окну и проверь, можно ли его открыть отсюда. И побыстрей, ради Бога!

Анри бросился выполнять приказ, а Беген, бормоча проклятия, начал продвигаться вдоль парапета. Через минуту я понял, в чем дело. На дальней стороне крыши виднелся узкий проход между двумя сходящимися почти вплотную стенами. Как раз в тот момент, когда Беген осветил это место своим фонариком, Анри крикнул, что через слуховое окно выбраться отсюда невозможно. Еще через секунду я увидел в темноте вспышку, раздался выстрел, и пуля ударила в кирпич где-то неподалеку от моей головы.

Беген спрыгнул с парапета, я — за ним. Согнувшись вдвое, под прикрытием темноты, подбежал к нам Анри.

— Он там, между стенами, мсье..

— Знаю, болван. Пригнитесь, Вадаши, и оставайтесь на месте. Прижмись к стене, Анри, и продвигайся к проему. Только поосторожнее. Если заметишь его, освети. Мы возьмем его в клещи.

Анри исчез, а Беген, с готовым к выстрелу револьвером, начал медленно продвигаться к проему. На мгновение тучка закрыла луну, и я потерял его из виду. Еще через несколько секунд вспыхнул луч фонарика и один за другим прозвучали два выстрела. Как только эхо выстрелов стихло, я услышал, что Беген приказывает Анри остановиться.

Искушение оказалось сильнее меня, и я начал пробираться к ним. Возле поворота стены наткнулся на Бегена, внимательно вглядывавшегося в темное пятно между домами.

— Вы его видели? — прошептал я.

— Нет. Зато он нас видел. Вы бы вернулись, Вадаши.

— Если не возражаете, я лучше останусь здесь.

— Тогда не жалуйтесь, если нарветесь на пулю. Ру возле пожарной лестницы, метрах в двадцати отсюда, за углом. Это задняя стена склада, который выходит на параллельную улицу. Анри, возвращайтесь и прикажите, чтобы там внизу послали нескольких человек в этот склад. Если сторож спит, пусть взломают дверь. Надо атаковать его с тыла. И пускай поторопятся.

Анри бесшумно скрылся в темноте. Мы молча ждали. Сюда доносились звонки трамвая и гудки машин на бульваре, но здесь, вокруг нас, царил тишина.

— А если он побежит раньше, чем... — начал я.

Беген схватил меня за руку.

— Молчите и слушайте!

Я напряг слух. Вскоре удалось уловить слабый металлический звук. Беген засопел и бросился вперед. Я, пригнувшись, выглянул за угол. Внезапно луч фонарика прорезал темноту и начал ползти по противоположной стене. Потом он остановился, и я увидел пожарную лестницу.

Ру был уже на одной из верхних ступенек. Поняв, что его обнаружили, он быстро обернулся и вскинул револьвер. Лицо его было страшно бледным, он все время моргал, словно ослепленный лучом фонарика. В этот момент Беген выстрелил. Пуля со звоном ударила в одну из железных ступенек и с противным визгом ушла рикошетом в темноту. Ру опустил руку и начал быстро подниматься дальше. Беген выстрелил еще раз и бросился вдоль узкого прохода между стенами

к лестнице. Я на мгновение заколебался, прежде чем последовать за ним. Когда же ступил на первую ступеньку, он был уже довольно высоко. Я различал его силуэт на фоне неба — тень, медленно ползущую по стене, и полез за ним.

Еще через секунду мне пришлось пожалеть об этом, когда возникло какое-то движение на самом верху.

Беген остановился и крикнул, чтобы я убирался. В тот же момент пуля Ру ударилась о ступеньку, на которой я стоял. Беген выстрелил в ответ, но Ру уже не было видно. Когда я догнал Бегена, он как раз осторожно высунул голову из-за края крыши и негромко выругался.

— Бежал?

Ничего мне не ответив, он поднялся на последнюю ступеньку и соскочил на крышу.

Плоская кровля была длинной и узкой. Рядом с нами возвышался громадный бак для воды. Подальше находилась треугольная надстройка с дверью, через которую можно было спуститься внутрь здания. В промежутке торчало множество железных труб, служивших для вентиляции склада. Беген оттянул меня в тень бака.

— Придется ждать подкрепления. Среди этих проклятых вентиляторов нам его не найти, а он легко сможет подстрелить нас.

— А если ему удастся за это время скрыться?

— Нет, Ру окружен. С этой крыши только два выхода: пожарная лестница и вон та дверь. Скорее всего он попытается пробиться. Когда появятся мои люди, лучше не двигайтесь.

Существовала, однако, и еще одна возможность уйти с крыши, и Ру попытался ею воспользоваться.

Долго томиться нам не пришлось. Беген едва кончил говорить, как дверь, ведущая на чердак, растворилась и на крышу высыпали *gardes mobiles* с винтовками в руках. Беген крикнул им, чтобы они рассыпались и продвигались к нам. Цепочка сразу же двинулась вперед. Мы ждали, затаив дыхание.

Не знаю, на что я рассчитывал, но, во всяком случае, не на то, что случилось.

Цепочка солдат была уже у последнего ряда вентиляторов, и я решил, что Ру успел скрыться, когда темная фигура выскочила из темноты и бросилась к краю крыши напротив нас. Один из солдат, что-то крикнув, побежал за нею. Беген тоже бросился вперед. Шпион вскочил на парапет, окружавший крышу, и на мгновение остановился, чтобы вернуть равновесие.

Только теперь я понял, что он задумал. Между крышами — нашей и соседнего склада — было пространство в пару метров. Ру решил прыжком преодолеть его.

Я увидел, как он пригнулся, готовясь к прыжку. Ближайший из солдат, метрах в двадцати от беглеца, на ходу перевернул затвор винтовки. Беген был чуть дальше. Он остановился и вскинул свой револьвер.

Его выстрел раздался в тот самый момент, когда Ру выпрямился. Пуля, по-видимому, попала ему в правое плечо: я увидел, как он схватился за него левой рукой. И тут раненый потерял равновесие.

Это было ужасно. Мгновенье он пытался спастись, а потом, поняв, что падает, закричал. В тот момент, когда Ру исчез с наших глаз, крик перешел в вопль, оборванный глухим ударом тела о бетон.

Я увидел, как Беген подошел к парапету, чтобы посмотреть вниз, и тут, второй раз за эти сутки, меня стошнило.

Когда мы спустились вниз, Ру был уже мертв.

— Его настоящее имя Арсен Мари Веррю, — сказал Беген. — Мы и раньше слышали о нем. Он... он француз, но мать его была итальянкой, и родился он в Бриансоне, возле итальянской границы. В двадцать четвертом году дезертировал из армии, а вскоре мы узнали, что он подвизается в Загребе как агент итальянской разведки. Потом некоторое время работал на румынскую разведывательную службу, а еще позже перебрался в Германию, скорее всего снова по заданию итальянцев. Сюда он приехал с фальшивыми документами. Хотите узнать еще что-нибудь?

Мы уже опять сидели в конторе «Агентство Метро». Инспектора Фурнье увезла машина скорой помощи. Полицейские выносили все документы, архивы агентства в вызванный грузовик. Один из помощников Бегена вспарывал обивку стульев, другие поднимали доски пола.

— А мадмуазель Мартен?

Беген безразлично пожал плечами.

— А это всего-навсего его жена. Безусловно, она знала о деятельности мужа. Сейчас он в местном комиссариате, лежит без сознания. Допросим, когда придет в себя. Потом, наверное, выпустим. Вот чему я действительно рад, так это тому, что мы поймали Малетти, или Метро, как он себя здесь именовал. Он главная фигура, а Ру был всего лишь мелким исполнителем. Остальные тоже скоро будут у нас в руках. Здесь есть все материалы для этого.

Беген подошел к агенту, как раз вытащившему из-под пола пачку бумаг, и начал просматривать их. Меня предоставили самому себе.

Так, значит, это был Ру! Теперь я понял, почему его прозвище показалось мне знакомым. Точно такое же было у моего коллеги Росси, итальянца, работавшего вместе со мной у Матиса. Теперь мне стало ясно, что хотел сказать Ру, предлагая мне пять тысяч франков за информацию. Его интересовало, куда девались негативы. Я понял, кто напал на меня и кто обыскал мою комнату. Теперь я знал это — и мне это было безразлично. В ушах до сих пор раздавался последний вопль агонии. Перед моими глазами были мадмуазель Мартен и Ру, стоящие рядом у бильярдного стола. Я видел, как она прижимается к нему. Но... Ру был всего лишь мелкий исполнитель... а она его жена. Да, это ясно. Так и следует относиться к подобным вещам.

В комнату вошел агент с каким-то пакетом в руках. Беген оторвался от бумаг и взял пакет. Внутри был фотоаппарат «Цейсс Контактс» с телеобъективом. Беген знаком попросил меня подойти.

— Мы нашли это у него в комнате. Хотите взглянуть на номер?

Я посмотрел на камеру, которую он держал в руке. Объектив был сплюснен. Я покачал головой.

— Верю вам на слово, мсье.

Он кивнул.

— Не вижу причин задерживать вас здесь. Анри внизу. Он отвезет вас в Сен-Гатьен.

Полицейский снова вернулся к бумагам. Мгновенье я колебался.

— Последний вопрос, мсье Беген. Вы не могли бы сказать, почему Ру оставался в «Резерве» и так старался вернуть свои негативы?

Беген раздраженно поднял на меня глаза и пожал плечами.

— Не знаю. Очевидно, ему платили только за результаты. Мне кажется, он нуждался в деньгах. Спокойной ночи, Вадаши.

Я вышел на улицу.

«Он нуждался в деньгах».

Это звучало как эпитафия.

Глава двадцатая

ОТЪЕЗД

Была почти половина второго, когда, утомленный, я вернулся в «Резерв». Тяжело шагая по дорожке, заметил, что в конторе еще горит свет. Сердце у меня вздрогнуло. Как сообщил мне Беген, полиция Сен-Гатьена объяснила Кехе

ситуацию и предупредила его о моем возвращении; тем не менее меня вовсе не прельщала перспектива беседовать с кем бы то ни было, а меньше всего — с нашим хозяином. Я попытался незаметно пройти мимо дверей конторы к лестнице и уже положил руку на перила, когда услышал какое-то движение за своей спиной. Обернулся. Кеке стоял на пороге и сонно улыбался мне.

— Я решил подождать вас, мсье. Недавно заходил комиссар и сказал, между прочим, что вы вернетесь

— Знаю. Я очень устал.

— Ясно, ясно. Охота за шпионами, надо полагать, — очень утомительное занятие. — Он снова улыбнулся. — Думаю, что вы не откажетесь съесть бутерброд и выпить стакан вина.

В это мгновение я понял, что бутерброд и стакан вина — именно то, что мне сейчас необходимо. Я поблагодарил Кеке, и мы вошли в контору.

— Комиссар, — сказал он, откупоривая бутылку, — говорил с большим чувством, но не очень ясно. Я понял, что самое важное, чтобы никто не узнал, чем на самом деле занимался Ру. В то же время необходимо, конечно, объяснить, каким это образом мсье Вадаши, арестованный вчера за шпионаж, сегодня возвращается как ни в чем не бывало.

Я проглотил кусок бутерброда.

— Это уже дело комиссара.

— Да, конечно. — Кеке налил вина нам обоим. — Во всяком случае, — добавил он, — завтра вам придется отвечать на множество щекотливых вопросов.

Меня это мало тронуло.

— Несомненно, но это будет завтра. Сейчас меня интересует единственное — выспаться.

— Естественно. Вы, наверное, очень устали, — он внезапно улыбнулся. — Надеюсь, что о нашей бурной беседе днем вы забудете.

— Уже забыл. Вашей вины тут нет. Полиция дала мне инструкции, и я должен был их выполнять. Это не слишком-то приятно, сами понимаете, но выбора не было: угрожали высылкой.

— О, вот как! Об этом комиссар мне не говорил.

— Неудивительно.

Он взял один из бутербродов и несколько мгновений молча жевал его.

— Знаете, — сказал он, наконец, задумчиво, — последние несколько дней меня сильно обеспокоили.

— Вот как?

— Да. Когда-то я работал помощником управляющего в большом парижском отеле. Шеф был русский, по фамилии

Пилевский, может быть, вы слыхали о нем. Прямо-таки гений в нашей профессии. Работать с ним, было приятно, и я многому у него научился. Хороший restaurateur, говаривал он, должен знать своих гостей. Должен знать, чем они занимаются, сколько зарабатывают и о чем думают, ...и при этом не казаться любопытным. Это я крепко вбил себе в голову. Знать подобные детали я обязан ради престижа. Однако в последние дни я понял, что здесь происходит что-то непонятное, и это меня встревожило. Я почувствовал, что задето мое профессиональное достоинство, и понимал, что причина кроется в ком-то конкретном. Сначала мне казалось, что повинен англичанин, — из-за того инцидента на пляже. К тому же я выяснил, что он просил у всех денег взаймы.

— И, кажется, добился все-таки своего.

— Да, американец занял ему две тысячи.

— Скелтон?

— Да, Скелтон. Надеюсь, что для него это не будет большой потерей. Вряд ли он получит их обратно. — Сделав паузу, хозяин добавил:

— Потом я подумал о мсье Дюкло.

Я рассмеялся.

— Был момент, когда я сам подозревал в Дюкло шпиона. Ужасный старик, уверяю вас. Неисправимый болтун и врет, как нанятый. Думаю, что рано или поздно это скажется на его делах.

— Делах? — переспросил Кехе, приподняв брови. — Каких делах?

— Ну, у него, кажется, какие-то фабрики.

— Мсье Дюкло, — с нажимом проговорил Кехе, — писарь в санитарном управлении одного городка, по соседству с Нантом.

— Как вы сказали?

— Писарь. Каждый месяц откладывает деньги, чтобы приехать сюда на две недели отпуска. Говорят, несколько лет назад он провел шесть месяцев в психиатрической больнице. Боюсь, что скоро ему придется вернуться туда. В этом году он чувствует себя гораздо хуже, чем в прошлом. Появилась новая мания — изобретать самые фантастические истории обо всех. Несколько дней он морочил мне голову, убеждая, что необходимо арестовать майора-англичанина. Говорил, будто тот известный уголовник. Каждый раз со стариком все труднее.

Я уже, однако, привык к сюрпризам. Доев последний бутерброд, встал.

— Ну, мсье Кехе, спасибо за угощение и... спокойной ночи. Еще немного — и я усну прямо здесь.

Кехе улыбнулся.

— В этом случае вам, разумеется, вопросов избежать не удастся.

— Чьих вопросов?

— Гостей, мсье.— Посерьезнев, он наклонился ко мне.— Послушайте, сейчас вы устали, и мне не хотелось бы беспокоить вас, но подумали ли вы, что будете завтра утром говорить всем им?

Я устало покачал головой.

— Понятия не имею. Скорее всего, правду.

— Комиссар...

— К черту комиссара! — взорвался я.— Вся эта ситуация возникла по вине полиции, пусть они ее и расхлебывают.

Он тоже поднялся.

— Одну минутку, мсье. Думаю, что вам следует узнать еще одну вещь.

— Надеюсь, никаких новых сюрпризов?

— Сегодня вечером, когда пришел комиссар, англичане, американцы и Дюкло все еще были в салоне, обсуждая ваш арест. После того, как он ушел, я позволил себе изобрести объяснение, освобождающее вас от подозрений и в то же время удовлетворяющее любопытство гостей. Я сказал им по секрету, что вы из контрразведки и что ваш арест — инсценировка, представляющая часть плана, о котором даже полиция не знает ничего определенного.

Вздвогнув, я уставился на него с разинутым ртом.

— И вы думаете, что они поверят в эту чушь? — спросил я наконец.

Кехе улыбнулся.

— Почему бы и нет? Поверили же они в ваше объяснение насчет исчезновения портсигара и булавки с бриллиантом.

— То совсем другое дело.

— Правильно. Тем не менее, они поверили тогда и поверили теперь. Понимаете, *они хотели* поверить. Американцы симпатизируют вам и не желали бы видеть в вас преступника. То, что они поверили сразу, убедило и остальных.

— А Дюкло?

— Старик заявил, что знал об этом с самого начала и что вы сами ему обо всем рассказали.

— Да, это-то неудивительно. Однако,— я поглядел Кехе прямо в глаза,— что побудило вас фантазировать? Этого — не понимаю.

— Стремление избежать неприятностей,— ответил он мягко и после паузы продолжал: — Мсье, отдыхайте спокойно,

и, если утром вы останетесь в своей комнате и предоставите все мне, обещаю, что вам не придется отвечать ни на какие вопросы и кому-то что-то объяснять. Вам даже не надо будет ни с кем видаться.

— Послушайте, Кехе...

— Я знаю,— быстро перебил он меня,— что не имел никакого права распространять эту выдумку без вашего разрешения, но в данных обстоятельствах...

— В данных обстоятельствах,— продолжил я с горечью,— кража, арест и смерть одного из гостей — все в течение дня — неважно отразились бы на ваших делах, так что вы изобрели сказочку о подвигах контрразведчика. О Ру спокойнее всего забыть. Полиция довольна, а вот я остаюсь между двух огней. Мне нужно либо продолжать лгать направо и налево, объясняя, чем занимается в «Резерве» знаменитый охотник за шпионами, либо бежать тайком, чтобы меня никто не увидел. Очень мило с вашей стороны, дружище Кехе!

Хозяин пожал плечами.

— Можно смотреть на вещи и так. Я бы хотел задать вам только один вопрос. Вы предпочитаете какую-то свою версию?

— Я предпочитаю говорить правду.

— Но полиция...

— К черту полицию!

— Да, конечно,— он кашлянул.— Должен сказать, что комиссар оставил послание для вас.

— Где оно?

— Оно было передано на словах. Он просил напомнить, что гражданин Франции должен быть готов в любой момент оказать помощь властям. Он добавил, что в ближайшие дни свяжется с департаментом по вопросам иммиграции.

Я глубоко вздохнул.

— Полагаю,— проговорил я медленно,— что и свою сказочку вы обсудили с комиссаром, не так ли?

— Кажется,— ответил он, покраснев,— упомянул о ней мимоходом. Но...

— Ясно. Вы выдумали ее вдвоем. Вы...

Я замолчал, почувствовав вдруг бесконечную усталость. Мне осточертела эта проклятая история. Болели ноги, а голова словно раскалывалась на части.

— Иду спать,— твердо проговорил я.

— Что же мне приказать слугам, мсье?

— Слугам?

— Насчет времени, когда вас разбудить. Им было сказано, что официально вас уже нет в гостинице, что они

должны подать вам завтрак в комнату так, чтобы этого никто не видел, и что, когда подъедет за вами автомобиль, другие гости не должны видеть вас выходящим. Следует отменить эти инструкции?

Мгновение я молчал. Стало быть, они уже все уладили! Официально меня нет в «Резерве». Впрочем, какая разница? Я представил себя выходящим завтра утром на террасу. Услышал возгласы удивления, вопросы, объяснения и снова объяснения, ложь и снова ложь. Второй выход показался мне легче. Кехе прав, а я ошибаюсь... Господи, как я устал!

Хозяин внимательно наблюдал за мною.

— Итак, мсье?

— Согласен... пусть только не подадут завтрак слишком рано.

На его губах появилась улыбка.

— На этот счет не беспокойтесь. Спокойной ночи, мсье.

— Спокойной ночи. А кстати, — я вернулся уже от двери и вытащил из кармана конверт, который вручил мне Бенген. — Вот это я получил от полиции. Тут пятьсот франков в виде возмещения за дополнительные расходы. У меня их не было, и я хотел бы, чтобы вы передали этот конверт герру Хайнбергеру. Мне кажется, он больше нуждается в них, правда?

Он пристально посмотрел на меня. Секунду у меня было странное ощущение, что я гляжу на актера, готового одним движением стереть грим с лица... актера, играющего роль хозяина гостиницы. Он медленно покачал головой.

— Это очень благородный жест с вашей стороны, Вадаши, — сейчас он уже не добавил официального «мсье». — Эмиль говорил мне, что беседовал с вами, и я разозлился на него. Сейчас вижу, что зря. Тем не менее Эмилю деньги уже не нужны.

— Но...

— Несколько часов назад он, возможно, был бы рад им, но завтра он будет уже в Германии. Ночью они уедут, чтобы успеть на поезд, уходящий в девять из Тулона.

— Почему вы говорите во множественном числе?

— Его сопровождают Фогели.

Я молчал. Что тут было сказать? Потом посмотрел на конверт и сунул его назад в карман. Рассеянным жестом Кехе налил в стакан еще вина, посмотрел его на свет и повернулся ко мне.

— Эмиль все время говорил, что эта царочка слишком много смеется. Вчера я понял, кто такие Фогели. Им

принесли письмо. Будто бы из Швейцарии, но марка была немецкой. Улучив момент, когда они ушли из номера, я прочел его. Очень короткое. Сказано было, что, если они хотят, чтобы выслали деньги, то должны представить необходимые доказательства. Так они и сделали. Эмиль был прав. Они смеялись, паясничали. Никто не подозревал, как они грустны — это было их секретом. — Он допил вино и резким движением поставил стакан на стол. — В Берлине несколько лет назад я был на концерте, который давала фрау Фогель (тогда ее звали Хильда Крамер); я вспомнил ее, только когда услышал, как она играет. Иногда я спрашивал себя, что случилось с нею. Теперь знаю: вышла замуж за Фогеля. Странно, не правда ли? — Он протянул мне руку. — Спокойной ночи, Вадаши.

Я пожал его руку.

— И надеюсь, — добавил я, — когда-нибудь снова вернуться в «Резерв».

Кехе наклонил голову.

«Резерв» всегда будет на месте.

— Хотите сказать, что вы — нет?

— Скажу вам по секрету: на следующий месяц я уезжаю в Прагу.

— Решили сегодня ночью?

— Совершенно верно, — ответил он.

Медленно поднимаясь в свою комнату, я услышал, как часы в салоне пробили два. Еще через четверть часа я крепко спал.

На завтра, в полдень, кончив завтракать, я собрал чемодан и сел, ожидая машину, у окна.

День был чудесный. Сияло солнце, и с улицы, несмотря на ветерок, волновавший море, веяло жаром. Из сада доносилось монотонное стрекотание цикад. Вдалеке, на пляже, я еще мог различить две пары загорелых ног, высовывавшихся из тени огромного полосатого зонта. На нижней террасе мсье Дюкло беседовал о чем-то с парой новых гостей, едва успевших переодеться с дороги. Разговаривая, он поглаживал бороду и поправлял свои очки. Новички внимательно слушали его.

В дверь постучали. Это был один из официантов.

— Машина здесь, мсье. Пора выходить.

Я вышел. Немного позже, уже из поезда, еще раз различил крышу «Резерва» и поразился, какой маленькой она выглядит среди деревьев.

Конец